

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

2
2023

ART

12+

Журнал «Арт»

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

Акценты

Номер открывает раздел «Литературная Чита», в котором представлены авторы из далёкого от РК Забайкалья. Поэзию Вячеслава Вьюнова («Я жизнь не оставляю на потом...») можно отнести к жанру философской лирики. Тонко чувствующий жизнь, поэт ощущает в любом её проявлении присутствие высших смыслов, того, что философы называют Бытием. Яркая проза Елены Чубенко не оставит безучастным читателя. Герои её рассказов – люди на склоне лет, они не совершают героических подвигов, не участвуют в детективных историях, они просто живут, любят, и подвиг их жизни в этой обыденности, порой такой непростой. В рассказе Ирины Кушнир «Время летать» явь переплетена с фантастикой, сновидением. Могут ли летать люди? Читателю предстоит узнать об этом, прочитав данное произведение. «Немудрёные рассказы о жизни» – так называет Галина Роголёва истории, записанные ею от своей бабушки, Агнии Ионовны Белокопытовой. Воспоминания всегда интересны. Тем более воспоминания человека из полумифического для нас Забайкалья. Читатель познакомится с прежними временами этого края и даже услышит вкусную речь старожилы. Имя Александра Вертинского известно всем, особенно любителям русской песни. Но мало кто знает, что первый свой концерт по возвращении из эмиграции Вертинский дал в Чите. Здесь же состоялось его знакомство с будущим бессменным аккомпаниатором, пианистом-виртуозом Михаилом Брехесом. Об этом творческом дуэте – очерк Сергея Забелина «Александр Вертинский и Михаил Брехес. Маэстро и его напарник».

В разделе «Литература сегодня» – окончание исторического романа Людмилы Прошак «И посетителя посетила смерть». Это история о времени Стефана Пермского и его биографа Епифания Премудрого. Автор умело оперирует фактами истории, архивными материалами, писательской интуицией – выстраивая почти детективный сюжет, в центре которого загадка внезапной и ранней кончины епископа Пермского. «Ылын муркӧдчис гым...» – так назвала свою подборку стихов Любовь Ануфриева. Эта грустная лирика о любви, одиночестве, смерти строится как игра реальности и сновидений, переплетение которых порождает сюрреалистические образы, явленные лирической героине мистическим персонажем. «Висьтасьӧм» Алексея Попова – мемуарная проза, попытка осмыслить не только прожитые годы, но и свой творческий путь. Это и уникальный жизненный опыт, это и встречи с людьми, писателями, ушедшими уже в давние от нас годы.

Раздел «Зырянские штудии» порадует читателя увлекательным исследованием «убийства» князя Василия Вымского, зафиксированного в летописи и в народной памяти.

Творчеству художника Василия Игнатова, известного своими картинами на темы коми преданий и мифологии, посвящён раздел живописи «Арт-факт». Искусствовед Людмила Кочерган открывает аспект творчества Игнатова, доселе малоизвестный ценителям творчества художника. Это вполне реалистичные этюды, в которых ещё только угадывается будущий уникальный стиль В. Г. Игнатова.

Павел Лимеров,
главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

• Литературная Чита

В. Вьюнов. «Я жизнь не оставляю на потом...» <i>Стихи</i>	4
Блики. <i>Миниатюры</i>	14
Е. Чубенко. Апостол Пётр... Филиппыч. <i>Рассказ</i>	21
Придумал какую-то «любовь!» <i>Рассказ</i>	27
И. Кушнир. Время летать. <i>Рассказ</i>	30
Г. Роголёва. Бабушкины сказы	43
С. Забелин. Александр Вертинский и Михаил Брехес. Маэстро и его напарник	55

• Литература сегодня

Л. Прошак. И посетителя посетила смерть. <i>Исторический роман. Окончание</i>	71
Л. Ануфриева. «Влын муркѡдчис гым...» <i>Кывбурьяс</i>	110
А. Попов. Висьтасьѡм.....	116

• Зырянские студии

А. Панюков. Назад в будущее: убийство князя Василия Вымского.....	141
--	-----

• Арт-факт

Л. Кочерган. Живописные этюды В. Г. Игнатова.....	153
--	-----

• Ы

А. Ракина. Кольѡм кадтѡ бѡр он бергѡд. <i>Висьт</i>	177
--	-----

Отчёт о результатах деятельности государственного (муниципального) учреждения и об использовании закреплённого за ним государственного (муниципального) имущества	180
---	-----

t.me/komiart

Делимся с вами
новостями в Telegram

Присоединяйтесь
к увлекательному чтению!

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 2 (102) 2023 г.

Дата выхода в свет: 26.05.2023 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 11.05.23.

Фактически – 11.05.23.

Формат: 70x100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 23-210.

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

Литературная Чита

Вячеслав
ВЬЮНОВ

**Вячеслав Александрович
Вьюнов** (род. 20.10.1953,

г. Чита) – поэт, член Союза писателей России (2004).

После службы в армии работал штукатуром-маляром, лаборантом, корреспондентом, кочегаром, шофёром, промысловиком-охотником, поваром, взрывником, кузнецом, лесником, литконсультантом, горняком и пр., всего девятнадцать специальностей. В составе геологических партий объездил многие районы Забайкалья, Колымы, Чукотки. Учился в Иркутском геолого-разведочном техникуме, на факультете журналистики Иркутского университета, в Литературном институте им. А. М. Горького.

Печатался в журналах «Сибирь», «Байкал», «Наш современник», «День поэзии», «Сибирские огни», «Слово Забайкалья», а также в ряде изданий в Чите, Иркутске, Москве. Первая книга «Огни на дальней стороне» (Иркутск, 1984). В поэтический сборник «Осенней ночью у костра» (Иркутск, 1989) включены лирико-философские стихи.

«Я жизнь не оставляю на потом...»

ДОНЕЦК СЕГОДНЯ

Наш папа на фронте и мама на фронте.
Мы дома остались с сестрёнкой Оксаной.
Весь город сегодня стоит на ремонте
И лечит свои огнестрельные раны.

Мы в школу не ходим, нас бабушка учит
Писать и про мыло, и Милу, и маму.
К окну не велит подходить, потому что
Там выбита рама.

Мы тоже с Оксаной на фронте воюем,
И хоть от разрывов мы прячемся в угол,
Мы ставим уколы и раны бинтуем,
И кормим, и лечим израненных кукол.

* * *

Есть минуты, когда проверяются люди
На изгиб, на излом – словно сталь.
Та – на саблю.
Из этой же будет
В бутафорской большая медаль.

* * *

Ливень моет Украину –
Новый, молодой, босой.
Приднепровская долина
В маках мокнет под росой.

И, увидев эти маки,
Тёмно-красные насквозь,
Надо каску снять и плакать,
Не удерживая слёз.

КРЕЩЕНИЕ

Летай в заоблачные дали,
Мечтай о повороте рек –
Счастливым будешь ты едва ли.
Но коль ты русский человек,
Со всею жизненной поклажей,
Неважно, беден иль богат,
Ты всё равно придёшь однажды
В полночный Гефсиманский сад.
И вся-то жизнь твоя предстанет,
Про имя вспомнивший манкурт,
Сорокалетним пьедесталом
Для этих нескольких минут.
Минут, которых хватит, чтобы
Почувствовать у горла ком.
Почувствовать у горла ком
И зачеркнуть себя крестом.

* * *

И, скорее, уже по наитью
Обращаюсь всё чаще к душе.
Никаких я не сделал открытий,
И, пожалуй, не сделать уже.
Но в скитаньях по свету я вызнал,
Что природа от глаза таит:
Всё на свете пронизано жизнью,
Всё на свете живёт и болит.
Только как объяснить вам достойно,
Что он значит теперь для меня,
Жёлтый свет – и неяркий, и ровный –
Навсегда уходящего дня.
Вечерами озёра вздыхают,
Состоящие из льда.
Это спит и зимой отдыхает
Утомлённая летом вода.
На окошке багульник в стакане
Распускается, чтобы гореть.
Что же делать мне с этою тайной?
Смерти нет.
И нельзя умереть.

* * *

Мне тайна откроется.
Ну, а пока
Я рад этой жизни раскинуть объятия,
Где лёгкие лодки качает река
И женщины носят весенние платья.
Где с нежною болью выходит трава
Оттуда,
Куда из распахнутых комнат,
С немислимой тайны сорвав покрова,
Так много ушло и друзей, и знакомых.
И мне будет право однажды дано
В назначенный час уклониться от жизни,
Открыть эту тайну,
Найти это дно
И всё – до мельчайшей подробности – вызнать.

* * *

В окно влетает пенье птичье,
По стенам блики егозят.
А у тебя такие нынче,
Такие майские глаза!
И мы смеёмся в это утро,
Печенье мятное жуём,
И так прозрачен дом, как будто
В аквариуме мы живём.
И всё ж от окон до порога,
Мы это чувствуем слегка,
Везде присутствует тревога
Необъяснимая никак.
Вот так в аквариуме зыбком,
Под электрическим лучом,
Резвясь, посматривают рыбки
На притаившийся сачок.
А кто-то с замыслом неясным
К стеклу склонился и затих.
И слишком долго и опасно
Зачем-то изучает их.

* * *

В рощах, окончательно раздетых,
Где угомонился листопад,
Созданы из воздуха и света,
Лёгкие строения стоят.
Никакая это не загадка,
Прохожу сквозь них и там и тут.
Существа разумного порядка
В этих мирозданиях живут.
По своей природе и по сути
Я подобен этим существам.
Так что вы, друзья, не обессудьте,
Если я задерживаюсь там.

* * *

Как только забрезжил морозный
Восток,
Погасла звезда на востоке,
Так лопнуло озеро наискосок
Со стоном глухим и высоким.
И в трещине чёрной плеснулась вода.
Она волновала.
Она остывала.
Дымилась.
Пугала.
Она иногда
Извилину мозга напоминала.
Завыли собаки в соседнем селе,
Проснулся рабочий участок,
Послышались скрипы морозных дверей,
А стон всё никак не кончался.
А стон поднимался к погасшей звезде.
И долго та нота звучала
Над тёмными крышами, всюду, везде,
Как мысль без конца и начала.

* * *

С твоим именем женщин встречая,
Я подолгу смотрю им вослед.
Эти женщины излучают
Твой,
Идущий от имени, свет.

ПОДОБИЯ

За рыбку выдаёт себя блесна.
Но рыбкой быть блесна никак не может.
На гнев похожа буря.
А весна
На молодость наивную похожа.
Зачем природе надобно хранить
Все наши и характеры, и лица?
Чтобы случайно нас не позабыть?
Чтобы случайно ей не повториться?
Зачем же существует этот мост?
К чему это подобье без ореха,
Где маленький и страшный сохнет мозг
В скорлупке крепкой грецкого ореха?

МОГИЛЬНАЯ ТРАВА

Застенчивое чудо,
Застенчивей нельзя! –
Трава пришла оттуда,
Куда ушли друзья.
Она пришла и рада,
Она всегда права.
Железная ограда,
Могильная трава.
И, долу наклоняясь,
Сама к подошвам льнёт.
Стою и не решаюсь
Ступить я на неё.

* * *

Река бежит через пороги,
Свою показывая власть.
Нет у неё иной дороги,
Как в море впасть.
Струиться морю не пристало,
У моря промысел иной –
Неторопливо и устало
Чуть пошевеливать волной.
Ты прячешь собственные страсти,
Со мною избегаешь встреч.
Наивная! – Не в нашей власти
Законом этим пренебречь!

* * *

Пикник в лесу. Ну что за дело
Без шашлыка на угольках!
И вот уж кто-то неумело
Берёт заботу о дровах.
Добыть огонь – не тяпнуть стопку
Под золотистый шашлычок.
Сперва задумчиво и робко
Огонь покажет язычок,
Затем извивами скупыми,
Как бы входя в свои права,
Волнами жёлто-голубыми
Объемлет медленно дрова.
И все – к костру.
И все примолкли.
И, вытянув вперёд ладонь,
Мужчины пристально и долго
На молодой глядят огонь.
Причины тщательно скрывая,
Мужчины смотрят с давних пор
В упор, подолгу, не мигая
На женщин,
Воду
И костёр.

Шашлык готов.
Пикник на пике.
Здесь есть, как водится, всегда
И самый умный, и великий,
И пустозвон, и тамада.
Как вдруг какой-то из молчащих,
Ещё не зная, дело в чём,
Тревожно поглядит на чащу
Через плечо.
И в жесте этом столько скрыто
От палицы и неолита
И столько вызова судьбе,
Что станет вдруг не по себе.

НА ОСЕННЕМ КЛАДБИЩЕ

Здесь иная бывает прохлада.
Очень тихо. И так хорошо,
Словно ты в состоянье... распада,
Сам того не заметив, вошёл.
На лучи распадается солнце,
Распадается путь на шаги,
Распадаются сосны на кольца,
В водоёмах – вода на круги.
Ничего не почувствуешь сразу,
Ничего не произойдёт.
Он почти незаметен для глаза –
В неизвестную жизнь переход.

* * *

Так было в первый день творенья:
Обломки плавали кругом,
Неясные нагроможденья
Каких-то полузыбких форм.
Но ты вошла в мой мир разбитый,
Протёрла пыльные стекла,
И этот хаос первобытный,
Как дом, умело прибрала.
И что никак не называлось,
От дуновения рвалось,
Само собою завязалось,
Само собою назвалось.

* * *

Всё могло получиться иначе
У меня,
У тебя,
У страны.
В никуда этот путь обозначен.
Не прощаю я веку вины!
Разве может простить небывалый
И единственный в мире цветок,
Если взять его ради забавы,
Смять и вышвырнуть за порог?

* * *

На самом на дальнем краю государства
Стоит городок деревянный зелёный.
Там курицы ходят по улицам властно
И много сирени и птичьего звона.
Там люди живут в окружении ильмов,
Там есть кинозал с облупившейся дранкой,
Где крутят всё время военные фильмы,
Которые часто кончаются дракой.
В том городе всюду старинные шпилы,
Пустырник восходит на крышах покатых.
На мягком асфальте следы Ваших шпилек
Давно – и не раз! – закатали асфальтом.
Там люди другие.
Там новые песни.
Там новая музыка льётся из комнат.
Там Ваши следы никому неизвестны.
Но я о них знаю.
И вижу.
И помню.

* * *

Только это уже не любовь.
Это та сумасшедшая сила,
Что взломала однажды покров
И людей из него замесила.
Я люблю тебя,
Вечностью взят.
Я люблю тебя.
Так на расстреле
Отмечает угаснувший взгляд:
...Высоко журавли пролетели...
Это я,
Состоящий из тьмы,
Отвергая любые пределы,
Пью тобою пронизанный мир,
Воздух твой – и холодный, и белый.
Принимаю хулу и позор,
Падший,
Слабый,
Бессильный,
Постылый,
Лишь бы ты, лишь бы ты этот взор
На меня,
На меня
Обратила.

* * *

Были годы, да стали года.
А ведь помнится, юною ранью
Звёзды падали чаще – тогда
Столько было желаний!
Я растерянно вверх посмотрел,
Небеса призывая к ответу,
Надо мной самолёт пролетел
Только что, а теперь его нету.
И под этот высокий раскат,
Под летучею тенью,
Звездопад перешёл в листопад,
К моему удивленью.
Не могу я понять этот вальс,
Хоть стараюсь.
Я живу на земле в первый раз,
Потому удивляюсь.
А потом и совсем невпопад,
Что никак невозможно,
Листопад перешёл в снегопад
Осторожно.

* * *

Ненастные нынче погоды,
Тепло, как могу, берегу.
Какие хорошие годы
На этом прошли берегу!
Мы пили холодную водку,
Монеты бросали в волну,
И кто-то фанерную лодку –
Без вёсел – смеясь, оттолкнул.
И вот меня тихо относит
От шумных и суетных дел
В какую-то новую осень
И в новый какой-то предел.
В какой-то неясной полуде
Я будто бы видеть могу,
Что самые лучшие люди
На дальнем уже берегу.
Отец улыбается маме,
И чья-то мне машет рука.
Вот только все лица в тумане,
В тумане те лица пока...

* * *

Районная гостиница.
Забит
Парадный вход, и ходят где-то сбоку.
Половики, почти домашний быт
С казённым кипятильником.
Набоков
Никак не лезет в голову!
Виной
Глухая осень в облетевших ветках.
Курю.
Листаю.
Слышу за стеной
Тревожное присутствие соседки.
Лишь двое нас в гостинице.
Народ
Провинцию обходит стороною.
Соседка тоже места не найдёт
За тонкую покрашенную стеною.
Вот дождь собрался.
Станет моросить...
С Набокова не будет нынче толку!
Пойду к соседке, чтобы попросить
Соль.
Или спички.
Или же иголку.

* * *

Свет сиреневый, розовый свет
Опускается вечером с неба.
Есть в нём холод грядущего снега
И тепло мною прожитых лет.
Что с того, что когда-то и мне
Приходилось и горько и сладко?
В этой лёгкой сквозной вышине
Растворяется всё без остатка.

Блики

Миниатюры

От автора

То, что вы прочитаете сейчас, не является рассказами. Это и не зарисовки. И не притчи, потому что все истории случились со мной, моими друзьями, знакомыми. Чаще всего люди названы инициалами или не названы вовсе, но они легко угадываются, потому что в Забайкалье, на огромной территории, проживает не так уж много людей – все мы, через второго-третьего человека, знаем друг друга. К какому жанру отнести эти строчки, я не знаю. Буду называть их миниатюрами, а общее название я дал «БЛИКИ». Как блики на воде, которые есть, а через секунду их уже нет. При разном освещении они разные. Как и наше настроение. Желаю, чтобы во время чтения вас не прерывали.

Театральная история

Году в 1978–80-м служили в нашем драматическом театре молодая семейная пара из Ташкента Сусанна Сидорова и Геннадий Киселёв. Он писал неплохие стихи, играл на гитаре, хорошо пел. Я в то время работал корреспондентом редакции газеты «Забайкальский рабочий». С Геннадием мы крепко подружились. Относительная свобода давала возможность днями и вечерами пропадать в театре, и через какое-то время среди артистов я стал своим человеком.

Само собою, вскоре я узнал многие тайны читинского двора. У кого в гримёрке за трельяжем стоит коньячок, у кого – водочка, а у кого – портвешок – эти секреты проходили по статье самых невинных. Были мне известны разные скандальные, адюльтерные, неприличные истории, которые случались в труппе. И тогда мне стали понятны строки: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...» Спектакли нашей труппы я уже не мог смотреть: ненужные, бытовые мелочи приземлённой стороны жизни неодолимой стеной стояли на пути к светлomu образу княгини Волконской.

Из этой истории я понял одно: не всякое знание делает тебя умнее и мудрее. Не всякий опыт можно положить в свою копилку. Не всё надо знать. И если у тебя на стене висит ковёр, любуйся красивым орнаментом, а не выискивай узелки на тыльной стороне ковра.

Есть знания, которые обедняют человека.

Память

Перед отъездом в город жена по обыкновению помыла полы в избе. Выстиранный половик сох на заборе. Жена возьми да и постели у порога первое, что попало под руку, – мой старый, уже негодный, светло-коричневый свитер с длинным горлом. От времени и частых стирок свитер порядком сел, но сел как-то странно: вытянулся в длину и сузился в ширину. Когда жена постелила его у порога, я даже внутренне ахнул: с раскинутыми в стороны рукавами он походил на христианский крест. Светлый крест на тёмном полу. Всякий входящий должен был, переступив порог, наступить ногами на крест. Появилась какая-то душевная неу-

ютность. Я ещё толком не успел в себе разобраться, как дверь распахнулась, и в проёме возник Александр Долбиев – друг, с которым знаком много лет.

Надо сказать, что Александр Васильевич половину своей жизни провёл в небе. Штурман. Убеждённый атеист и реалист. Не видел не только Бога, ангелов, но даже НЛО ни разу не встретил. Верит лишь в двигатель внутреннего сгорания.

Мне из комнаты хорошо видно его замешательство. Он занёс ногу через порог и словно упёрся в невидимую преграду. Потом быстро и неловко перекрестился и опустил сапог рядом с крестом.

И ведь перекрестился правильно!

Сработала генетическая память.

Вера предков, которая тысячу лет служила народу путеводной нитью, на генетическом уровне, не позволила ему совершить святотатство.

Какой внешний толчок нужен, чтобы эта память проснулась у целого народа?

Завитки

Много лет назад поехали мы с композитором Петром Зубаревым в Акшу в гости к поэту Борису Макарову. Приехать в Акшу и не быть на Ононе – так не бывает. Да нас и не надо было уговаривать.

Выбрали место для ночлега. Натаскали плавника. Развели костёр. Поставили самолёвы.

Костёр горит. Чай выпиваем, закусуваем. Разговоры разговариваем. Всё больше о своём – о творчестве.

Запомнился рассказ Петра Зубарева.

– Как я музыку сочиняю? Главное, поймать основную мелодию, главное направление. Это самое трудное. А как поймал, развил, тут можно и украсить её, завитки там-сям бросить, – Пётр скользнул пальцами по воображаемым кнопкам аккордеона, – переборы пустить разные, но тоже в меру, чтоб не было много, чтоб не потерялась главная мелодия...

Через год Петра Зубарева не стало. Срок земной жизни он назначил себе сам.

Однако «завитки» Зубарева вспоминаются часто, вспоминаются по разному поводу.

Редкий человек может придумать основную мелодию своей жизни. Чаще люди живут, как случится, как придётся, куда вынесет. И вся жизнь – цепь случайностей: случайные люди, случайная работа, случайные события. А если уж повезло, если человек поймал, нащупал в себе свою мелодию, то, может, никакие завитки и не нужны.

Но чаще получается, что одни завитки и остаются...

Чувство родины

Конец зимы. Чукотка. Посёлок геологов Пырканай, в восьмидесяти километрах берег Северного Ледовитого океана. Закончилась полярная ночь. В поселковой столовой по этому случаю праздник.

В столовой на столах спирт и шампанское, на севере это было модно. К утру наш столик, все четверо вышли на крыльцо покурить. Светало. Товарищ от избытка чувств, молодости, счастья, предчувствия скорых маршрутов, ночёвок у костра, а также спирта с шампанским расстегнул кобуру и выстрелил в серое, цвета пепла костра, небо (на время полевых работ геологам выдавали оружие, которое осенью полагалось сдавать на склад. Однако на Севере на инструкции смотрели сквозь пальцы и почти все оставляли револьверы дома). Начали прикуривать, на миг склонились над спичкой в ладонях. Стало тихо. И в это время мы услышали музыку: в ответ на выстрел небо ответило музыкой.

Мы подняли головы. С мутной вышины летели на нас редкие большие льдистые снежинки размером с женскую ладонь или даже больше; иногда они соприкасались, обламывались, и возникала музыка. Мы долго, пока не замёрзли, стояли на крыльце и слушали симфонию Севера. Каждый думал о своём. Товарищ пристыженно застегнул кобуру и протянул: «Да-а-а...», и отщёлкнул папиросу.

О своём думал и я. Думал, что весь земной шар усыпан красотой. Сколько же труда ушло, как надо было поработать природе за Полярным кругом, чтобы вырезать каждую снежинку и сделать её неповторимой; сколько терпения надо, чтобы по весне по всей России для каждой берёзы выпилить лобзиком молодые клейкие листочки... Мастер терпеливо вырезает из нефрита вазу, зодчий плетёт каменные кружева храма, поэт пишет стихотворение – не для себя, для людей, чтобы они увидели и восхитились. Тот Мастер, который сотворил весь этот мир, не для себя это делал, для восхищения. А восхититься и оценить такую красоту могут только люди...

Люди, живущие на окраинах государства, острее и сильнее чувствуют Родину.

Одиночка

Как-то раз в тайге присел на валежину передохнуть. Рядом лежит старая берёза. Вдруг боковым зрением вижу какое-то движение. Перевожу взгляд влево. Большой чёрный муравей высунулся из ровного круглого отверстия в торце полугнилой берёзовой ветки и вытаскивает наружу серо-жёлтые опилки. Потом на минуту исчезает, появляется, разжимает челюсти, высыпает опилки, снова исчезает...

Удивительное дело, этот муравей! Муравьи – товарищи коллективные, не слышал я что-то про муравья-одиночку. А то, что он одиночка и строит себе дом, было совершенно ясно. Видно, что-то пошло у него в жизни не так. Может, отношения с товарищами не сложились. Может, какой проступок сделал. Может, характер у него не сахар, а начальство таких не любит. Вот и ушёл он из муравейника, или изгнали его.

Вперился я глазами в то необыкновенное, что происходило передо мной.

Муравей прогрыз туннель и теперь, похоже, делал себе комнату, выгрызал, увеличивая размеры жилплощади. Работал он без перекуров. Солнце давно село, потянуло ночным холодком, а муравей всё работал и работал. Я его невольно зауважал.

Стемнело. Но я ещё долго сидел в темноте. Забыл про муравья. Думал уже о другом.

Жизнь. Вся эта огромная жизнь стоит и держится на одиночках. И нет ничего надёжнее и устойчивее хрупких плеч одиночек. Одиночки творят жизнь. Они её убыстряют и замедляют, уводят в сторону с главного пути и снова тянут за собой.

Даже Господь, создавая этот мир, был одиночкой.

А девиз «Один в поле не воин» придумало трусливое большинство. И выставило этот лозунг над собой. Чтобы ничего не решать и ни за что не отвечать.

Но жизнь не принадлежит одиночкам.

Она принадлежит тем, над которыми лозунг.

И мудрость эта непостижима.

Высота

На днях встретил старинного приятеля: когда-то давно мы даже дружили, потом он уехал, долго жил в Европах и вот вернулся. Разговорились. И уже через минуту я понимаю, что говорить нам не о чем. Как на разных языках. Куда бы ни поворачивался разговор, приятель обязательно выводил его на бытовой уровень, на какой-то ремонт на кухне, на склочных соседей, на какую-то мелочёвку.

А ведь какие надежды подавал! Девчонки были в него влюблены – даже не за внешность – за ум! Казалось, ему доступны самые великие вершины духа...

Пытался как-то неизбежно сказать ему, мол, Витёк, взгляни на себя, ты же был другим!.. Он смотрел на меня непонимающе и всё нёс ахинею про кафельную плитку.

Наверное, есть черта, переступив которую, человек перестаёт понимать, что он теряет высоту. И перестаёт слышать других.

Это видно лишь со стороны.

Часы

Вгоды молодости это было. Теперь не вспомнить подробности, но дома случилась напряжённая обстановка. Разумеется, причиной этого напряжения был я. Чтобы разобраться в себе, какое-то время следовало побыть одному.

На эти несколько дней ночлег предложил мне писатель Григорий Григорьевич Кобяков. Уж не знаю, насколько с охотой он это сделал. Скорее всего, по причине своей деликатности не мог отказать, когда после семинара «Надежда» я подошёл к нему и, ничего не объясняя, попросился на ночлег.

Так же деликатно ни о чём не спрашивала его жена Ильда Рудольфовна. Вспоминаю их с благодарностью.

Жили они в угловом подъезде дома на углу улиц Бутина и Амурской, тогда Калинина, на втором или третьем этаже. Дом старой постройки. Широкое окно моей комнаты выходило прямо на привокзальную башню с часами. Для ночлега мне отвели диван в большой комнате.

Две или три ночи провёл я на этом диване.

Уснуть было невозможно. Всю ночь прямо в лицо светили ярко-жёлтые большие цифры. Беззвучно щёлкали минуты, собирались в часы, а часы эти непонятным способом уходили в небо прямо над прямоугольной башней. И с ними уходила моя жизнь, и её становилось всё меньше и меньше.

До рассвета я смотрел на вокзальные часы. Думал. В себе разбирался. В жизни разбирался. Может быть, даже разобрался.

Потому что, не случись этих часов в моей жизни, она, скорее всего, сложилась бы иначе.

Такие часы должны быть у каждого.

Труба

Вколонии поселения, раньше это называлось «химией», отбывал наказание Саня. Все звали его Чирик, от слова «червонец», который он отбывал в колонии за автомобильную аварию: в пьяном виде не удержал на мосту рейсовый автобус с людьми, были жертвы.

Работал он в автопарке слесарем. Однако я ни разу не видел его за какой-нибудь работой. Но зато всегда по территории автопарка он ходил с загнутой на одном конце трубой. Как с утра брал её, так и не расставался до конца рабочего дня. От постоянного ношения труба отшлифовалась в руках и задорно блестела.

Как-то я ставил радиатор на свой «Зил». Подошёл Чирик. Мы разговорились, и я спросил у него про трубу. Он ласково погладил её замазученной верхонкой, не ответил, кивнул в сторону боксов:

– Смотри!

От гаражей шёл к проходной шофёр самосвала. Его увидел офицер какой-то сопутствующей службы, которых на территории автопарка было с десяток, и поманил пальцем. Шофёр подошёл, по уставу представился, назвал номер статьи, свой срок. Офицер нетерпеливо поморщился и махнул рукой в дальний конец двора, где несколько человек грузили мусор в трактор-

ную телегу. Напрасно несчастный пытался объяснить, что он только что отработал смену, идёт в барак отдыхать. Офицер что-то зло крикнул, и шофёр поплёлся к телеге, возле которой стояли ещё три свободные лопаты.

– А теперь снова смотри!

Чирик небрежно закинул трубу на плечо и с озабоченным видом направился прямо на офицера. Подошёл к нему, что-то спросил, почесал затылок, вопросительно поднял плечи и вошёл в двери первого бокса. Очень скоро вышел из него, что-то крикнул в чёрный проём дверей, прошёл мимо офицера и подошёл ко мне.

– Понял?

Оказалось, Чирик уже три года таскает по автопарку эту трубу. Никто не остановит, человек при деле, человек занят, никому и в голову не придёт загрузить его какой-то другой работой. Если человек несёт трубу, значит, выполняет приказ какого-то другого начальника. Начальников много, поди разберись.

Поначалу Чирик таскал гаечные ключи. Но ключи – штука мелкая, издали в руке их не всякий увидит.

С неделю таскал радиатор. Но радиатор деталь хоть и заметная издали, но уж больно неудобная и тяжёлая. Да и погореть можно на радиаторе, который имел отношение лишь к медницкому цеху. Слишком узкая специализация. Совсем иное дело труба! Труба с равным успехом могла принадлежать к сварочному цеху, кузнечному, слесарному, кузовному – кто же будет разбираться.

Чирик закурил, сплюнул и снова ласково погладил свою трубу.

Я знаю людей с известными в городе именами, которые всю жизнь таскают за собой трубу.

Трусётное

Этот стихотворение Владимира Соколова несёт печаль каждым своим словом. Я люблю его, хотя после прочтения весь день ходишь сам не свой.

Пластинка должна быть хрипящей,
 Заигранной... должен быть сад,
 В акациях так шелестящий,
 Как лет восемнадцать назад.
 Должны быть большие сирени –
 Султаны, туманы, дымки,
 Со станции из-за деревьев
 Должны раздаваться гудки.
 И чья-то настольная книга
 Должна трепетать на земле,
 Как будто в предчувствии мига,
 Что всё это канет во мгле.

Канет... Конечно, канет. Наша планета, словно капсула, окружённая тонким голубым волоском атмосферы, с сумасшедшей скоростью несётся в космической бездне. За тонкой обшивкой – вечная тьма и минус двести семьдесят три градуса по Цельсию. В этой капсуле и ты, читатель, и я, и ещё почти семь миллиардов живых душ. И среди них обязательно найдётся безумец, который распахнёт люк или нажмёт на красную кнопку.

Тоска

Двадцатые числа июля. Поехал на дальние зимовья, где по ключам, в сизо-голубой от холода воде, спеет моховка. И в это же время подошла княженика – редкая для Забайкалья ягода. Вот за ней-то и увязалась со мной сестра Наталья. Пришлось и для неё седлать лошадь.

Княженику братья я не собирался, считал это баловством, но, когда увидел поляны, усыпанные крупной оранжево-красной ягодой, не удержался.

Несколько часов пролетели незаметно. Затекла спина. Решил встать с колен и распрямиться, как увидел какое-то слабое шевеление в траве. Раздвинул ладонью стебли и отдернул руку. Большой чёрный жук обнял лапками веточки княженики и покачивался, а ему на спину взбирался и соскальзывал по хитиновой спинке второй такой же чёрный жук, только немного поменьше. Наконец, упорный жучок как-то исхитрился, зацепился за спинку жучихи и сосредоточенно замер.

Я наклонился ниже. Существо другого мира неподвижно смотрело на меня. В больших тусклых глазах матово отражалась небесная синева. Медленно и равнодушно жучиха перебирала в челюстях травинку. Сверху трудился настойчивый жучок... И вот тут на меня накатила тоска! Ни до, ни после такой глухой, безысходной тоски я не знал. Тоска была материальна. Она затопила меня, сестру, азартно берущую ягоду, поляну, весь мир – до горизонта. Я поднял лицо к небу. Тоска исходила из обречённости всего: и этого неба с одиноким облачком, и этой уютной голубой планеты, несущейся в чёрную космическую бездну. Даже эти жуки были обречены. Тоска! Смертная тоска!

Как наваждение попытался я сбросить с себя это настроение. Резко поднялся, распрямился. Усмехнулся. И тут же поймал себя на мысли, что вот эти несколько секунд открыли мне самую главную правду о жизни – жизнь лишена смысла. Если жизнь конечна, значит, она лишена смысла. Если она конечна...

Ответа не знаю.

И боюсь его получить.

Объяснение в любви

Первые числа января. Стоят лютые морозы. Утро. Автобус «Чита-Беклемишево» подошёл к привокзальной площади. Часы на башне показывают 9.30. Температура -47 °С. Мне надо в библиотеку Пушкина, там я веду поэтический семинар. В запасе ещё часа три, успею сделать кое-какие поднакопившиеся дела – в городе бываю редко.

Прохожу мимо стройки. Очередная высотка. Территория огорожена плитами, но одна упала. Остановился. По рельсам бесшумно плывёт кран, стрела которого уходит в морозную вышину. Сверху спускается огромный крюк с расчалками. Внизу, на стопке плит, стоит парень в спецовке и показывает рукой: майна! майна!.. Четыре строповочных троса уже касаются плит, но парень показывает рукой – ещё ниже, ниже! Он смотрит вверх. Улыбается. Из рта клубами идёт пар...

Лица далёкой, как птица, крановщицы не видно. Но видно, как она коротко и вопросительно разводит ладони, а потом послушно опускает крюк на уровень его груди. Вокруг стального крюка дрожит и плавится от мороза воздух. Парень снимает брезентовые рукавицы и, не отрывая лица от неба, нежно гладит голую ладонью этот страшный, промороженный до самой сердцевины, крюк...

На семинар я пришёл вовремя. Говорили о поэзии.

Ещё не всё потеряно у страны, в которой люди собираются поговорить о стихах. И в которой при сорокаградусных морозах металл остаётся тёплым.

Автограф

Конец восьмидесятых. Расцвет кооперативов. Разрешили предпринимательство, но из Уголовного Кодекса не убрали статьи о спекуляции, финансовых операциях и пр. При желании кооперативы можно сажать пачками. По закону.

Приезжаю в районный центр А. к другу поэту Б. М. За вечерней рюмкой чая рассказываю ему о своих проблемах. Назавтра в редакции он говорит сослуживцу К., который считается первым либералом и главным демократом в районе:

– Вьюнов приехал.

– Да ты что! Вот здорово! У меня как раз сборник стихов вышел. Приходите вечером в гости, я ему его подпишу. А, кстати, зачем он приехал?

– У него проблемы. Скрывается от милиции. Финансовые операции. Статья 93 прим. Между прочим, расстрельная...

Отступает на шаг. Меняет лицо. Думает. Идёт внутренняя борьба. Он к ней прислушивается. Потом решает:

– Совсем забыл! Сегодня занят. А сборник я ему прямо сейчас подпишу. Передай.

Вытягивает ящик стола, ставит поспешную закорючку.

.....

Вчера разбирал в шкафу книги. Наткнулся на сборник первого либерала и главного демократа района К. В углу по печатному тексту стоит незаметная роспись автора. Сравнил с прежним автографом. Почерк изменён.

Небывалый случай

Однажды видел то, что редко кому доводилось видеть.

Лагерь заготовителей лекарственного сырья. Раннее утро. Откидываю полог палатки. Иду на ручей умываться. Стою на длинном и ровном, как стол, камне. Чищу зубы. Вижу комара, который летит прямо на меня. Летит, чтобы укусить. Вот гад! Руки мои заняты, в одной щётка, в другой тюбик, во рту паста. Даже дунуть на него не могу. Остаётся пристально смотреть ему в глаза.

И вдруг, не долетая до меня на вытянутую руку, комар падает на камень. Склоняюсь. Смотрю. Комар не двигается. Заканчиваю умываться. Осторожно переносу комара в палатку. Оставляю на раскрытой странице тетради. Ухожу на работу.

Вечером – сразу к столу. Комар в такой же неподвижной позе: лежит на боку, лапки вытянуты. Комар умер. Умер на рабочем месте, умер своей смертью. Может, сердце отказало или что там у него. Может, болел чем-нибудь. Может, старый был, возраст. Этого я не знаю. Но – случай небывалый!

Было это 27 июня 1986 года в Алек-Заводском районе близ села Васильевский Хутор.

Елена
ЧУБЕНКО

Елена Ивановна Чубенко – член Союза писателей России, уроженка и жительница Забайкалья. Юрист, в прошлом работала в правоохранительной и судебной системе. Автор нескольких сборников деревенской прозы, в том числе «На море-окияне», «Вот так и живём», «Солнцем поцелованные» и другие. Лауреат Национальной литературной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина в номинации «Проза» (2017), лауреат премии Губернатора Забайкальского края имени М. Е. Вишнякова в области литературы (2019). Автор пьес для народного театра «Вот так и живём», «Солнцем поцелованные», «Унеси мои грехи».

Апостол Пётр... Филиппыч

Рассказ

– От придумали! От придумали! Об чём бы ни говорили, всё про эту корону! – Филиппыч сердито сплюнул и, бросив пульт в угол диванчика, пошёл на кухню, к жене.

– Ворону? Опеть прилетела? – супруга, давно слегка глуховатая, что-то увлечённо намешивала в тазике, наверное, опять гоношила тесто.

– Сама ты ворона, господи прости... – беззлобно буркнул дед. Со своей Ниной Георгиевной душа в душу прожил уже почти шестьдесят годков. И сам не Алён Делон, и её менять на «годом посвежее» уже и резона не было. А если серьёзно, то из этих годков, считай, все шестьдесят и ждала его из рейсов. Если знала, что вернётся поздно, не спала, пока свет его фар не мазанёт своей яркой кистью по окошкам избы. Покуда ворота раскрывается, да машину в ограду загоняет, она уж и чайник сгоношит. Чудом откуда-то горячее спроворит, на стол ставит. Волшебница, да и только Нинуха его родненькая. К нему всю жизнь уважительно: «Петро» да «Батька», как ребятишки звали. Ребятишки уж сами давно батьки, живут отдельно, а они с Георгиевной теперь сами себе, радуют друг дружку.

Ворона-то, к слову, была у них знакомая. Считай, каждый день прилетит в огород, кругами ходит вокруг собачьей миски. Потом ковыляет в край огорода. Старый пёс Верный, возмущённый покушением на его корм, идёт за вороной потихоньку. Потом, не утерпев, как пацан, мчитя и гонит воровку до края огорода. Ворона, неожиданно легко взлетев, возвращается по воздуху к чашке и уворовывает что-то оттуда, пока уставший Верный плетётся обратно, свесив набок язык.

– Дак чо ворона-то? – старушка домесила тесто и уже сноровисто лепила какие-то лепёшки, раскладывая их любовно на металлическом листике, затейливо шлёпнув в серединку каждой ложку голубицы.

– Корона, говорю. Всё про эту болезнь в телевизоре-то. Голова кругом! Бывало, концерт какой, кубанский хор, к примеру, или картину какую дельную покажут. Я б щас «Дальнобойщиков» ещё раз поглядел.

– Вот ты на дальнобой-то не насмотрелся на работе... Неужто всё ишо охота? – жалеючи, как на ребёнка несмышлёного, смотрит на него Нина. – Дома чистенько, валенки тёплые, мёрзнуть нужды нету. Што вот тебя куда-то тянет-то?

– Молчи ты. «Тё-о-о-о-пленько». Чо бы понимала? Там только в гараж зайдёшь, такой дух родной. А уж если в кабину сел, да дорогу увидел, дак петь охота. Конечно, поездил бы ишо, да

начальству видней. Видимо, опасаются, чтобы «кондратий» по дороге не схватил, – невесело улыбнулся супруг.

Нина Георгиевна понимающе кивнула головой. У её Петра уже второй десяток лет стоит кардиостимулятор. Рейсы свои давно откатал с лихвой, после пенсии ещё две пятилетки проездил. Частник сильно не спрашивает паспорт, лишь бы все водительские категории были. У молодых пижонов по нынешним временам новая тачка, да не первая, а категория водительская одна, да и то порой «левая», купленная. И зовёт их старик чаще «водятлы». Звание «шофёр» заслужить надо. Вот и с ним не спешили расставаться, тянули, уголёк в комхоз возил.

Руки у Филиппыча, как пиджак с орденскими колодками у ветерана, всё выдают. Чёрные руки у него. Сколько уж лет, как на отдыхе, а въевшийся мазут не отошёл у ногтей. Да и разбитые пальцы никуда не спрячешь. В общем, две почерневших пятерни, каждая из которых спокойно закрывает полностью кепочку-восьмиклинку, – подтверждение пролетарско-водительского прошлого.

– Пока кулебяки твои пекутся, пойду курево прикуплю, да на почте сканвордов прихвачу.

– Маску не забудь.

– Да есть у меня в кармане, вот только нужна она мне, как собаке пятая нога, – снова буркнул дед и подался из дома, сминая в кулак давно валявшуюся в кармане куртки несвежую марлю с верёвочками.

На почте было многолюдно: выдавали пенсию. Под подбородками у каждого голубела медицинская повязка. Старика уважительно пропустили без очереди. Взяв сканворд, подался в магазин. Прикупив сигарет и продуктишек, шёл к дому, основательно уминая огромными валенками свежеподсыпанный нынешней ночью снег. Воробьи, распушив пёрышки, грелись на ветках возле домов, деловито сновали синички, разведав места, где нежадные хозяева разложили крошки и сало. Снег вкусно поскрипывал, искрился в свете яркого солнца. На каждой штaketине красовалась кокетливая белая шапочка. И звонкий этот хруст из-под валенок как-то незаметно бодрил старика. Старался он ступать почётче, будто в этот день ему вести деревенский парадный строй. Даже вечно ноющие коленки не так сегодня донимали.

Войдя в дом, откашлялся, демонстративно вынул и снова сложил маску в карман. Помыв руки, присел за стол, где отпыхивались вкусным парком лепёшки. Разломив самую румяную, окунул её в сметану, а сверху ещё щедро мазанул ложечкой с мёдом. Георгиевна довольно улыбалась, глядя на его выражение лица. На полу посиживал толстый рыжий кот, и, самое странное, выражения лиц старика и кота были похожи. И Нину Георгиевну это умиляло.

Утром следующего дня Филиппыч закашлял. Даже не оборачиваясь и не подходя близко, Нина Георгиевна услышала в этом кашле что-то чужое. Так, пожалуй, сам её дед своим чутким ухом слышал в двигателе чужеродный звук. Прокуриив всю жизнь, он кашлял каждый день. Но эти звуки она знала, как свои пять пальцев, отличая и утренний кашель, и вечерний по тональности. Сегодняшний утренний ей не понравился. Уже к обеду поднялась температура.

По сотовому Георгиевна вызвала «скорую», и деда молниеносно увезли. «Снеговика» в белых одеждах стремительно надавали ей рекомендаций, залезли острыми палочками в нос и рот, выдали таблетки дезраствора, которым она должна промыть всё в доме. О результатах её анализов пообещали доложить и упёрли деда в неизвестном направлении.

Георгиевна сунулась было намывать полы, но потом испуганно бросила это дело. Осторожно поставила ведро и швабру за печку, подошла к иконам и стала молиться. Со слезами попросив Николу-батюшку заступиться за мужа, послать ангела-хранителя в больницу, села за телефон звонить сыну:

– Саня, сынок! Деда в город увезли с ковидлой. Не, со мной всё нормально. Нет температуры. И кашля нет. Да нормально, говорю. Ума тоже нет. Не успели увезти, а я взялась полы мыть. Приказали с хлоркой. Дура дурой. Чо дура-то? За покойником только вслед моют. Тьфу ты, – бабка неожиданно всхлипнула. – Не, сынок! Не приезжай. Это я так, на себя злюсь. Конечно, худо будет, позвоню. А ты там доследи, куда его положили-то. Сотовый у него с собой.

Филиппыч через часок был уже в приёмнике областной больницы. Всю дорогу, чтобы

отвлечься от накатывающей головной боли, слушал движок уазика, на котором его везли, и тихонько ругался. Уазик по техническому состоянию был примерно равен ему, с кардиостимулятором и изношенной ходовкой. Но находящихся в брякающем нутре пятерых «ковидников» УАЗ исправно довёз в больницу.

В вестибюле приёмного покоя сидел народ: примерно половина дедовой деревни по численности. Кто-то сидел безучастно, дожидаясь, пока позовут. Какая-то женщина в сером пуховике нервно ходила возле скамеек, беспрестанно звонила друзьям, но на неё ворчали, чтобы не нагнетала обстановку. Тучный мужик ходил, тяжело дыша, от окошечка к окошечку, добивался, скандалил и всё равно сидел потом, возмущался, одышливо кашлял, задевая соседей. Старая бурятка в синем атласном дыгыле, устав, видимо, сидеть на металлической дырчатой скамейке, опустилась на пол, где по периметру проходила толстая батарея отопления. Там и сидела с непроницаемым лицом, прижавшись спиной к теплу. Мимо носились «снеговики» в защитных противоковидных костюмах, по одному, по два уводили людей из очереди куда-то в чрево больницы.

Дед посиживал молча. В рейсах приходилось и подольше сидеть без дела, точнее стоять. На заснеженных перевалах всякое бывало. Растележится «Фред-американец», соберёт пробку на перевале. По шесть, а то и больше часов, как-то было, стояли.

Тех, кто здесь наводил суету, не одобрял. Бабская затея. А скандалят больше мужики. И дураку было понятно, что врачам сложно справиться с такой толпой в одночасье.

Но плохо было только, что дедов организм, кажется, сдавал. И, глядя на тех, кто ещё не увёден медиками, Филиппыч вдруг понял, что он может не дождаться своей очереди. Старый потому что.

Вначале его мелко трясло, так что зуб на зуб не попадал. И он с завистью смотрел на бурятку, сползшую на пол, так как на полу у батареи было точно теплей. Но понимал, что оттуда он со своей температурой и скрипучими коленками без помощи не встанет. А ждать, когда его поднимут, стыдно. Да и бурятка, сидевшая там, вдруг повалилась на бок и попросту легла возле этой трубы. То ли спать захотела, то ли было ей так плохо, что хотелось прилечь неважно где.

Старик унял дрожь, поплотнее обхватив себя руками. Кашель, до этого не столь частый, вдруг стал трепать с такой силой, будто внутри у деда ожил какой-то старый мотоциклишка, который никак не хотел завестись. Чёртов «движок» то совсем уже заводился, то вдруг начал перебоить, и тело деда трясло так, будто ехал он по грунтовке на конной телеге. Отчётливо вспомнилась вдруг эта повозка. Едет он с матерью за деревню. Маленький совсем, лет, пожалуй, шести. Трясёт нещадно, а ему хочется спать. И хоть брошено на телегу накошенное сено, всё равно трясёт и трясёт. И очень хочется пить воды, которая лежит у матери в котомке. Но она не останавливается, а всё погоняет и погоняет коня. «Не спи, Петя, не спи, – просит его мать, – скоро, совсем скоро приедем». Странная она, как будто ей совсем не жарко, – думает Петька и тянется к ней рукой, чтоб тихонько вытянуть из-под ноги котомку с водой. Мать оглядывается, и вдруг Петька видит, что никакая это не мать, а «сугроб» с какими-то бумажками.

– Цыдыпова где? Где Цыдыпова? – допытывается у него «сугроб». А он, сомлевший от какого-то банного жара, заполонившего теперь приёмный покой, и сказать ничего не может. Потому что не может понять, куда делись мать, телега с сеном, на которую он хотел прилечь. Становится совсем уж жарко, но понимает, что нужно помочь этой старой бурятке, показать, где она лежит. И, потянувшись показать, сваливается туда же, к ней, понимая, что не так уж там и плохо, возле батареи...

Очнулся Филиппыч утром следующего дня, когда подошедший «сугроб» ставил ему капельницу.

Мотоцикл, который жил теперь внутри его сухого нескладного тела, так и не заводился, но периодически пробовал это сделать, и тогда от кашля сотрясался Пётр Филиппыч так, что казалось, даже голова оторвётся. Всеми силами старался он в эти моменты придержать иглу, чтобы не выскочила из вены.

Коротко отзвонился жене: «Приняли, лечут. Как ты? Ну, и слава Богу. Пока не звони».

Полдня таскали по кабинетам. Делали снимки, анализы. Уложили, «привязали» к капельнице. К удивлению старика, палата оказалась двухместной. А он боялся, что будет со всей компанией из вестибюля, включая бурятку. Завалился там, на глазах у всех, стыдоба. Приступами кашля мучился кто-то, кто лежал справа. Лица его толком не было видно из-за тумбочки.

От кашля, а может, и не от кашля, а вообще от этой проклятой «ковидлы» у старого водителя страшно болела голова. Она казалась переспелым арбузом, который уже не в силах сдерживать стихию созревшей мякоти и вот-вот лопнет. Дня четыре старик жил в каком-то странном полусне, то пропадая в какую-то яму, то появляясь на свет божий: благо лежал у окна и свет этот видел. Пока при памяти, пару раз отзвонился сыну:

– Жив, лечат.

Тот, что справа, в перерывах между приступами кашля пожаловался:

– Однако помру я.

– С чего это ты взял?

– Давление у меня, вес лишний. Это фактор риска. Сразу доктора сказали.

– Кем работаешь, что сразу поверил?

– Специалист я, из городской администрации.

– Оно и видать, специалист! Сколь лет-то тебе? Сорока нет? Где это ты наслушался, что помирать положено! Сразу видно, не шофёр! Мне приказу такого не было, например, от старухи – помирать. Чо прикажет, то и делаю, – пытался балагурить Филиппыч. – Я, может, ишо в баню с ей мечтаю сходить.

Тот, что с фактором риска, больше не отвечал. Переждав очередной приступ кашля, дед в сердцах сказал ему:

– Значить, ты просто ссыкливый, при чём тут давление.

Наутро, когда ему капали очередную поллитру в уже одеревеневшую руку, возле мужика с давлением засуетились «сугробы». Головная боль в висках бухала каменным молотом по чугунной наковальне. Петру было не до соседа. Когда капельницу унесли, он с удивлением обнаружил, что и соседа тоже нет.

– Перевели? – уточнил у медсестры, принёсшей очередную порцию лекарств.

– Умер...

Пётр Филиппыч примолк. Чугунная наковальня в голове снова загудела с удвоенной силой, а сам он полетел куда-то вниз. Очнувшись, со страху зажмурил глаза: рядом с кроватью ходил... Бог. Такой, каким он привык видеть его на картинках: с бородкой, с усами, длинными волосами и с большим крестом на груди. Глядя на старика, Бог молился. Старик закрыл глаза, вспомнил, что даже не попрощался со своей Ниной, и безутешно заплакал. Кашель неожиданно прекратился, стихла боль в голове, и понял он, что умер и не поцеловал своей старухи на прощание. Было от этого горько.

– Батюшка! Ложитесь, я вам капельницу поставлю, – вдруг прозвучало где-то рядом.

Филиппыч открыл глаза и скосил направо. «Сугроб», прихватив за руку «Бога», уложил в свободную кровать, а потом подкатил к нему капельницу.

– В жизни не был так рад попу, как щас, – проскрипел дед. – Но я тебе точно напенделяю, как ходить начну! Ты пашто меня так пужаешь-то? Я думал, меня уж на том свете Бог встречает. Реву лежу, что старуху напоследок не потискал.

После капельницы слегка отпустило. Хотя, если верить медсёстрам, а под «сугробами» прятались медсестры, что было хорошо заметно по приятным округлостям спереди и сзади, так вот, если верить медсёстрам, капельниц Филиппыч получил уже семь штук. Он встал и попробовал пройти по палате.

Штормит, будто по балде балонником дали, – выставил он себе диагноз. Потихоньку, придерживаясь за головки кровати, прошёлся по палате. «Бог» лежал бледный, закрыв глаза. На лбу вдруг выступила обильная испарина, а тело его стала трясти неукротимая дрожь.

– Это! Кто-нибудь там! – старик на своих худых заплетаящихся ногах подался к двери, боясь, что не успеет. Не понравился ему батюшкин видок. Высунув лицо в коридор, он дозволялся

пробегающую мимо сестру. Та, едва бросив взгляд на батюшку, стремглав убежала. Вернулись втроём. Выдернув капельницу, стали колоть уколы. Дед притих: без него тут суматоха, а он ещё, не ровен час, в обморок брякнется.

– Почему вы не сказали, что у вас аллергия на какие-то препараты? – сурово пытал батюшку старший «снеговик». – А если бы сосед ваш не успел, вы бы и умерли.

– На всё воля Божия, – слабо проговорил тот.

– Нету такой воли: без спросу умирать, – буркнул Филиппыч. Потом потихоньку прошествовал к своей кровати и, ровно складной метр, сложился там, натянув до подбородка одеяло. Происшествие с «Богом» – обнаружение его у собственного изголовья, а потом служба ангелом-хранителем уже у батюшкиной постели вымотали старика. Неожиданно для себя он уснул и почти не кашлял.

Следующий день мало отличался от предыдущего. Разве что вдруг прибавилось хлопот с батюшкой. Испугавшись реакции на капельницу накануне, старый водитель стал присматривать за новым соседом. Годами тот был, конечно, моложе, а вот здоровье-то подкачало. А может, дело и не в здоровье. Судя по всему, он смирился с неминуемой смертью. Поэтому в те часы, когда кашель хоть немного, но успокаивался, он, закрыв глаза, безучастно лежал на кровати, не двигаясь и пугая старика.

– Божественный? Ты не молчи там! Говори чо-нибудь, – просил Пётр Филиппыч.

– Какой я божественный... Грешник убогий, – не открывая глаз, отвечал батюшка.

– Грешник, говоришь. Не закатывай тогда глаза, да не пугай меня. У меня батарейка, сердце слабое. А ты пугаешь. Раз грешник, надо жить, я слышал, у вас не полагается без исповеди уходить. Грехи, поди, тяжкие?

Батюшка долго молчал, дед завозился, и тот ответил:

– Уныние – тяжкий грех.

– Воот! А ты полёживаешь, унылый. Открывай глаза, рассказывай мне што-нить. Тебе сколь лет?

– Немного за сорок, – нехотя ответил священник. – Уже пожил. Как вас зовут-то?

– Чо? Пожил он! Ты в два раза меня моложе. А нюни распустил! Даже меня подняли на ноги! Тебя там твои старухи в церкви ждут. Меня одна моя, да и то я переживаю. А тебя – целый табун. Да ты вперёд меня домой полетишь, только ряса будет заворачиваться, – старик разошёлся не на шутку. – Петром меня зовут, Петром Филиппычем. И я не я буду, если тебя на ноги не поставлю, или я не Пётр.

– Апостол? – первый раз улыбнулся батюшка.

– Сам ты апостол. Я – шофёр. Вот до тебя на этой кровати мужик лежал. Почти твой ровесник. Толстый такой. Начальник какой-то, я не запомнил. Не успел лечь, сразу заныл: «Помру я. У меня давление высокое». И што ты думаешь? Помер ведь!

Батюшка приподнялся и заинтересованно посмотрел на Филиппыча.

– Помер! Потому што задачу себе поставил: помереть. И ты туда же: воля Божия. Какая воля, если эти остолопы не спросили, на что у тебя аллергия?

– Это и есть воля Божия.

– Это у нас ещё легко болезнь протекает. Кислородную маску не дают, как другим, на полсутки. В реанимацию не волокут. Вставать, ходить чуть-чуть можно. Щас капельницу снимут, гулять с тобой пойдём. Я тебе покажу кое-что, – доверительно произнёс старый водитель, который в моменты, когда отступали кашель и боль, совершал разведвылазки в пределах допустимых маршрутов.

После капельницы, несмотря на сопротивление батюшки, старик прихватил его под локоток и подался из палаты в коридор, где потихоньку слонялись те, кого «корона» отпускала. Двери палат в коридор были распахнуты. Филиппыч прокуренным пальцем показывал вправо:

– Видишь, старухи вокруг стола сидят, чай третий раз пьют? Вот... Чо побледнел? Мутит? От вида еды? Нормально. Скоро сам запросишь есть. Дальше пошли. Во, видишь, слева четырёхместка? Клали туда самых молодых. Троиш вынесли! А почему? А потому што крылышки опусти-

ли: всё, мол. А старухи чо? А старухи спорят, когда правильно рассаду садить, в феврале или в марте. Разницу сечёшь, отче?

В палате Филиппыч заставил батюшку лечь на живот и делать дыхательные упражнения, которые им показал врач на обходе.

– Полагаю, достаточно, – устало сказал батюшка.

– Ты посмотри на него, полагает он. Ты по сколь минут кажин день молишься?

– Часами. При чём тут это?

– При том, батюшка! Это сильнее молитвы. Разработаешь лёгкие, будешь молиться и петь, что вам там полагается. Нет – сипеть будешь, и то коротко. Спишут тебя с поста. А позанимаешься, помолись-ка, отче, за наших девчат. Ох, и мучаются они с нами. Сомлели там в этих маскахалатах, в масках, в очках. Бедняжки...

Вспотевший, обессиленный священник упал лицом в подушку, но потом, откашлявшись, снова занялся дыхательными упражнениями.

– Пётр, а сам-то почему... не занимаешься? – через силу прохрипел своему физмучителю.

– А мне бы курнуть. Это б дело, конечно. А попытеть – я ещё попыхчу. Разведаю, где бы курнуть можно, терпеть уже сил никаких нет. Старухе позвоню, а потом пойду в разведку.

Сарделькоподобным своим пальцем сноровисто набрал номер телефона и, отвернувшись к окну, произнёс:

– Нинок! Ты как там без меня? Дрова не таскай помногу, по два-три полешка, ладно? В магазин не ходи, харчи всё одно свои все есть. Не, долго не буду, тоскливо тут. Бабы brave? Есть, куда им деваться. Бурятка одна особо приглянулась, braveенькая, так бы и бросился бы на неё! Нин, конечно, шучу. Только курить охота. Ладно, не ворчи.

Довольный, прицепил сотик на зарядку и чему-то улыбнулся в окно.

– Вот так, отче! Нина меня дома ждёт. Некогда залёживаться. Всем ливером чую – скоро выпешут! Есть захотел, а это великое дело!

И впрямь, утром следующего дня Филиппыча предупредили о предстоящей выписке. Сводили на снимки. Правда, через часик забежала очередной шуршащий «сугроб» и стала пытаться, где его документы.

– Моё дело шофёрское – куда путёвку выписали, там и лежу. А накладные мои где-то у вас.

«Накладные» никак не могли отыскать. К поискам присоединился сам Филиппыч. Пришёл довольный:

– Чо ты думаешь, батюшка? Мои документы сразу при поступлении забросили в кабинет, где мёртвых списывают. По возрасту решили, что залечат, и для облегчения работы все документы старичья в мертвецкий кабинет, – рассмеялся он, сверкнув стальными зубами с правой стороны. – Не на того напоролись! А тебя, батюшка, на снимок тоже требуют. Иди бодренько. Выше клюв, победа будет за нами!

Выпытав у батюшки, что показал снимок, старик успокоился. Хоть и медленно, но у батюшки тоже шло на улучшение. Старый шофёр записал номер сотового своего «Бога», сделал ему напоследок строгое внушение относительно уныния и, помявшись неловко, заговорщицким шёпотом спросил:

– Ты мне, отче, скажи, как мне бабку в рай пристроить? Чо сделать, чтобы попала в хорошие условия, а? Не сейчас, конечно. А на перспективу? Я-то точно попаду в ад. Ругался, курил, выпивал, знамо дело. Собак брошенных подбирал, правда. Голодных кормил, когда подвозил.

А Нина у меня – чистый ангел. А там, можа, какая тонкость есть, раз, – сделаешь этакое, и в раю? Жалко будет, если она в преисподнюю. Она ж... такая... Как тебе обсказать? Э... не поймёшь ты, батюшка. Да она, поди, меня и не бросит. Скажет, мол, меня к Петру моему. Чума! В общем, помолись потом за неё, да и за меня, если случай такой выпадет.

Придумал какую-то «любовь»!

Рассказ

– Дед, а дед! Ты вставать будешь или нет? – поза и интонации у бабы Кати как у сержанта-сверхсрочника. Кто духом послабей, и дрогнул бы. А дед бровью не повёл, пристально разглядывая заупрямившийся ремешок от часов: какого-то рожна сегодня вредничал, никак не попадая в свои скрепочки. Приладив ремешок на запястье, дед поворочался и сел в кровати поосновательней. Сетка её провисла почти до пола.

Насобирав из «джентльменского набора» четыре таблетки, баба Катя бережно несёт их в одной ладони. А в другой руке – стакан с водой.

– Да я же сёдни пил, – вяло начинает дед, но старушка обрывает:

– Каво ты врёшь? Пил он! Я уж курей накормила и печку подтопила, а ты ишо и вставать не думал. Пей давай. Смотрю, смотрю, не косись, – подталкивает его под отёчную колотушку руки, заставляя засыпать таблетки в рот. Проглядит – и в иранку сбросить может. Глаза у него стали чудные: то вроде без проблеска жизни, безучастные. А то вдруг заиграют какой-то детской хитринкой. В этот момент он потихоньку шкодит: прячет таблетки, считая, что его уже перекармли всякой химией. Разум тоже играет в прятки. То он есть, и дед обсуждает новости из телевизора и радио, вспоминает родню до пятого колена. То вдруг какой-то сквозняк по мозгам, который выдул последние двадцать лет, и он с утра засобирается на работу, с которой распрощался давным-давно, убеждая супругу, что опоздал к началу службы.

Дед честно запивает таблетки, ворча:

– Сколько их можно пить? Ничо ж не болит.

– Потому и не болит, что пьёшь! Вставай, умывайся да чайвать будем.

Подав руку, помогает приподняться из кровати. Тот, зевая и почёсываясь, потихоньку вываливается из объятий своей старинной люльки и, надёрнув тапки на отёчные тоже ноги, по-медвежьи переваливаясь, плывёт в другой край избы – к рукомойнику.

Баба Катя терпеливо ждёт за уже накрытым столом. Под полотенцем паруют стопкой блины, исходят паром две чашки – большая – дедова, поменьше – бабкина.

– Хошь доктора в телевизоре и ворчат, что вредно, но как вот поись-то, без блинов, без сала, – продолжает спорить с невидимыми профессорами баба Катя. – Врут всё! А штоб мы поскорей с голоду помёрли. И пенсию платить не надо. А я не поем, так и заснуть не смогу.

При подходе деда к столу успеваает и стул поудобней поставить, и тарелку из-под широкого локтя убрать, и торжественно открыть румяную горку.

– Когда уж успела блинов-то напечь? – совсем по-детски удивляется дед, протягивая руку к самому горяченькому, сверху.

– Дак не все ж лежебоки, койку мнут! – парирует бабка, пододвигая ему ближе вазочку со сметаной.

Утренние посиделки с разговорами затянулись на добрых полчаса, пока дед не начинает ёрзать в поисках опоры для руки.

– Пристал? Но, щас помогу, – поднимается со своего табурета бабка и опять подаёт ему руку.

Взявшись за её маленький кулачок, тоже, к слову, отёчный, дед начинает подыматься. Стретьей, а то и с пятой попытки ему это удаётся, и он потихоньку пускается в обратный путь.

– Погоди! – опять по-сержантски останавливает бабка. – А гимнастика? Ты вчера ещё сулил, что будешь шевелиться. Разве ж ты не понимаешь, што я тебя не смогу поднять, если ты совсем сляжешь? Давай-давай, занимайся, – на всякий случай добавила голосу и, обогнав деда по пути в комнату, встала наперерез.

– От же ты зуда-а-а! – машет головой дед. Прислонившись к косяку двери спиной, стал маршировать на месте. Так, вероятно, ему казалось. На самом деле ноги, обутые в растоптанные чуни, походили на ленивых цирковых медведей, которые не хотели шевелиться и подымались на дыбы только под резкий окрик дрессировщика.

Суровая бабка-сержант, взглянув на старательные попытки «гимнастики», неожиданно покатила со смеху:

– Ты гляди, не схудай! Разошёлся. Аполлон Полведерский...

Деду только этого и надо. Буркнув «хватит», поплыл в сторону своей коечки, по пути опираясь – то на угол кресла, то на угол печи и, подойдя к кровати, перехватившись за её головку, тяжело занырнул в её спасительную глубину, как в гамак.

А баба Катя, присев у окна, пододвинула к себе другой лекарственный коробок, вытащила свои таблетки и выпила утреннюю дозу. Устало посидела, грустно поглядывая на дедову стопочку таблеток. А потом, спохватившись, опять пошла обратно:

– Но чо, недвижимость моя? Улёгся? Дай-ка гляну, носки не тугие? Не пережимают ноги? Не болит ничо? Дай, я маленько ноги разотру.

– Да чо их шевелить? Нормальные.

– Да они уж ничо не чувствуют. «Нормальные», – растирает осторожно отёчные лодыжки, пугающе холодные под рукой, встревоженно глядит в лицо деда.

– Давай носки тёпленьки оденем? Щас я с печки подам. Совсем у тебя кровь-то не ходит, ишь замёрзли ноги.

Укутав деда, снова села за стол напротив божницы, позабыв про немытую посуду и подняв глаза к иконе в углу над столом, перекрестилась. Помнит, как крестилась в первый раз, размазывая по лицу сажу и кровь. Чего уж тогда она наговорила молчаливой иконе, не помнит. Не до того было. Было ей тогда 28 лет.

Ветер в тот день гудел, как сумасшедший. Морок раскинулся над деревней дырявым смурным плащом, в котором от порывов то тут, то там появлялась новая рванина. Песок несло над деревней. На зубах песок этот скрипел, глазам было больно от въедливых соринки. Казалось, никогда не кончится этот ветреный день. После утренней дойки, повязав пониже платок, чтоб глаза защитить от хлестких ударов ветра, торопилась она домой с фермы. И за огородами на дороге увидела вдруг, что столб с проводами завален, а под ним лежит что-то, издали зелёное на фоне серой земли.

А потом захолодело вдруг внутри и ноги чуть не отказали: в этом зелёном узнала она мужев мотоцикл. Не помня себя, бежала к столбу, к клубку спутанных проводов, среди которых он корчился, пытаясь вылезти. Одежда на шее и на ногах тлела, разгораясь на ветру. Глянул на неё полубезумными от боли глазами, шевельнул рукой, на которой трепыхалась неопрятными лоскутами тлеющая фуфайка с коричневой дымной ватой, пытаясь отогнать её этим жестом от смертоносных проводов.

Не обращая внимания на провода, которые опасно искрились в местах соприкосновения, подскочила к нему и, не касаясь руками, ногами в спасительных резиновых сапогах вытала его из смертельного клубка жалеющих проводов в кювет. Молча, сжав зубы, размазывая по лицу слёзы, упрямо толкала и толкала ногами его подальше от смертельной опасности, превратившись в бесчувственную машину, не давая воли сердцу, чтоб не упасть рядом с ним там, обхватив его руками.

И потом только, поодаль, рухнула на колени, сняв свою фуфайку, и гасила его тлеющую одежду, осторожно пыталась стянуть её, а потом увидела, что на помощь бегут люди. Домой его вели под руки, бросив всё ещё тлеющую фуфайку. В порванной полуобгоревшей рубашке, он шёл, качаясь как пьяный из-за шока, вероятно, не чувствующий боли. След от огромного ожога был на шее, на руках, и на ноге виднелся сквозь дыру в штанине.

Дом, испуганные глаза ребятшек, поиски ножниц, куда-то запропадившихся. Срезанные полусгоревшие лохмотья одежды на полу. И её торопливые молитвы к Богу, как будто от того, насколько быстро она их прочтёт, зависела скорость «скорой помощи».

Из больницы его выписали только через четыре месяца, в августе. Сожжённая под шеей кожа срослась рубцами, будто к шее кто приложил огромную короткопалую пятерню. Чужая, уродливая, она по-хозяйски обхватила горло, сдавливая его при каждом неосторожном движении. Второй шрам был на ноге, выше колен – огромный поджаренный блин, больше четверти в диаметре. Раны только-только затянулись молодой кожей, любая одежда причиняла боль, и ходил он по ограде в широченных трусах и майке, широко расставляя ноги, как моряк во время качки, чтоб не причинять боль одеждой.

Спасительный преднизолон, которым снимали в первые недели боль, и стал теми дрожжами, на которых стройный её Николай и начал «подыматься», сначала до 80, потом до 100, а потом и поболее килограммов. Конечно, на килограммы и глядеть не стала – лишь бы одыбал и ожил. С годами затянулись все раны, даже рубцы стали не такими пугающими. А самым страшным сном много лет был сон о том, как она его вытаскивала из искрящихся проводов.

Вспомнилось, как однажды ночью, в декабре, приехал он из соседнего села, где временно работал сменным, и постучал в дверь, уже в ночи. Шесть километров шёл с трассы домой, обындевел, как Дед Мороз. Испугалась, ругала, оттирала, отпаивала горячим чаем. Растирала задубевшие ноги. Бог отнёс. Даже не чихнул назавтра... «Затосковал да и поехал», – улыбался он ей оттаявшими губами.

Много чего вспоминается Катерине. Как за всю их жизнь ни разу, считай, не расставались – роддом да ожог не в счёт. Свадьба вспоминается – и смех и грех. Отправили его в соседнее село работать. Скучали друг по другу, а работа – никуда не денешься. У неё – почти неделя отпуска. Вот и поехала в гости. Пожила там у него 4 дня, собралась домой, а паспорта в сумке нет. С собой ведь брала. А он сидит рядом с сестреницей (квартировал у неё), улыбается тихонько. Потом подаёт из кармана своего пиджака. Берёт она паспорт, листает, а там... штамп о браке!

– Это што такое?

– Ничо. Пошёл в сельсовет, а он в одном помещении с клубом. Говорю, моей некогда прибежать, распишите нас. Вот и расписали.

Время – обед. Хозяйка, взглянув на «молодую», споро стала наставлять на стол горячее с плиты: картошку жареную, карасей, щи.

– Саня-а-а! Иди, свадьбу гулять будем, – смеётся, подзывая с ограды своего мужа. Пообедав вчетвером, стали уж планы строить, что дальше делать. Перебралась Катерина в Новониколаевку, три года там и прожили, а потом в свою деревню вернулись с двумя народившимися уже малышами.

– Эта... Иди-ка сюда, – позвал из спальни дед. Баба Катя снова сорвалась с места. Стоя у изголовья, глянула пыливо:

– Чего?

– А щас утро или вечер?

– Утро, конечно! Ты ж блины со мной ел.

– А сама-то таблетки пила? Или токо меня травмишь?

– Пила, пила, не переживай.

– Запереживаешь тут. Тебе вперёд меня никак нельзя. Я ж даже с койки без тебя не вылезу, – и глаза деда глядели в этот раз вполне осознанно и серьёзно. – Ты бы телевизор, что ли, включила. Картина можа какая идёт, про любовь, – улыбнулся он, переключившись с хмурой мысли.

– Придумал тоже, «любооовь». Разе она есть? Сказки! Дурь одна в этом телевизоре. Давай-ка я лучше тебя побрею, – поднявшись с кресла, привычно включила бритву и стала сбрасывать щетину, сбавляя нажим на месте старого шрама на шее, а потом аккуратненько протёрла лицо влажной салфеткой.

– Вишь, ты ишо у меня молодой, – улыбнулась она, пригладила неровно остриженный ею же чубчик и прижала остриженную головушку к своей груди...

Ирина
КУШНИР

Ирина Александровна Кушнир. Родилась в 1970 г. в г. Кара-Балта (Киргизия). Состоит в Лито Забайкальской писательской организации. Пишет рассказы и сказки для детей. Публиковалась в журналах «Слово Забайкалья», «Годы и люди», «Сибирские огни». Учится на курсах повышения писательского мастерства. Участвует в сказочных марафонах как участник и куратор.

Время летать

Рассказ

Жители панельного дома на окраине рабочего посёлка уже неделю обсуждали неслыханное событие: летает над крышами ангел с белыми волосами.

Старухи крестились: одни говорили – не к добру, а другие радовались, что Боженька не забыл о них и послал ангела. Мужики соображали, как поставить решётки на чердачные окна или смастерить ловушку на летуна. Мальчишки обещали сбить его и тренировались в меткости на голубях прошлогодней картошкой и камнями. Активистки женского клуба «Очарование» с возмущением пресекали это варварство и мечтали зазвать ангела на чаепитие.

Соседи приглашали Марину обсудить новые подробности, но она всегда отказывалась и торопилась домой. Одни обвиняли её в гордости, глядя в спину, другие заступались: мол, кому-то ангел в небе, а кому-то «утка» под кроватью. И шелестел шепоток, как листья на ветру:

- Давно сдала бы в дом престарелых...
- Ага! Такую пенсию государству отдавать!
- Так мучиться? Да никаких денег не надо!
- Хоть на работе отдыхает.
- Хорошенький отдых – из вагонов почту разгружать!
- Да ладно вам! Святой крест – за матерью ухаживать.

Только не каждый выдюжит.

– У моей мамы поговорка была: «Самое тяжёлое – добеливать за печкой и докармливать старого».

– Я и говорю, молодец девка! И Генка помогает...

– Да Генка ждёт не дожждётся, когда всё это кончится. Мне Петька говорил...

– Да знаем мы твоего Петьку...

Марина развешивала на балконе простыни, поглядывала на размытую весенними дождями синь неба, провожала взглядом шумных стрижей и думала, что насчёт ангела – это пустые разговоры. Бельё на ветру развевалось, вот и приняли за крылья небесного посланника. Даже подумать некогда о Боге с этими ежедневными заботами. Не до чудес, хоть бы радости чуть-чуть, тогда можно и вздохнуть облегчённо: «Слава богу!»

Последние два года, как устроилась в сортировочный центр, Марина мечтала просто выспаться.

Рабочие сутки сегодня выдались тяжёлые. Опять сломалась лента транспортёра, и все посылки и бандероли пришлось таскать в руках.

Утром после смены нудно моросил дождь. Погода под стать настроению. Марина раскрыла старенький зонт, он трепыхнулся от ветра и наполовину провис. Туфли, успевшие высохнуть на батарее в бытовке, тут же снова промокли, и она брела по лужам, не разбирая дороги. Дождевые струйки с зонта стекали на шею и плечи. Марина вздыхала и изо всех сил старалась не расплакаться.

Наконец подъехал автобус. Она зашла в салон последней, и ей даже удалось сесть. У окна пригрелась и задремала. На остановках ветер собачонкой залетал по ступенькам с пассажирами и охлаждал прилипшие к ногам брюки.

Так не хотелось открывать глаза! Полусонная, Марина вышла на конечной остановке. Боясь поскользнуться, тихонько ступала по раскисшей земле, усыпанной лепестками черёмухи.

На пустыре ветер расшалился – то вырывал зонт из рук, то выворачивал наизнанку. Провисшие клинья шумно хлопали над головой, будто крылья большой птицы.

Какая удача, что непогода разогнала праздных болтунов у подъезда! Не было сил и желания разговаривать...

Анна Ивановна проснулась от негромкого шума на кухне и аромата жареной картошки. Зять Гена готовил её исключительно – резал крупными брусками, потом вываливал на полотенце. В это время сало с мясной прослойкой выгибалось на сковороде, плевалось жиром, покрываясь в томлении хрустящей позолотой. И лука – сколько же он режет лука, с ума сойти – две головки!

Старушке захотелось встать, прямо со сковородки подцепить вилкой румяный ломтик сала и, обжигаясь, пожевать. А потом хлебной горбушечкой выловить обжаренный лук, припудренный молотым чёрным перцем...

Будто ливень зашумел – это Генка картошку помешивает.

Она проглотила вязкую слюну, живот заурчал, требуя завтрака.

«Уж до чего зять бестолковый и некультурный, а готовит вкусно! Лучше, чем я, что там говорить. Только картошки этой я не увижу – доча с работы придёт голодная. А мне снова овсянка...» – Анна Ивановна отвернулась к стене и укрылась одеялом с головой.

Марина открыла дверь своим ключом, плюхнулась на банкетку, сняла туфли и мокрые носки с озябших ног.

– Пришла уже? – выглянул в коридор её муж, со смаком облизывая ложку. – Вся вымокла! Опять зонт сломался?

– Да, – кивнула устало. – Ген, уже на первом этаже твоей картошкой пахнет.

– Ну дак!

– А что, пельменей не осталось?

– Не осталось, – буркнул Гена, вернувшись в кухню и подбирая пальцами ломти картошки на плите. – Мамочке спасибо скажи.

– Что такое? – вяло поинтересовалась Марина.

– Опять холодильник выключила.

– Что значит «опять»?

– То и значит. Говорил тебе, что она ходит. И шкодит к тому же! Ты ж не веришь.

– Ладно тебе. Покорми меня. Устала, как не знаю кто... Руки помою.

Только прошла не в ванную, а в мамину комнату.

Анна Ивановна закрыла глаза и затаила дыхание.

Марина постояла у порога, заметила тарелку с подсохшими пельменями. Закрыла дверь и на кухне попрекнула мужа:

– Ты ей слипшиеся пельмени сварил?

– А что? – Гена невозмутимо заваривал чай. – Сама разморозила. Пусть ест, что дают.

– Ну ты совсем! Она не могла.

– Так давай камеру поставим! – вспыхнул муж, покрываясь красными пятнами.

Его рука дрогнула, и горячие ломти жареной картошки скатились с тарелки на скатерть и чуть не угодили Марине на колени.

– А я при чём? – вскочила она. – Швыряешь, как собаке!

– Да я нечаянно! – вслед обиженной жене выкрикнул Гена.

Коротко ругнулся, сел за стол, ожесточённо тыкая вилкой в картошку. Не доел, бросил вилку и пробурчал:

– Так, приплыли! Утро добрым не бывает.

Анна Ивановна дотянулась до стакана с водой на тумбочке, отпила чуть-чуть, и голодная боль в желудке немного утихла.

«Теперь и каши не дождёшься», – подумала она, потирая больное колено.

Гена толкнул дверь в спальню и извинился:

– Говорю, нечаянно. Иди поешь.

Марина, втирая крем, массировала кисти рук.

– Не хочу. – И отвернулась.

– Ну чего ты начинаешь?

– Я начинаю? Я вообще молчу.

– Ох, характер мамочкин! Я в гараж.

И Гена ушёл, хлопнув дверью.

Марина встала и прошла в комнату к маме. Тихонько села в ногах её постели.

– Мам, знаю, что не спишь. Не накрывайся с головой, душно. Значит, тебе уже лучше?

Анна Ивановна открыла глаза, убрала со лба седую прядку.

– Мам, зачем ты холодильник отключила?

– Да я... Да он... тарахтит об стенку, будто стучит кто.

– И чайник сожгла. Ты чаю хотела?

– Да. Горяченького. Проснулась и так озябла!

– А воду-то почему не выключила?

– А она бежит и бежит, холодная и холодная...

– Мама, прошу тебя, не ходи, когда ты одна. Меня дождись.

Анна Ивановна попрекнула:

– Когда надо, тебя нет. Когда к Толе поедем?

– Мне до отпуска осталось три недели, и сразу поедем.

– Не могу ждать, – судорожно всхлипнула старушка и провела скомканным платком по щеке, будто смахнула слезу.

– Что поделаешь, надо. И нога как раз заживёт. – Марина приобняла мать, но та отмахнулась:

– Третий год обещаешь.

Марина ссутулилась, вытянула ноги:

– И всё же не ходи... Босиком не ходи. Хоть бы носочки надевала.

– Давят.

– Кто давит? – не поняла Марина.

– Носки давят. Резинки тугие.

Марина вздохнула:

– Другие дам. Тебе картошечки принести?

– Генка твой жарил? Не хочу. Ты пожарь.

– Мам, ну что ты? Поешь. А я поплю. Потом вареников налеплю. С чем хочешь – с творогом или картошкой?

– С вишней.

– Нету. Надо в магазин идти.

Анна Ивановна дёрнула одеяло из-под Марины, сгоняя её с постели, накрылась с головой и отвернулась к стене.

– Ну мам!

– Иди спи, – хрипло буркнула старушка и, услышав всхлипы в спальне, подумала: «А чего плакать? Сразу сказала – намаешься с этим лоботрясом. Так нет – любовь, любовь! Ох, доча...»

С новой силой заурчало в желудке, она покосилась на пельмени и вздохнула. В голове зашумело, ноги снова свело судорогой, как в недавнем сне, и вспотели ладони.

«К чему сон, когда летаешь? Это молодым снится – ещё растут, а мне к земле уже расти положено».

На обед Анна Ивановна за обе щеки уплетала вареники с вишней. Внук Ванюшка сидел рядом за журнальным столиком и старательно облизывал тарелку.

– Ванюш, тебе ещё? Возьми-ка у меня.

– Не, бабуль, я объелся.

– И я тоже. Говорят же, глаза не сыты.

– Это как, ба?

– Вроде наелся, а глазки смотрят – ещё бы поели. А знаешь, что в варениках самое вкусное? – прищурилась Анна Ивановна.

– Вишня?

– Сметанка с соком и сахарком! – И по примеру внука тоже облизала тарелку.

Они засмеялись, Ванюшка подошёл и полотенцем вытер пятна сока на рукаве её сорочки.

– Ой! Рот дырявый! Мамка-то твоя заругает! – притворно заохала бабушка.

– Не заругает, – уверил Ванюша.

Понёс тарелки на кухню и сказал маме:

– Смотри, даже мыть не надо. А баба смешная – варениками измазалась.

Марина зашла в комнату, увидела, как мама затирает пятно, и улыбнулась: а на щеке-то не заметила!

– Давай переоденемся.

– Доча, а я вспомнила!

– Что вспомнила?

– Как вкусно облизывать тарелку.

– Да ты ж моя-то... Стой-ка, не ту руку. Тихонько, тесёмку-то не развязали.

Помогая маме одеться, заметила, что в волосах у той вата запуталась. Нет, не вата...

– Ты чего там нашла?

– Мама, это черёмуха. Ванюшка принёс?

– Не помню.

В ванной Марина замочила сорочку и позвала сына:

– Ванюшка, иди сюда!.. Ты черёмуху домой не носи, а то у бабушки голова разболится.

– А я и не носил!

– А откуда тогда она взялась?

Он пожал плечами: «Не знаю».

«Неужели мама сама сорвала?» – изумилась она.

Потом открыла окно в маминой комнате и попыталась дотянуться до веток дерева.

«Вполне могла! Ванюшка бы не догадался. А если бы не удержалась? Вот отчаянная!» – вздохнула Марина, потуже задвинула шпингалет и, не дожидаясь мужа, вбила гвоздь в подоконник.

Анна Ивановна не любила выходные. Зять вставал рано, включал радио на кухне и телевизор в спальне. И ведь при нём не встанешь, не сделаешь потише. Вот и сейчас – и радио, и телевизор. И сам расселся в прихожей на шаткой скамеечке, очки напялил. Ей из комнаты всё видно. Чинит зонт Маринкин. Лучше бы новый купил! Чуть склонится – скамейка под ним стонет. И песню-то всё одну под нос бубнит: «Любо, братцы, любо...» Прикрутит гаечку: «Любо, братцы жить...» Плоскогубцами сдавит: «С нашим атаманом...»

Ванюшка присел рядом на корточки и заглядывает. Интересно ему.

Вот Генка закрыл зонт. Открыл. Вроде держится. «Не приходится тужить...»

– Пап, ангел – перелётная птица или зимующая?

– Чего?

Скамейка под отцом удивлённо скрипнула.

– Улетает в жаркие страны или остаётся зимовать?

– Ты где про такую птицу слышал?

Ванюшка смотрел, как отец убирает плоскогубцы в чехол. Смутился:

– Все говорят. Что прилетел и где-то на чердаке прячется...

– «Говорят», – передразнил Гена. – А ты слушай больше! Ангел – это не птица.

– А кто?

– Это... Повесь-ка мамин зонт. Это... ну, дух такой.

– Дух?

– Ну как тебе сказать... – Отец отвёрткой почесал затылок. – Посланник. Он у Бога вроде слуги. Отправит его Бог – он и летит по поручению... Но это всё сказки.

– А Бог – кто?

– Ты давай-ка не забивай ерундой голову! Собирайся в гараж. Поможешь.

– Пап, а Сашка просил мяч подкачать!

– Вот и пойдём. И мяч подкачаем.

Когда за ними захлопнулась входная дверь, Анна Ивановна задумалась, как бы понятно рассказать внуку про Бога и ангелов. И улыбнулась, вспомнив его вопрос: «Ангел какая птица – перелётная или зимующая?»

Днём Марина задремала и проснулась оттого, что Гена на кухне отчитывал Ванюшку. Вроде негромко, но она отчётливо слышала каждое слово.

– Я не брехло, – говорил сын.

– Но ты мог убрать за собой?

– Я не видел.

– Как ты не видел, если рассыпал! Ещё раз спрашиваю – ты рассыпал?

– Я.

– Почему не убрал?

– Забыл.

Гена вздохнул:

– Марш за веником и совком.

И, наблюдая за сыном, спросил:

- Во что играл-то?
- В бомбёжку, – буркнул Ванюшка.
- А на улице можно играть в бомбёжку?
- Можно, – хмуро ответил сын.
- Так зачем цветок потрошить?

Ванюшка молчал и никак не мог замести землю на совок пушистым веником.

- Так, чтоб ни одной соринки не пропустил! Увижу – пол помоешь. Ясно?
- Ясно.

Резко зазвонил Маринин телефон, оставленный в прихожей. Гена взял его с тумбочки и поспешил на кухню:

– Слушаю... Спит. Что хотела?... Нормально. Ближе к делу... Лучше не бывает! Тоже спит. Всё?

- Гена! – позвала из спальни Марина. – Кто это?
- На. – Он протянул ей телефон. – Сестрица твоя.
- Танюш, привет... Да, только встала. А ты чего не спишь? У вас же ночь.
- Не могу уснуть, – пожаловалась сестра.
- С дядей Толей что-то? Заболел?

– Да нет, с папой всё нормально... Тут чё было! – затараторила Таня. – Генке не стала рассказывать – подумает, что мне с похмелья показалось. А мне не показалось!

– Да говори уже.

– Сплю. Слышу, у папы голоса, смех. Захожу – и чуть глаз не выпал! Тётя Аня сидит на стульчике и с папой мило беседует!

– Какая тётя Аня? Малькова?

– Да мама твоя! Встаёт такая, целует папку – мол, вот и свиделись, братишка. Я свет включила – а её и нет... Ну, думаю, умерла, наверное. Проститься приходила.

– Что за мысли – умерла! Я бы тебе сразу позвонила.

– А что ещё я могла подумать? Она ж в белой ночнушке, как призрак. Папка довольный, говорит, сто лет не виделись. Оба ведь неходячие. Я спрашиваю: «Куда тётя Аня-то делась?» Он на окно показывает, а там шторка колышется. Вот и думай, что мы с ним враз рехнулись! Звоню тебе – Генка говорит, всё нормально, спит мама... Сходи-ка проверь – может, вечным сном?

– Тьфу ты, Танька!

– Иди и посмотри! Скажешь мне. Жду.

Марина закатила глаза и вздохнула, но встала и пошла к маме.

По ногам потянуло сквозняком. «Так рама же заколочена!» Марина отдернула шторку – из приоткрытой форточки веяло утренней свежестью: дождём и цветущей черёмухой.

Анна Ивановна зашевелилась, кутаясь в одеяло:

– Как же холодно!

Марина закрыла форточку и облегчённо выдохнула. Что-то кому-то покажется – всех взбаламутят.

– Доча, укрой меня! Озябла, согреться не могу.

Марина достала плед и укрыла маму.

– Знобит? Неужто заболела?

– Просто замёрзла.

Марина подоткнула простыню под матрац и снова заметила лепестки черёмухи в маминых волосах. Лепестки были свежими, не вялыми.

«Опять вставала! Зачем? Ведь не душно. Но как через форточку дотянулась до дерева? Это ж какую обезьянью ловкость надо иметь, прости господи!»

Старушкины ступни были как ледышки, и на них налипли белые лепестки. Марина натянула маме тёплые носки с растянутой резинкой – если это и сон, то очень реалистичный! – и спросила:

– Мам, расскажи, как у брата погостила.

– Хорошо погостила, – зевая, пробормотала Анна Ивановна, – устала только. Две тыщи вёрст! Без остановок. Ни согреться, ни чаю горячего...

Марина послушала и решила, что мама бредит.

Сестра изнемогала от нетерпения:

– Ну что, Марин? Чего так долго?

– Знобит её. Надо температуру померить. Приснилось тебе. Или показалось.

– Никто не верит! Что вы дуру из меня делаете? – рассердилась Таня и отключилась.

Гена увлечённо копался в ящике для инструментов. Спросил:

– Чего Танька звонила?

– Спрашивала, как мама.

– С чего это вдруг?

– Да ей приснилось, будто мама у них гостила.

Гена с досадой бросил болтик и сказал:

– Матери не обещай, что к ним повезёшь. Я тебе помогать не буду – таскать её в инвалидном кресле по поездам.

– Да она уже не просится.

– Раздумала или забыла?

Марина в ответ только пожала плечами.

Ванюшка ещё со вчерашнего дня знал, кто на самом деле этот ангел, но поделиться секретом не мог ни с кем, даже с родителями.

Они опять ругались на кухне. Мама убирала посуду со стола, а папа швырял в деревянный ящик инструменты. Он с такой силой затягивал кран, что сорвал резьбу, и вода хлестала во все стороны. Теперь приходилось чинить.

– Её давно пора в дурку сдать! – кричал отец.

– Свою и сдай! А мою не трожь! – огрызалась мама.

– Вот и смотри тогда за ней!

– Может, мне уволиться?

– Ага, щас! Набрала кредитов – и уволиться!

– Не тебе ли на двигатель половина ушла?

– Не твоей ли мамочке на операцию? Давай, вали с больной головы на здоровую!

– Сам больной!

Ванюшка подошёл к бабушке, обнял и тихо спросил:

– Ба, а что такое дурка?

– Больница, там лечат.

– Тебя сдадут, а ты прилети! Я окошко открою.

– Ладно.

Сквозняк раздувал шторку, и кружевные тени в свете уличного фонаря трепыхались на полу сонными рыбками.

Анна Ивановна спохватилась и спросила:

– С чего ты взял, что я летаю?

- Я понёс тебе пирог, а ты залетаешь. Я стул к окну подвинул. Забыла?
- А... ну да.
- Ты только говори, когда полетишь! Я плитку выключу и кран закрою. Папа опять кричал, что ты чайник сожгла и соседней затопила.
- Ванюш... А я ведь и не знаю когда.
- Папа догадается – капец будет.
- Капец?
- Он про тебя в гараже дядь Пете и дядь Васе рассказывал. Матерился. Бабушка вздохнула.
- Ба, ты тихонько летай, чтоб никто не видел. Тебя словить хотят.
- Ванька! – Отец заглянул в комнату тёщи. – Ты чего здесь? Марш в кровать! Анна Ивановна опять вздохнула, закрыла глаза. Веки её дрожали. Показалось, только заснула, как внук разбудил:
- Ба! Я дома!
- Увидев его в школьной форме, удивилась:
- Отучился?
- Да. Ты сегодня летала?
- Не знаю. Иди поцелую, – потянулась к нему.
- Поцеловала макушку, лоб и шею возле уха.
- Щекотно! Ба, ну расскажи мне!.. А почему ты в сорочке летаешь? Ты ангел?
- Бабушка улыбнулась.
- А я вырасту – буду летать?
- Не знаю.
- Ну вот! – обиделся мальчик. – Я от самой школы бежал, чтоб ты рассказала, а ты не знаешь!
- Ванюш, вернись! – позвала бабушка. – Сядь... Поближе. Не сердись. Устала я лежать и болеть. И так захотелось мне с братом повидаться, взяла бы и полетела! А потом... голова так сильно закружилась – и уже лечу! Даже не помню, как окно открывала.
- Да? – округлил глаза внук. – А ты крыльями машешь или руками?
- Не помню, – замялась Анна Ивановна. – Как-то я решила стрижей обогнать. Ох, как вспомню, сердце аж выскакивает!
- Страшно?
- Да! Теперь я только вверх смотрю. А один раз, – хохотнула она, села в кровати и обняла колени, – прямо в облако врезалась.
- Вот это да! – восхищённо прошептал Ванюшка. – И как?
- Ну... будто вата. Походила – мягонькое, ноги так и проваливаются. Прохладное, я озябла даже... Завтра домой слетаю.
- Куда домой? Тут же дом, – удивился мальчик.
- В деревню, где родилась. На вишне посижу.
- А не заругают?
- Кто? Хозяева? Не знаю. Заругают – улечу. Я теперь куда хочешь могу.
- Ба! Возьми меня с собой!
- Давай! Только надо не смотреть вниз и крепко-крепко держаться друг за друга.
- Буду держаться! А когда? Сегодня?
- Кто ж знает? Расписания-то нет. Как придёт время, так и полетим... Иди покушай, – вспомнила Анна Ивановна, – и тетрадки неси, уроки поучим.
- Я быстро!

Наскоро пообедав, Ванюша разложил учебники на журнальном столике и всё поглядывал на бабушку: мол, ну что – скоро, нет?

Вечером с работы пришёл Гена. Почёсывая живот, заглянул в холодильник, потом открыл морозилку. А там – весна, капель! Котлеты раскисли, и пельмени слиплись в один ком. Он коротко ругнулся и пошёл к теще. Видит – она с внуком над книжкой склонилась.

– Нехило устроилась, смотрю! От тебя убытки на каждом шагу, ещё и слова не скажи – заступаются... Все окна нараспашку! Кто открывал?! А цветок Маринкин кто раздербанил? Клад искала? Внук на себя вину берёт. Думаешь, я не замечаю ничего?

– Папа! – строго сказал Ванюшка, сдвинув белёдые бровки. – Не кричи на бабушку!

– А то чё?

– Улетим и не вернёмся!

– Давай-давай! На чём это, интересно?

Тёща отвернулась и вздохнула.

– Ты иди уроки делай!

– Сделал уже, – насупился сын.

– Марш в комнату!

– Ну пап...

– Иди, сказал! Нечего тут... дышать. Мяч во дворе попинай! «Улетим»... – хмыкнул Гена. Вернулся на кухню, пожарил два яйца, разрезал огурец вдоль. Только хотел опрокинуть стопочку, раздался плач сына:

– Папа, папа! Она улетела!

– Чего? – рванул в комнату тещи.

Ванюшка стоял на стуле у окна и размазывал слёзы по щекам. Старухи в комнате не было.

– Ох ты ж!

Гена дёрнул на себя раму раз, другой... Гвоздь, вбитый Мариной, не выдержал.

Гена перегнулся через подоконник, но тела в длинной белой сорочке на земле не увидел.

– Чё ты гонишь?! Где бабка?

– У-улетела, – хныкал мальчик, – без меня... Всё из-за тебя!

Он дёрнул плечом, сбрасывая руку отца, побежал в детскую и упал на кровать, всхлипывая.

– Дурдом!

Гена выскочил во двор, переполошив соседей.

Над ним посмеивались: мол, прокараулил тещеньку. Не про неё ли слух идёт? Не она ли полётывает втихушку?

– Ага, – отозвался Гена нервным смешком. – Если моя теща ангел, то я папа римский!

А когда вернулся, она сидела на смятой постели и расчёсывала влажные волосы.

– Ты где была?

Анна Ивановна молча наматывала на палец волосы с расчёски.

– Да я... наручниками тебя пристегну, чтоб не шастала! Чего лыбишься, не веришь? Ну ты достала!

Гена в прихожей долго не мог обуться. Бурчал, мол, сколько можно терпеть её выходки. Вышел из квартиры, звякнув ключами от гаража.

Подожёл Ванюшка, прислонился к косяку и обиженно произнёс:

– А чего ты меня не взяла? Обещала...

– Не успела! Всё так быстро произошло.

– Я с тобой не играю.

– Ванюш!

Долго бабушка звала внука, а он стоял у окна, заткнув пальцами уши, и смотрел на серые облака с розовым отсветом заходящего солнца.

А утром... утром было воскресенье. Пришла со смены мама, зашла к бабушке поздороваться – и заголосила. Ванюшка и отец бросились к ней.

Бабушка улыбалась во сне. Отчего же мама кричит?

Отец облегчённо выдохнул, а Ванюшка сказал:

– Мам, не плачь! Она проснётся и домой полетит.

Мама вздрогнула:

– Куда?

– Домой. В деревню, где родилась. И меня с собой возьмёт. Мы на вишне посидим.

Мама глухо зарыдала, прижав к лицу бабушкино полотенце.

– Дурдом, – буркнул отец и вышел из комнаты.

Прошло пять дней. Марина проснулась среди ночи от невнятного бормотания. Встала, прошла в детскую.

Вспотевший Ванюшка барахтался в одеяле, ещё немного – и слетит с кровати.

– Сыночек, что такое? Тихо-тихо, засыпай...

– Чего это он? – замаячил у дверей заспанный Гена.

– Приснилось что-то.

– Говорил, не надо брать на похороны.

Марина не ответила, прилегла рядом с сыном, обняла его.

Утром после завтрака Ванюшка не захотел идти с отцом в гараж и до обеда рисовал в постели.

– Сыночка, сходи погуляй, – попросила Марина, надевая на него чистую рубашку.

– Нет, устал.

– От чего? Спать устал? – улыбнулась Марина.

– Летать.

– Расскажи мне сон.

– Я взаправду летал, с бабой.

– Это трудно – летать?

– Конечно! Но я сильный. Ни разу бабу не отпустил. Если не смотреть вниз, то и не страшно. Только холодно.

– А что бабушка во сне говорила?

– Да не во сне, мама! Ничего не говорила. Смеялась, когда я весь в облаке извивался.

– Извивался?

– Да. Мы разогнались – и прямо в облако как врезались!

– Наверное, оно очень мягкое, – мечтательно произнесла Марина.

– Я возьму тебя с собой. Потом. Когда хорошо научусь.

Марина посмотрела на сына и отчего-то поверила, что и мама летала, и внука научила, и оказывается, это так обыкновенно – летать.

Из гаража пришёл Гена и удивился:

– А чего это вы в постелях днём? Ванька, вставай! Дядя Петя велик отдал. Починишь – твой будет.

– А если летать на велике? – задумался Ванюшка.

– Не надо летать, катайся и соблюдай правила движения.

Ванюшка засмеялся:

– Не, я пока боюсь. А, придумал! Ногами педалить буду, а руками за вас держаться!

– Не понял, ты кататься разучился?

– Да нет, папа! Когда летаешь, надо крепко держаться за руки.

– Это ты чё придумал – с парашютом на велике спрыгнуть?

– И так можно! – согласился Ванюшка.

– Ну ты молодец, парень! Смелый!

– Вместе здорово! Я тебя тоже возьму. Баба увидит, обрадуется.

– Чего? Где увидит?

– На небе. Что мы тоже умеем.

– Тоже?

– Я с бабой один раз всего летал. Невысоко, не бойся.

– Ну и куда же?

– В деревню, где её дом. Мы сидели на дереве и ели вишни. На нас собака лаяла, а мы косточками в неё пулялись.

– Смешной сон... – пробормотал отец.

– Ага! – оживился Ванюшка. – Собака одну косточку проглотила, чихнула и убежала.

– А потом?

– Потом баба меня проводила домой.

– Так, приплыли. Марин! Выйдем!

Марина прошла в спальню, включила утюг. Гена, закрыв дверь, подошёл к жене вплотную и упёр кулаки в мятые рубашки на гладильной доске:

– Ты мне объясни, что за дичь он несёт! Что за небесные встречи? Твоя мать и после смерти внуку голову забивает? Чертовщина какая-то...

– Гена, как ты можешь!

– Говорил тебе! Сдали бы в дурку – и ничего этого не было бы.

– Она не сумасшедшая.

– Конечно! А когда она тебя, любимую дочь, из дома с ребёнком выгоняла, это нормально? В ночь!

– Я сама была виновата.

– В чём? Молчишь? Догадываюсь. Сама с мужиком всю жизнь цапалась и тебя против меня настраивала.

– Гена!

– Что, скажешь, не повёрнутая? И артистка к тому же! Забыла, как она через неделю нашла нас и в ногах валялась: «Простите!» Скажешь, не понимала, что Ванька грудной и ты могла молоко потерять?

– Гена!

– Что «Гена»?

– Прекрати, это моя мать.

– Да по ней дурка плакала, вот она и боялась одна остаться. И ребёнку вечно пустыми фантазиями голову забивала.

– Гена!

– «Гена, Гена», заладила. Пора прекращать этот матриархат. Я из него мужика сделаю!

После ужина Марина в ванной разбирала бельё перед стиркой. Гена за кухонным столом, щурясь от дымка паяльника, подпевал радио и не сразу понял, что показывает ему жена:

– Что это?

- Косточка. Вишнёвая.
- И что?
- Свежая. Ты не понимаешь?
- Нет.
- Ванюшка и вправду летал с бабушкой.
- Бред! – отмахнулся он.
- А как это объяснить?
- Ты вареники с вишней готовила? Готовила. Вот косточка и упала в карман.
- Но он ел не в пижаме! И я покупала вишню без косточек!
- Да ладно! Попалась одна.
- Я проверяла, не было косточек.

Гена встал, налил воды в стакан. Зычно глотнул и, вытирая подбородок, подытожил:

– Любите вы, бабы, мистику разводите. Надо реально на вещи смотреть.

Марина поджала губы и ушла стирать. Потом долго на кухне читала книгу.

Поздно вечером она тихо легла рядом с мужем.

«Обиделась, – решил Гена. – Отдельно укрылась. Глупышка». Придвинулся ближе и обнял жену. «Худышечка моя...»

Вспомнил, как таксовал аккуратно перед тётчиной смертью, в четыре утра поджидал московский поезд. На первом пути стоял почтово-багажный. И в одной бабе, которая еле передвигалась, загружая почту из вагона в тележку, – ещё подумал, пьяная, что ли, – вдруг узнал Марину. Она подозвала начальника смены, сообщила, что не хватает посылки... Тут с пешеходного моста повалил народ, и Гену подрядили: мол, до КСК сколько просишь?

Гена ехал по сонному городу и сквозь зубы матерился.

– Это вы нам? – возмущённо спросила пассажирка.

– Нет, что вы! – извинился Гена.

Всю дорогу туда и обратно, домой, он клял себя. Если бы увидел раньше, то не позволил бы жене работать.

– Марин... Слышь? Не сердись. Завтра отвезу тебя на работу, заявление напишешь на увольнение.

– Да, конечно, – пробормотала она. – Кредит сам себя заплатит.

– Повернись-ка... Чё как неродная! Летом с Ванькой дома посидишь, а там посмотрим.

– Ты что, серьёзно? – Марина повернулась и села в постели.

– Ещё подработку найду – кредит потянем. Дарю тебе отпуск.

– Гляди, какие мы щедрые.

– Да перестань! Думал, обрадуешься...

– Догадываюсь, – усмехнулась Марина. – Мама твоя опять отказалась Ванюшку на каникулы забрать?

Гена вздохнул:

– Сами справимся.

– Как всегда.

Он психанул:

– Завтра не уволишься, как я сказал, – тусуйся дальше на своей почте! – и отвернулся.

Сердце стучало. Могла бы и спасибо сказать. Ещё и мать попрекнула.

«Хотя – всё так. Тёща хоть и чудила, но с Ванькой душа в душу, а мать... Всю жизнь кукушкой прожила. За десять лет не захотеть родного внука увидеть! Не понимаю...»

Обида на мать опять разлилась в груди, даже дышать стало тяжело.

Гена рывком встал, босыми ногами прошлёпал на кухню. Не включая света, открыл бал-

конную дверь и, переступив через порожек на смятый коврик, закурил. Внизу под кустами орали коты. Соседи слева поздно ужинали: гремели тарелки, шумел на плите чайник. Справа – в темноте смотрели юмористическую передачу.

Гена слушал и улыбался. В доме напротив бледными квадратами сушилось бельё, сонно качаясь от ветра. И вспомнилась ему катавасия с ангелом.

«Ой бред! Тёща-ангел! Мэри Поппинс, блин! Ведьма старая... Раздраконила нас – и чё, раскаялась, что ли? Неужели и моя маманька не одумается? А ведь случись чё – не брошу... Так, приплыли. Только с Маринкой из-за неё собачиться не будем!»

Прикрыл дверь, расправил шторы. Попил воды из-под крана. В свете фонаря пытался прочитать название книги, оставленной Мариной на столе.

«Наверняка какая-то заумная. Спрошу завтра».

Тихонько лёг на кровать, и старые пружины предательски скрипнули.

Марина со спины обняла его и шепнула:

– Повернись ко мне! Чё как неродной!..

Давно уже примирение супругов не было таким сладким. Гене снилось, будто он накинул простыню на плечи и летал до балкона напротив и обратно. А утром чертыхнулся на тещу, вспоминая, как от страха высоты дрожали колени.

Галина
РОГАЛЁВА

Галина Ивановна Роголёва – профессиональный журналист. Член Союза писателей России. Живёт в Чите. Работала в региональных газетах, пресс-службе краевого законодательного собрания. Автор пяти сборников стихов и прозы, редактор-составитель книги «Я есть! Геннадий Головатый в воспоминаниях современников».

Бабушкины сказы

*Ты – часть земли, в которой вырос,
и значит – часть её души.*

Геннадий Головатый

Иногда мне кажется, что прошла целая вечность с того дня, как не стало моей любимой бабушки Агнии Ионовны Белокопытовой. Она не дождала до своего девяностолетия один год и восемь месяцев. Много повидала, пережила и перестрадала. С мужем – Андреем Михайловичем Белокопытовым – они были одного года рождения. Оба коренные забайкальцы. В тринадцать лет встретили революцию. В девятнадцать поженились. Участвовали в коллективизации. Родили трёх сыновей и дочь. Вначале 30-х годов прошлого века вместе с детьми были высланы в Красноярский край. В ссылке мой дед, при невыясненных обстоятельствах, умер. Бабушка одна поднимала четверых детей, дождалась от них 14 внуков и 5 правнуков.

До последних дней сохраняла баба Агуша ясный ум, доброе сердце, живой интерес ко всему на свете, оставаясь приветливой и радушной. Незадолго до бабушкиной кончины я записала её немудрёные рассказы о жизни, сохранив речевую лексику, свойственную старожилам Приононья¹. Теперь рука не поднимается редактировать эти записи – от «неправильной» путаной речи веет живым духом моей незабвенной бабушки и тех, кто был с ней рядом от первых до последних дней.

С Приононья наша родова

Родом я с Онона – из Старого Чинданта². И родители оттуда, и бабушки, и деды... Все казачьего роду.

Отец мой большу войну прошёл – японску. Я только родилас в 904 году-то, и он ушёл на эту японску войну. Моряком служил. Потом рассказывал:

– Когда корабль был в окруженьи, мы бутылочки по морю с записками отправляли. Красными вязочками, чтоб приметней было, обматывали бутылочки-то, и нам продукты по ним доставляли...

Папка высоку баночку, как туезочек (туесок – здесь и далее примечания автора), привёз с войны. Он, сказывал, – из

*Белокопытова Агния Ионовна
с внуком Мишей
(03.02.1904 – 03.10.1992).*

*Белокопытов Андрей Михайлович
(1904–1934).*

камышинки японской. С кружку в толщину-то (в объёме). Мама в ней чай хранила³.

Отца звали Ион Иванович Кобылкин – с 1874 года он. Было у него четыре брата – Викентий, Павел, Алексей, а четвёртый, Константин, на германской погиб. Ишшо сестра у них была Анна. Жили все в Старом Чинданте, на горе. Село тогда шибко большо было.

Родители папкины, мои бабушка с дедом, – Александра Павловна и Иван Гаврилович Кобылкины. Дед с 850-го, а бабушка – не помню уж с какой года. Они крестьяне, жили, как все, хозяйством. Скот держали, хлеб рóстили, торговлю вели. У деда большой дом был – под одну крышу с его братом Афанасием, у того тоже пятеро детей: три сына и две дочери – Иван, Фёдор, Василий, Клавдия и Александра. Под такую двойную семью и дом был – высокий, широкий, бревёнчатый, крепкий, – с большим крыльцом под навесом. Крыльцо прямо в улицу выходило.

В праздники со всего села у этого дома и молодые, и стары, и ребятишки собиралис. Вот тогда на крыльце-то у деда шибко браво было. Девки нарядны – в ярких шарфах, парни тоже приходили получше приодеты. Ох, и весело было! Молодёжь в разны игры играла. А у крыльца качели ставили и скакалки – забава така была: на чурку доска укладывалас, на один конец которой прыгали, а с другого подбрасывали друг друга...

Дед умер в 18 году. А бабушка... я ушла замуж в 23 годе – она ишшо жива была. Бабушка была крупна, сильна – в кузнице с дедом работала. Помню, руки у неё таки больши были... Держали они тумэна (верблюда). В Сасучее⁴ лес заготовляли и в Читу сдавали. Оттуда продукты везли: чай, сахар, одёжу – кому пальто, кому костюм... А ишшо мы с хунхузами, так китайцев тогда у нас звали, обмен вели. Оне, уж не знаю какими путями в село попадали, видно, через границу своя калитка была, – так и шмыгали туда-обратно. Вот наши-то и менялис с имя. Оне нам товар разный да чай давали. А мы им – шерсть баранню, шкуры скотски, продукты. Я как-то дома одна оставалас, совсем небольшая ишшо была – лет четырнадцати, по зиме уж было, и трое китайцев к нам забрели. Видно, в Читу шли. Таки голодны, замёрзши! Ну, я им творог, сметану, мяса сушёного за ситец да сарапинку предложила. Дак они таки радостны, уж кланялис-кланялис, ишшо и чаю мне насыпали большой туезок. Меня мама потом шибко хвалила за товар и к паске мне платье, а ребятам рубахи из того ситца сшила.

Дом дедов потом его младшему сыну Алексею достался. В нём горница была просторна отгорожена, светла, много окон. Полы в домах не красились, мы их голиками – старыми венниками с дресвой (речным песком) мыли, или ножами скоблили до желтизны – каждую неделю по субботам, и особо – к праздникам.

У дяди Алексея одна дочь была – Пана (Прасковья), непутёва получилась, хоть и в гимназии в Чите училась, курсы на учительку закончила. В селе говорили, что избаловал её отец, белоручкой вырастил. Ни на что в деревенской жизни негодна была! Да и учительницей не смогла работать, говорили, что с головой у неё не всё в порядке. Так она и осталась неприспособленна кака-то, сына потом родила, и он тоже бестолковый вышел.

А другой брат отца – Викентий – и мамин брат Александр в Пекине служили, карточки (фото) оттуда слали. У Викентия много китайских сувениров было, и он говорил: «Это у меня память оттуда...» Дядю Викентия вся деревня любила, особенно ребяташки, за то, что умел рисовать хорошо, игрушки разны из дерева резал, из глины лепил, а ишшо к паске всяки красивы украшенья делал.

На паску-то готовились ой-е-ёшеньки как! И даже те, которы слабо жили, всё для паски хоромчили (приберегали). Семь недель до паски постничали – молочно и мясо нельзя было ись (есть). А постну еду – всяку разну готовили. Помню, кисель овсяный так варили: в тёплой воде отруби замачивали – это помол из овса, туда накваску (закваску) клали. На накваску-то оставляли от стряпни маленько кислого теста, а то и своих дрожжей добавляли – их из хмеля варили. Ну, калачи, лепёшки стряпать можно было – без жиру только. А когда рыба была, то и пироги с ней пекли. Чай только чёрный – не белёный – без молока и без сахара.

Кто побогаче, тот посытней кормилса. У дяди Викентия тёшша (тёща) умерла постом-то, а семья у ей зажиточна была, дак по́лом (много) закусок было: каши разны, кисели, рыба красна – завозна. Да и своя свежа рыба была – ононска... Чё и говорить, река-то нас шибко спасала!

После поста разговлялись. У нас в Старом Чинданте церкви не было – ходили за 12 километров в Первый Чиндант. Как заутрення начнётся – звон оттудова во все три колокола до нас шёл! Вот тогда все похристосуются ичками (яичками), и можно было всё ись. Столы прямо ломились от еды! Стегно свинно (окорок) в яришну корку пресну запечёно, баранье стегно – тоже из русской печи на листу пеклос. А для красоты к лытке-то бараньей ишшо и разноцветну бумагу лентами привязывали... В центре – больши паски (куличи) в формочках, покрыты глазурью из белка яишного, крашеным пшеном засыпаны; ички крашены в тарелках – горкой выставлялись. А ишшо цветы из теста – розочки всяки и голубки на пружинках – вот они покупны были. В каждой избе до самого родительского дня столы таки праздничны – ну, шибко красивы стояли! Зелень на столе из пророшшенного овса или пшеницы, ёлочки по ней наставлены – будто лес, и животины там ходят – баранчики, собачки, коровки...

Трогать нельзя было украшенья – бабушка ребятам всё говорела: «Боженька камушком-то накажет!»

Вот дядя Викентий перед паской и был нарасхват. Такой мастер! Баранчиков из теста или из масла делал, и других животинок... Барашки у него разны выходили. То будто на травке лежит – кудрявый такой – дядя напёрстком эти кудри как-то вывёртывал, и глазки, и рога у барашка были... Прямо в очередь за этими баранчиками наши деревенски к дяде шли!..

Мой отец женился на Анне Сидоровне Токмаковой⁵. Она из Сасучея, на год младше

отца – с 1875 года была, а умерла в 956-м, дождавши правнуков⁶. Отец же рано умер – на 45-м году – в 20-м. Тиф тогда был. Я первой в семье захворала, зимой. Потом он. А мама летом уже, после смерти отца, по теплу...

Помню, мама лежит, не встаёт, а Шура – сестра моя младша – в зыбке плачет... Я к груди мамкиной её прикладываю, да из мякиша хлебного, чтоб успокоить, соску ей из чистой тряпочки в рот сую. Болели все тяжело – температура высока, и ни больницы, ни лекарств... Но фельшер всё же был. Он как-то увидел у нас байдару (глиняный горшок) на печке с зелёным чаем и сказал, чтобы мы его больше пили. Чай этот плитошный карымским звали. Варили его особо: в специальной латке – мизочке глиняной, их в Икарале – соседней деревне – делали. Масло топлёно в чай клали, солили его и молоком белили. Этот чай ишшо сливанчиком в народе звали, да и счас так же зовут – когда он закипал, то по несколько раз из посуды в посуду его переливали – для того, чтоб вкусней был.

Всех-то нас у родителей шесть живых было да три покойных. Умерли: старше меня Варя и два парнишки младше. Как отца не стало, мне ишшо шестнадцати не было, за мной Митя, не помню с какого он (года)⁷, потом Степан – с 1912-го, Лёва (Леонтий) – с 14-го, Рипа (Рипсинья) – с 16-го, а Шуре и года не было – с 19-го она.

Чем жили? Своё хозяйство вели. Когда ребята подросли, голов пять коров стали держать, да молодняк ишшо к ним. Потники делали: мать их катала из шерсти на юрты бурят, а мы помогали – с шерстью мно-о-го возни... Я ходила полы мыть в люди. Ребята с дядей Викентием землю пахали, боронили, хлеб сеяли, позже – сено косили. У дяди Викентия в ту пору два сына и две дочери маленьки были. Самый младший – Петька родилса уж без меня – я замуж ушла. Все они вместе с отцом на выселенье в тридцаты годы попали, да где-то и осели потом в Кемеровской области. Там же другой брат отца – Павел Иванович с семьёй затерялся.

Икаральски были и небылицы

Недалёко от Старого Чинданта были сёла: Сасучей (Цасучей), Первый Чиндант, Икарал, Кункур, Узь-Борзя (Усть-Борзя). В этих сёлах у многих чиндантских родня жила. И мы, бывало, друг к другу ездили, а то и пешком ходили – до самого дальнего села было 18-20 километров.

В Икарале кроме местных переселенцы жили, их староверами у нас звали – ишшо до революции туда завезли их. Ой, бедны, худо жили эти переселенцы! Парни молоды пошто-то волосья долги носили, и каки-то худы, слабы были. Даже кони у них таки же слабы – всё парами подпрягали. Но так-то старательны в работе. Мыло и дёготь варили, глиняны горшки обжигали. И всё это – посуду глинянну, мыло, дёготь, да ишшо извёстку – нашим продавали. Извёстку с Узь-Борзи из-под утёсу плитами добывали – там залежи её были.

А бабы-то икаральски – огурчики, репochку вырастят и тоже к нам продавать везут. У нас в Чинданте овощи не ростили. Шибко много хлопот с имя, особливо с поливом. Колодцы в стороне от домов были – на лугу, дак чё посадишь, всё хулиганисты ребятишки вырвут. Только табак да капусту на лугу сеяли – их не трогали. Луг большой был, зелёный – ближе к Онону, над яром, там и животину все поили.

В сёлах церкви стояли. Только у нас не было, дак новорождённых ребят в Первом Чинданте крестили, и на именины, на праздники церковны мы туды же ездили...

А в Икарале церковь построила богата старая дева из Сасучея – Арина Николаевна Токмакова. Она нам, может, и родня какая по маме была, не знаю... Денег у неё, говорили, не меряно – баранов грудями (гуртами) держала и шерсти бараньей много сдавала. Буряды (буряты) на неё работали. Церковь, ей построенная, шибко брала вышла! В память отца своего Арина Николаевна, видать, строила – на Миколу зимнего и открывали.

В Икарале только два брата Артамоновых богато жили. Сыновья у них были белые офицеры. Дак вот, если бы не артамоновские братья, то каппельцы⁸ всю деревню в 20-м сожгли бы!

Когда большевики по Онону-то белых погнали, ох, тимнеченьки, сколько народу тогда перетонуло в ледяной воде! – шуга по реке уже шла. Каппельцы из Икаралу, кто на машинах, кто на конях, побежали... Ну и злобствовать стали – всех бы спалили, да артамоновски заступились – народ потом сказывал.

А про Арину Токмакову особый сказ. Дом у неё в Сасучее такой большой да бравый был – на вырезках⁹ весь. Самый видный в деревне! Жила она в нём одна, с прислугой только. И вот ведь чё надумала – гроб себе заказала да в избе поставила! Слух об этом быстро везде разошёлся.

У мамы моей младший брат тогда умер, похоронили его в Сасучее, и меня отправили туда панихиду после похорон 40 дней в церкви служить. Остановилась я у дяди Фёдора¹⁰ – другого маминного брата. Его жена, тётка Гена (Евгения), мне про этот гроб и рассказала. Мол, в зале он стоит, чёрным товаром обшитый, и Арина Николаевна в него, ох, тимнеченьки, перед зеркалом ложится! Любуетца, что ли?! Ну, мы с двоюродной сестрой Зоей, дочкой дяди Фёдора, и решили посмотреть этот гроб. Возле дома Арины Николаевны сосна большая росла – мы по ней забрались и из кухонного окошка гроб этот чёрный увидели. Жуть одна! Чуть с сосны с перепугу не свалились!

У Арины Николаевны ишшо сестра была – Прасковья, тоже богата и одинока. Дак племянник сговорился с её прислугой, чтоб удушить её – из-за золота да из-за денег. А чтоб следы замести, поджог они учинили: будто свечка у Прасковьи ночью упала, и она сама без просыпу от этого сгорела. Но, просчитались! Свечку-то убивцы зажгли, а она возьми да погасни, вот их и разоблачили.

После Гражданской Арину Николаевну арестовали. Вроде за то, что племянников, которые у белых служили, прятала у себя. Народ тогда, напуганный, в разные стороны разбежался. За кордон многие уходили – и буряды, и наши, которые воевали на стороне Семёнова... Он же, атаман Семёнов-то, свой, ононский, – из Куранджи. И у кого покрепче хозяйства были, да кто в казаках ходил, к нему шли, многие не хотели старый уклад на новый порядок менять...

Но Арину Токмакову всё-таки отпустили тогда. А вот дождалась ли она смерти в своём гробу, не знаю.

Я плясать шибко любила

Зимой молодёжь на вечерки ходила. Для этого дом откупали с просторной горницей у стариков или одиноких людей, там и устраивали игры, танцы. Приглашали туда скрипачей для веселья.

В Чинданте только скрипки да балалайки были, под гармошку и плясать-то не умели. А под скрипку четыре пары таки коленца выделывали! То «барыню», то «польского», то

«костолом» – танец так назывался: надо было перевернуться руками с каждым парнем – «кости ломать». В две пары танцевали: «Не шумит», «Подгорну», кадрили, «У ворот». Ишло один танец назывался «Молодчик» – тут двум девкам да парню быстро-быстро вертеться надо было.

Парни-то знали, кого приглашать! Я плясать шибко любила. Но после смерти отца год на вечерки не ходила, а когда пошла, то от «Молодчика» чуть не упала – кругом голова.

Когда же гармонь в деревне появилась, все прямо растерялись – не знали, как под неё плясать – музыку не понимали.

С вечерки девки скорей домой бежали – не ровён час отец с кем скараулит! Но, бывало, и парни провожали, и доставалос от родителей за вольности. Каки вольности? Да и не было их. Разве что на вечерке парню на колени после пляски сгоряча усядешься... Ну, порой самы смелы на палаты у печки забиралис... Это бывало, чё греха таить.

Парни невест не только на вечерках выбирали. И с других деревень наведывалис к нам сватать. Вот как это было. Раз просватали девушку в соседню Узь-Борзю за Колю Истомина. Сватов отец её скрипкой встретил. Стол в доме накрыли. Как положено, все условия обговорили за тем столом.

А потом вечерка была, мы свою подружку песней провожали:

Растёт, цветёт черёмушка
во зелёном во саду.
Не так тонка, как высока.
– К чему рано распушилася?
– Не сама я собой распушилася –
размочили часты дождички,
распушили ветры буйны.
Не сама собой я замуж-то иду –
отдают-то меня тётушки да дядюшки,
отдают-то папка с мамкою
на чужу сторонушку.
Как же буду в чужом доме
я хозяйничать?..

В двадцаты годы ишло в церквах венчали, свадьбы весёлы гуляли, а потом стали молодых в сельсоветах расписавать.

В считаны дни нас повенчали

А с замужеством моим цела история. В 23-м году по зиме позвали меня в Верхний Сасучей¹¹ к дяде Фёдору погостить. Мол, пока в девках, навести родных, а то потом не до нас будет. Я к тому времени уже просватана была. Но не хотела за этого жениха выходить. Хоть и зажиточный был, а душа не лежала к нему.

Перед поездкой сон мне приснилса, будто я на большой реке бельё полошшу, а парень какой-то коней пригнал поить. Запомнила я, что он в рубахе клетчатой... И вот в Сасучее-то наяву уже встретила этого парня на Ононе – коней на прорубь пригнал. И рубаха у него

така же клетчата! Звали его Андрей Белокопытов. Приглянулись мы, видать, сразу друг другу. Андрей жил от дяди неподалёку и стал к нам наведываться. Так в считаны дни от дяди из-за стола и увезли меня венчаться. В феврале это было.

Чиндантский жених долго потом мою родню, да и меня, попрекал за то, что обманула его. Он-де быков уж зарезал к свадьбе... Дак я же его не просила об этом! А уж в шестидесяты годы я в поезде ехала от Коли моего (старшего сына) из Читы, и с девчонкой в одном купе оказались за столиком. Когда разговорились, оказалось, что она внучка тово моего жениха. Он где-то в Дарасуне теперь живёт. Ну, я попросила передать, чтоб не обижалса на меня за быков-то зарезанных!

У свёкра моего Михаила Ивановича Белокопытова было два брата, и все они дружно жили рядом на три дома. Свекровь звали Ефросинья Ивановна. Накануне её дня рождения – в июле 29-го года – родилас у меня дочь, ваша мамка, вот и назвали её Франя (Ефросинья)¹².

Семья свёкра шибко больша была. Я замуж-то вышла за их старшего сына – нам с Андреем по 19 лет обоим было, а после него ишшо были Василий, Фрол, Иван, Алексей и Дуня. Тут-то я и пожалела, что маму с маленькими сёстрами бросила. Шибко тяжело пришлось, работы женской по дому много, и вся на нас со свекровью лежала. Дуня-то ишшо маленька была¹³.

Жила семья хлебом – много его сеяли. Дом был с пристройкой к маленькому домишку. С тёплым коридором и горницей. В коридор четыре двери выходило: из спальни, кухни и на улицу. Во дворе – глубокий колодец. До восьми коров держали – на таку семью в самый раз, не бедствовали.

В гражданску родители свёкра потеряли двух сыновей – один погиб, другой за границу ушёл.

В 25 году родилса у меня сынок, в девять месяцев уже ходить начал – и умер от поноса, сильно мучилса, до сих пор помню... В 27-м второй сын появился – Коля¹⁴. А в 29-м коммуна начала образовываться, все в неё зашли. Всю скотину туда увели. Но с коммуной ничё не вышло, и она через год уже распалас. Сразу весь скот выпустили из общего загона. Коровы к своим дворам кинулис... Бегут по улице, мычат, орут лихоматом...

*Белокопытов Андрей Михайлович
(1-й слева – стоит)*

*Кобылкин Ион Иванович (1887–1920),
бабушкин отец. Стоит первый справа.*

Коля, маленький, в синем озямчике (пальтишке) возле заплота стоял и всё приговаривал: «Мама, это наша коровка, наша коровка?» А я плачу, да повторяю: «Наша, сынок, наша...»

И, видно, виноватых начали искать из-за того, что с коммуной так вышло. В том же тридцатом году забрали свёкра, вроде как из-за брата, который с семёновцами ушёл за кордон. Двое за ним пришли. А он только спать лёг... Франю поцеловал в зыбке. Я его подбежала – поцеловала...

Дома больше никого и не было, одна я с детьми. Андрей мой с Фролом хлеб сдавали. Ишшо кто-то из ребят с матерью на заимке были. На заимках-то всё лето скот держали. Несколько семей селились рядом возле воды. Наши – на речке Самовке – притоке Онона. Жили в землянках. Землянки больши делали, печки в них были, сепараторы. Для скота дворы хороши городили. Один раз в день кто-нибудь домой ездил, молоко увозил, сметану. Мы любили заимку. В свободное время оттуда за речку ходили – черёмку (черёмуху) брать...

Ну, попал свёкор под Владивосток. Там вскоре и умер, сердце у него слабо было. Успели одну только весточку получить, да посылку ему отправить. Но застала ли она Михаила Ивановича в живых, неведомо. Из наших, сасучейских, Дмитрий Иванович Савватеев и старший брат свёкра Василий Иванович, да ишшо кто-то с ним были. Их потом отпустили, все обратно приехали и до новой высылки дома жили. Только мы отца своего и деда не увидели больше и, где похоронен, не знаем¹⁵.

Со свёкroва ареста и начались наши мытарства: всю семью потихоньку раскидали по белу свету каки-то непонятны моему уму силы.

Хлебнула горького до слёз

После коммуны стали образовывать колхоз. Свекровь от обиды за арестованного мужа вступать туда не стала, а сыновья со всем скарбом своим вступили. Матери только корову оставили. К тому времени Дуня уже замужем была за Семёном Мирсановым¹⁶, трое детей у них было. Семён – человек уважаемый – завхозом в колхозе. И... первым попал под выселенье! Когда началось раскулачиванье, он ездил по сёлам – хлеб скупал на семена для хозяйства. Дак Дуне даже не дали дожидаться мужа, забрали с детьми на высылку без него. За что забрали, никто не понял. Жили они в небольшом домишке, без большого достатка, и животины немного. В своё время отец Семёна – Елизар Мирсанов¹⁷ разделил, что имел, на всех детей – было у него два сына и три дочери – каждому понемногу. Вот теперь все три сестры Семёна прибежали к растерявшейся Дуне. Старша – в дверях – оттолкнула районного уполномоченного, зашла в дом, стала ребятишек оболакать (одевать). Дуня с перепугу не знала, что и брать с собой... Узелки с одеждой да кое-какой посудой собрали, а сундуки не разрешили взять.

Дело было вечером. Мы даже не знали, что тако началос. А забрали тогда не только нашу Дуню. Несколько семей увезли в Оловянну – на станцию. Оттуда отправили товарняком до Енисея...

Семёна взяли, когда вернулса с сельским зерном. Сопроводили его мимо наших дворов к общему амбару – зерно сдать, и даже чай попить к сёстрам не пустили. Увезли в Нижний Сасучей. В доме за высоким заплотом (забором) держали, пока набирали других на эту ссылку. Туда за ним сёстры его да свекровь моя Ефросинья Михайловна, Семёну-то

она тѣшшей была, поехали. Через заплот еду на дорогу передали, и через заплот, с табуретки, поговорели на прощанья.

После, когда мы с Дуней, через годы, встретились, она рассказала, как привезли их на Енисей. Высадили на пустом берегу в стороне от какой-то деревни поджидать пароход, а пока – на кладбище жили – в землянках самодельных. Дети маленькие совсем: Мише – 5 лет, Данилке – 3 года, а последний – грудной ишшо – заболел, тут и умер. И сама Дуня сильно заболела, простыла, видать. Пришлось в деревню с кладбища идти – в амбулаторию.

Там, на окраине деревни, дед какой-то пожалел её, не побоялся в дом пустить да чаем напоить, а потом обратно на кладбище на повозке отвѣз, ишшо и самовар ей отдал. Дуня до конца дней своих поминала этого деда добрым словом. Да и как не поминать, в таку-то лихомань человек человеком остался!

Пришѣл пароход и увѣз всех в Туруханский район. Здесь через како-то время догнал свою семью Семѣн. На поселении зажили они неплохо: хозяйством обзавелись, корова даже была. От реки рыбы полно имели. Для наших – ононских – это больша удача была, что к реке попали.

Но в 37-м Семѣна опять забрали, и уже навсегда. Вестей никаких не было. Поняли: сгинул совсем. С 893 года он был. Дуня долго его ждала, после 56-го года искала, но так и остался без вести пропавшим.

В 33 году осенью начали выселять и нас. Я на молотилке была, жили на току. И как-то вечером приехал туда Андрей¹⁸ и сказал: «Завтра – домой, нас выселяют». За что, никто и не объяснял. Вроде как в разрядку попали: сѣдни одних, завтра – других... На этот раз ишшо и стариков Измайловых выселили. Якобы сын их сбежал за границу в гражданску. Вроде и нас за это же – брат свѣкра ушѣл в 20-х за кордон.

На этот раз нам дали одиннадцать суток на сборы. Ну, мы дом продали за Онон – бурядам (бурятам). Мебель хороша была: две конопели, два стола – на кухне – большой, добротный, и в горнице – ножки точѣны. За стол этот свекровь плотнику когда-то, до меня ишшо, овчины выделывала на шубу. Кровать деревянна, тоже с точѣными ножками в горнице была, и проста – на кухне стояла, шкаф небольшой... Всѣ это те же буряды купили. Богаты, видать были, таки разряжены приехали... Их потом тоже выселили. Буряды и перевезли наши монатки (вещи) на двух подводах в Оловянну.

Взяли мы с собой постели, ушат, вѣдра, посудѣнку... Около вокзала сгрузились, Андрей с братьями пошли хлопотать вагон – выкупили теплушку. Так вот выселяли-то – за свой щѣт. Други семьи тоже, как могли, добирались – и до Оловянной, и дальше.

Всего выселили тогда больше десяти семей, считай, полколхоза. Рабочих рук-то ушло сколько! Только у нас три мужика с жѣнами, у дяди Фѣдора – маминова брата – два парня Токмаковых, да и у других семьи немалы были. Ну, мы – все родственники – четыре семьи, в одну теплушку загрузились и поехали, всѣ туда же – в Красноярск. Точней – на станцию Енисей, это в нескольких километрах от города. Мужики устроились работать на лесопильный завод. Андрей пошѣл на стройку. Там и поселили нас в бараке. Потихоньку начали обживаться.

Приехали осенью, а в 34-м – в конце января – я родила Афоню. Четвѣртый ребѣнок в семье прибавился. Все мал мала меньше. Старшему Коле – ишшо семи нет, Фране – четыре, Гене – два. Но старались жить как люди. Огород посадили. Капуста така брва пошла, прямо пѣрла! Видать, к несчастью – примета така есь...

Летом прихватил Андрея острый живот. Врачи определили язву и... зарезали его. Осталась я с детьми в чужом краю одна-оденѣшенька. Братья-то Андрея – Иван и Алексей – ишшо весной решили с матерью домой возвращаться. С опаской, со страхом, но

люди с выселок всё-таки бежали. Наши-то сначала на станции Клюквенной остановились – за Иркутском, а потом ближе к дому перебрались – за Байкал – в село Линёво Озеро, оно в стороне от железной дороги, недалеко от станции Хилок. Каки-то знакомы или дальняя родня их туда поманили. Место укромно, можно было на како-то время скрытца.

Написала я им (люди помогли, я-то грамоте не училась) про смерть Андрея, и в сентябре Алексей за нами приехал. Нужда меня заставила половину детей – Франю с Геней – у свекрови с Алексеем (он ишшо холостой был) в Линёво оставить. А я со старшим Колей да младшим Афоней поехала домой – в Чиндант, там сёстры, мама, братья оставались.

Вернулася в отцов дом, а меня гонят оттуда – разрешенья на возвращенье-то у нас нет! Как закрепиться? Начала паспорт хлопотать. Мы же из колхоза выселены, а там тогда паспортов не давали. Со всех сторон бесправны! Маяты сколько – куда ни ткнус, предлагают возвращаться обратно в 24 часа. Дважды за справками в Сасучей съездила, потом в райцентр – Оловянну, везде один ответ: возвращайся! Я – к прокурору – он то же говорит... Добры люди посоветовали в НКВД пойти. Ну, я со старшим братом Степаном туда – со всеми бумагами, каки удалос собрать – с работы Андреевой, справка на выселенье, похоронка на мужа... Подала весь узел начальнику. Сама в слезах, с Афоней на руках, в сердцах говорю: «Что ж теперь с четырьмя детьми под поезд ложиться?»

Афоня плачет – грудь просит, вышла в коридор покормить его. Через некоторое время позвали опять в кабинет. Дали бумагу, штоб за паспортом в милицию обрашчалас. Отнесла я туда эту справку, а брат тербит: «Ну што, дали тебе паспорт?» Мотаю головой: нет. А он:

– Дак ведь Дробышев (председатель колхоза им. Сталина в Чинданте) опять попрёт!

Снова в НКВД пошла, а там: «Езжай, – говорят, – будет тебе документ, будет...»

Вернули в Чиндант. До марта стирала бельё военным, часть их возле села стояла. А потом пришёл паспорт. Вступила в колхоз. До войны работала дояркой. Молочно-товарна ферма наша в стороне от Чинданта была – километров пять, мы там, доярки, и жили. А ребята с мамой – в селе. Им же учиться надо было. Но ко мне часто навещали. На ферме-то я маленько в себя пришла. Работа, наверно, помогала, и подружки появились – таки же женщины со своими нуждами да бедами.

А в 37-м началас нова волна репрессий. Сначала брата Митю – в декабре взяли, он уже отделился от нас, женатый был. Таисья его с маленькой дочкой осталас, котора отца и не помнит – года Маше ишшо не было. Так он и пропал без вести. А летом 38-го забрали младшего брата Лёву¹⁹. Ему тогда маленько больше двадцати было. Какой он враг, если в четырнадцатом году только родился? Был комсомольцем, трактористом, и прямо с поля увезли. Весь срок на Колыме отмотал. После рассказал, когда через 20 лет вернулся, как из его признанья выколачивали. Руку перебили. Он и подписал все бумаги, штоб совсем не искалечили. А старшего – Степана²⁰ – на фронт забрали в первые же дни войны. Он был командиром «Катюши», до Берлина дошёл. Оглух от этих «Катюш», но целым вернулся...

Так вот, не успели мы от выселок отойти, как нова беда свалилас на всех. В войну нам всяко пришлось перебиваться. Чуть с голоду не померли. Едва выжили, хоть и далёко от фронта были. Но об этом пусть уж вам родители расскажут. Мои дети.

Примечания:

¹ Приононье – местность, прилегающая к р. Онон – притоку р. Шилки (бассейн Амура). Здесь и далее (в том числе в скобках) примечания автора.

² Старый Чиндант – казачье село в Забайкальском крае. Основано предположительно в 1761 году, называлось «крепостью». Слово «чиндант» переводится с бурятского как «каменные могилы» или «место, где захоронен шаман»; есть и другие версии перевода – чиндант – от бур. шандаган – заяц.

³ Из всех старинных редкостей, какие долгое время существовали в нашем доме, остались от бабушки лишь две иконы да эта вот «камышинка». На самом деле, это скорее выдолбленный из бамбука (а может, и из очень крупного камыша) средней высоты – сантиметров тридцать и около двенадцати в диаметре, тёмный, отполированный временем сосуд (или банка для хранения сыпучих продуктов). К сожалению, крышка от него потерялась, и мы с дочкой храним эту уже ни на что негодную вещь как реликвию семьи.

⁴ Сасучей – местное произношение. Полное название: Нижний Цасучей – соседнее с Чиндантом село. До 1926 года село было центром Цасучейской волости Борзинского уезда, с 1926 года волость вошла в состав Оловянинского района. С 1966 года поныне с. Нижний Цасучей – центр Ононского района Забайкальского края.

⁵ В Забайкальском краевом архиве сохранились метрические книги Чиндантской Георгиевской церкви, по которым я установила, что отцу моей прабабушки, Анны Сидоровны Токмаковой, при крещении было дано имя Исидор. Там же, в метрической книге, о родившихся в 1875 году (№ 5799) записано: «9/14 февраля родилась Анна у казака Цасучейского караула Исидора Дмитриева Токмакова и Марии Павловой. Крёстная – казачья дочь Марина Николаева Токмакова».

⁶ Я была старшей из правнуков и немного помню эту худенькую, маленькую, сутулую старушку в длинной тёмной юбке и ситцевой кофте в мелкий цветочек; на плохо сохранившейся фотографии Анна Сидоровна уже в почтенном возрасте стоит на фоне стёганого одеяла.

⁷ Кобылкин Дмитрий Ионович – род. 1908 – Старый Чиндант Акшинского уезда Забайкальской обл., арестован 29.12.1937 г. Приговорён 31.12.1937 г. тройкой УНКВД по Читинской обл. по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР к 10 годам лиш. свободы, реабилитирован 11.12.1959 г. Читинским областным судом // Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье, том III, с. 290.

⁸ Капельцы – каппелевцы – Капель Владимир Оскарович (16[28] апреля 1883 – 26 января 1920) – русский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей Белого движения на Востоке России. После его гибели под Иркутском некоторая часть уцелевших, но уже выдохнувшихся каппелевцев прибыла в Забайкалье в 1920 году, и здесь, по сути, закончили они свой боевой путь. Примечательно, что своего уже умершего командира войска не оставили, а, сохраняя ему верность, везли с собой до самой Читы, где прах генерала был первоначально предан земле, а после перезахоронен в Харбине. Весной 2005 года в кафедральном соборе Читы установлен киот святому равноапостольному кн. Владимиру – небесному покровителю Вл. Капеля, посвятившему жизнь Отечеству. 13 января 2007 года останки генерала перезахоронены на кладбище Донского монастыря в Москве.

⁹ В забайкальских сёлах по сей день можно встретить старинные дома, украшенные тонкой узорчатой пропиленной резьбой – «вырезкой». Такой красивый дом, стены которого были сплошь покрыты деревянной резьбой, мне посчастливилось видеть в 60-е годы прошлого века в селе Верхний Цасучей, возможно, он и принадлежал А. Н. Токмаковой. К сожалению, в конце прошлого века не спасли его от пожара.

¹⁰ Фёдор Сидорович Токмаков проживал до конца своих дней в с. Верхний Цасучей. По словам моей мамы Е. А. Рогалёвой (Белокопытовой), он был инвалид – из-за проблем с ногами передвигался по дому с помощью табуретки.

¹¹ Село Цасучей по сей день разделено условно на Нижний Цасучей и Верхний Цасучей, расстояние между ними в наше время существенно сократилось, они почти слились воедино.

¹² Ефросинья Андреевна Белокопытова – в замужестве Роголёва (07.07.1929–24.02. 2017).

¹³ Бабушку уже подводила память, и некоторые сведения в её рассказах не совпадают с установленными мною по архивным документам. По мемориальным спискам репрессированных, Дуня родилась в 1900 году. Скорее всего, она уже была замужем к тому времени, о котором идёт речь, и отделилась от семьи. Вот почему вся женская работа лежала на свекрови с невесткой – моей бабушкой.

¹⁴ Николай Андреевич Белокопытов (1927–2004) – участник Великой Отечественной войны (Восточный фронт), был призван в армию в конце 1944 года, демобилизован в 1955 году в звании младшего лейтенанта, закончил советскую партийную школу, до пенсии был на партийной работе.

¹⁵ Арест свёкра с его братьями был – по документам – немного раньше: «19 ноября 1929 года арестованы в с. Цасучей Акшинского уезда Забайкальской области братья: Белокопытов Михаил Иванович – 1872 г. р., крестьянин-единоличник, Белокопытов Павел Иванович – 1884 г. р. – участковый фельдшер-ветеринар. Оба приговорены 30.03.1930 г. тройкой ПП ОГПУ по ДВК по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы; Белокопытов Василий Иванович 1866 г. р. – крестьянин-единоличник – приговорён к 1 году принудительных работ. Все трое реабилитированы 14.12.1989 г. прокуратурой Читинской области» (Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье, 7 том).

¹⁶ Мирсанов Семён Елизарович – 1893 г. р., с. Цасучей. Постановлением тройки ОГПУ (1931) находился на спецпоселении в Красноярском крае. Реабилитирован 14.09.1993 г. Жена Евдокия Михайловна – 1900 г. р, дети: Павел, Михаил – 1929 г. р., Елизар – 1930 г. р.

¹⁷ Отец Семёна – Мирсанов Елизар Фёдорович – 1870 г. р., житель ст. Адриановка, работал в «Сельхозкирпич», сапожник, арестован 31.09.1937 г., приговорён 04.10.1937 г. тройкой УНКВД Читинской обл. по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР к ВМН, приговор исполнен 12.10.1937 г. Реабилитирован 03.12.1958 г. Читинским областным судом.

¹⁸ Белокопытов Андрей Михайлович. Род. в 1904 г. в с. Верхний Цасучей. Высел. в 1933 г. Реаб. 15 января 1997 г. Жена Агния Ионовна – 1904, дети: Николай – 1927, Ефросинья – 1929, Геннадий – 1931 // Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье, том I.

Однако в Книге памяти допущена ошибка: в справках УВД Читинской области от 15.01.1997 г. № 9/6-128 о реабилитации Белокопытова А. М., Белокопытовой А. И. и их детей факт реабилитации обозначен 27 декабря 1996 г.

¹⁹ Кобылкин Леонтий Ионович. Родился в 1914 г., с. Старый Чиндант Оловянинского р-на Читинской обл. Член ВЛКСМ. Работал в колхозе им. Сталина. Арестован 30 июня 1938 г. Приговорён 21 июля 1938 г. тройкой УНКВД по Читинской обл. по ст. 58-1а, 58-11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Холост. Реабилитирован 7 июля 1990 г. прокуратурой Читинской обл. // Книга памяти, том III.

²⁰ Кобылкин Степан Ионович (11.06.1911–26.03.1999). Участник Великой Отечественной войны, прошёл боевой путь от Сталинграда до Берлина, награждён медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», орденом Отечественной войны II степени.

Сергей
ЗАБЕЛИН

Сергей Николаевич Забелин – редактор литературно-художественного журнала «Слово Забайкалья». Член Союза журналистов России с 1981 г. Лауреат ряда всероссийских и региональных премий (1989, 2001, 2007, 2008 гг.). Лауреат премии Забайкальского края за заслуги в профессиональной деятельности в 2009 г. Заслуженный работник культуры Читинской области с 2005 г.

Александр Вертинский и Михаил Брохес

Маэстро и его напарник

Около четырёх тысяч концертов за 14 лет дал легендарный певец в дуэте с пианистом-виртуозом. Их знакомство и творческое сотрудничество началось в Чите.

*И в хаосе этого страшного мира,
Под бешеный вихрь огня,
Проносится огромный, истрёпанный том Шекспира
И только маленький томик – меня...*

Александр Вертинский

Первый концерт на родине

«Двадцать лет я живу без Родины. Эмиграция – большое и тяжёлое наказание. Но всякому наказанию есть предел. Даже бессрочную каторгу иногда сокращают за скромное поведение и раскаяние. Под конец эта каторга становится невыносимой. Жить вдали от Родины теперь, когда она обливается кровью, и быть бессильным ей помочь – самое ужасное».

Из письма Александра Вертинского народному комиссару иностранных дел Советского Союза Вячеславу Молотову (Шанхай, 7 марта 1943 года)

Моя мама родилась в Чите и прожила здесь всю свою долгую жизнь – 96 лет. Ей было что вспомнить! Эти воспоминания она привела в своей книге «Жить надо талантливо». Одна из её глав посвящена первому концерту, который кумир эстрады первой половины XX века Александр Николаевич Вертинский дал на Родине, вернувшись после 23-летней эмиграции. Это произошло в ноябре 1943 года в столице Забайкалья.

В книге режиссёра Эльдара Рязанова «Первая встреча – последняя встреча» есть глава «Кочевая звезда Вертинского». «Имя Александра Вертинского когда-то до революции и потом, вскоре после Отечественной войны, гремело в нашей стране; сейчас оно, к сожалению, подзабыто, – писал Эльдар Александрович. – Уже народилось несколько поколений, которые смутно представляют себе, кем же, собственно говоря, был этот самый Вертинский. Знают, что он вроде

что-то пел. А ведь это был уникальный человек, прародитель того жанра, где блистали Александр Галич, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий».

К некоторым деталям биографии Вертинского мы ещё вернёмся, хотя они многократно описаны в различных публикациях. А пока приведём отрывок из книги моей мамы. Во время Великой Отечественной войны она окончила среднюю школу и работала помощником режиссёра в Читинском областном драматическом театре, где состоялся первый концерт Вертинского.

«За кулисами только и было разговоров: «Вертинский приехал! Приехал Александр Вертинский с семьёй! Завтра будет выступать в нашем театре!»

И ещё я узнала, что его постоянному аккомпаниатору не разрешили приехать в Советский Союз и теперь ждут пианиста из Москвы. Назначена репетиция. Утром я примчалась в театр. Но меня ждало разочарование. Александр Николаевич распорядился, чтобы все двери в зрительный зал были закрыты, и чтобы ни один человек не присутствовал на репетиции. Мелькнула мысль: а вдруг забыли закрыть балконные двери. Я помчалась наверх. Так и есть! Дверь оказалась открытой. Потихонечку села на стул и стала ждать, когда начнётся репетиция. Вот на сцену вынесли большое кресло, положили на него плед. Время шло, а Вертинский не показывался. Наконец, появился и он. Но что это? Я увидела старого, уставшего человека. Голова опущена, его знаменитые руки-птицы повисли, как плети. Вертинский тяжело опустился в кресло, закрыл ноги пледом. И снова длительная пауза. Пианист поднял крышку рояля. Раздались звуки знакомой мелодии. Александр Николаевич несколько приободрился и начал что-то тихо напевать. Этот шёпот продолжался долго, до конца репетиции...

Я даже растерялась, а ещё больше – расстроилась. Все билеты проданы, в театре переполнено. А какое же удовольствие получат зрители от такого исполнения? Кое-как дождалась вечера и поспешила на концерт. В зале яблоку упасть негде... Волнение в зале улеглось, погас свет. На сцену вышел конферансье. Его слова «Александр Вертинский!» потонули в шквале аплодисментов. Я со страхом ждала, что же будет дальше. И... о, чудо! Передо мной был совсем другой человек, не похожий на того, которого я видела утром. Распрямившийся, подтянутый, во фраке с бабочкой, он выглядел неподражаемо элегантно. Вертинский дождался, пока стихнут аплодисменты, и обратился к сидящим в зале. Это была исповедь, крик души. Он говорил о горести эмигрантских скитаний, о неутраченной тоске по Родине и о великом счастье вновь ходить по родной земле. Зал слушал, затаив дыхание, у многих в глазах были слёзы.

Вертинский пел свои лучшие и любимые песни. Им не было конца: «Ваши пальцы», «Синеглазочка», «В синем и далёком океане», «Сероглазый король», «В степи молдавской», «Жёлтый ангел», «Мадам, уже падают листья...». И всё было так прекрасно, так артистично. Вертинский был в ударе: ведь он пел для своих почитателей-соотечественников».

Воспоминания мамы напомнили мне впечатление, которое в те же годы произвело выступление Вертинского на Эммануила Борисовича Краснянского, который во время Великой Отечественной войны был режиссёром Московского театра сатиры: *«На эстраду вышел высокий, худой, очень немолодой человек. Изысканно сшитый фрак, сияющий белозной, крахмальная сорочка и воротник, перстни на пальцах, редкие волосы, оскал, обнаруживающий поразительно, неправдоподобно сохранившиеся зубы... Всё было чуждым, не напоминавшим раннего Вертинского. Облик артиста будто был в непримиримом противоречии с его музыкой, репертуаром, исполнительской манерой. Так казалось. Но вот он исполнил первые, нет, уже не ариэтки, скорее, музыкальные новеллы. С его лица исчез смутивший нас отпечаток лет или мы перестали его замечать. Впрочем, это одно и то же. Перед нами стоял большой артист своего жанра...»*

Читинские контакты

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без неё обходится».

Из романа Ивана Тургенева «Рудин» (1855 год)

Эти слова Вертинский привёл в качестве эпитафии к написанным им воспоминаниям о своей жизни. К сожалению, его мемуары не охватили момента возвращения на Родину и первого после эмиграции концерта, который состоялся на сцене читинского Мариинского театра.

Моя мама, конечно, не была представлена великому певцу в силу своего юного возраста (ей было 18 лет – на два года младше второй жены Вертинского) и не слишком заметной для широкой публики должности помощника режиссёра. Но по долгу службы она ежедневно общалась с руководителями театра, а уж они на положении хозяев сценической площадки общались и с самим Вертинским во время его пребывания в Чите.

Главным режиссёром Читинского областного драмтеатра в годы войны служил Владимир Владимирович Истомин-Кастровский (1900–1979). Уроженец Астрахани, актёр в третьем поколении (артистами были его дед, отец и мать). Впервые он вышел на сцену одиннадцатилетним пацаном в Псковском летнем театре вместе с будущим народным артистом СССР – знаменитым Михаилом Тархановым. Во время Гражданской войны 20-летним юношей руководил красноармейским театром, затем работал на Украине и в Белоруссии, являлся художественным руководителем драматических театров в Туле и Тюмени.

Как рассказывала актриса 30-х годов из Тюмени Людмила Петровна Сластина, в своё время ей довелось сыграть главную роль в спектакле, который *«ставил тюменский режиссёр Владимир Владимирович Истомин-Кастровский – чудесный был человек, талантливый, умница. Он съездил в то место, где убили Павлика Морозова, и написал пьесу «Павлик Морозов».*

Военное лихолетье занесло режиссёра в Читу. По словам моей мамы, работавшей с ним, был он *«человеком огромного запаса энергии и постоянного творческого полёта. Зрители любили его не только как создателя очень интересных спектаклей, но и как актёра. В сезон 1942–1943 годов нашумевшим был поставленный Истоминим-Кастровским глубоко патриотический спектакль «Олеко Дундич».*

Как многим представителям кочевой артистической профессии, Владимиру Владимировичу после войны довелось поработать в разных городах, в том числе режиссёром Курганского и Псковского театров, и завершить свою жизнь в Ленинграде.

Другой человек из театрального руководства, общавшийся с Вертинским, – Сергей Иванович Пономарёв (1913–1989). Он приехал в Читу в 1939 году в составе труппы Куйбышевского драматического театра имени 20-летия ВЛКСМ, которая стала основой Читинского театра. Как писала моя мама, он *«не отличался ни красотой, ни осанкой, словом, внешность у него была далеко не актёрская. Но, как говорится, он был чертовски мил. Лицо украшали очень живые умные глаза с хитринкой и обаятельная улыбка. Если к этому добавить талант, яркие, запоминающиеся роли, то станет понятным, почему скоро вокруг него образовался широкий круг поклонниц и поклонников. Пономарёв стал любимцем читинской публики».*

«Когда наш драматический театр внезапно покинул директор, вся труппа единодушно назвала его преемником Сергея Ивановича Пономарёва, – продолжала мама. – И не ошиблись. Он оказался отличным руководителем, настоящим хозяином такого сложного механизма, как театр... Сергей Иванович успешно совмещал директорство с работой актёра. Учил роли, репетировал, играл спектакли, договаривался о гастролях, о транспорте, делал всё возможное и невозможное, чтобы большой театральной семье жилось полегче. И никто не видел Пономарёва уставшим, раздражённым, унывающим, с потухшими глазами. Он был душой коллектива».

Через год после войны Пономарёв уехал в Омск, играл в местном драмтеатре, где получил звание «Заслуженный артист РСФСР», а затем перебрался на свою родину в город Куйбышев (ныне Самара), где стал народным артистом РСФСР.

Спустя многие годы мама получила из Куйбышева письмо от Пономарёва. Он живо интересовался делами Читинского театра и общих знакомых, приглашал в гости. *«Я была очень рада этому письму. Ведь в нём была моя молодость. У нас завязалась переписка, которая продолжалась до конца жизни Сергея Ивановича Пономарёва»*, – так завершила мама главу своей книги, посвящённую этому человеку.

Художники аккомпанемента

«В самом этом слове (от французского ассотрагнер – сопровождать) отражена специфика профессии. «Сопровождение» подразумевает ритмическую и гармоническую основу солирующему инструменту или голосу. Но недостаточно формально справиться с такой непростой задачей! Необходимо достичь художественного единения с солистом в понимании содержания исполняемого произведения».

Из книги известного британского пианиста, концертмейстера, почётного члена Королевской музыкальной академии Джеральда Мура
«Пианист – аккомпаниатор»

Но вернёмся к первому концерту, данному Вертинским после эмиграции. Как выше было сказано, его постоянный аккомпаниатор не получил разрешения приехать в Советский Союз. Между тем роль аккомпаниатора очень велика, хотя окружающим не всегда понятна значимость и сложность этой профессии. Такого музыканта можно – пусть и с некоторой натяжкой – назвать напарником певца, ведь напарник – тот, кто делает что-либо в паре, вдвоём с кем-нибудь. Если совместная творческая работа происходит достаточно долго, то напарник прекрасно понимает своеобразие дара солиста и следует за певцом с безукоризненной точностью. А тот привыкает, что партнёр чутко отзывается на все модуляции его голоса, и они становятся своего рода музыкальными сиаемскими близнецами.

...Вертинский с семьёй выехал из Шанхая 4 октября 1943 года. За день до отъезда, в воскресенье, 3 октября, в девять часов вечера, он дал свой последний концерт в Клубе граждан СССР в Шанхае. Думается, всемирно известный исполнитель отдавал себе отчёт, что ему вряд ли когда-нибудь ещё удастся выступить в Китае. Поэтому для музыкального сопровождения он, конечно, пригласил далеко не случайных людей.

Кто же они? Посмотрим на афишу этого концерта: «У рояля Григорий Зингер и Георгий Ротт».

Григорий Соломонович Зингер (1913–2003) был одним из самых популярных пианистов Китая. Родился он в Харбине. Уроки музыки брал у Веры Исаевны Диллон, которая с отличием окончила Лейпцигскую консерваторию; у бывшего директора Екатеринбургского музыкального училища Бориса Матвеевича Лазарева, который, кстати, во времена Дальневосточной республики был педагогом Народной консерватории в Чите; у итальянского пианиста и дирижёра Марио Пачи, сыгравшего важную роль в создании классической европейской музыки в Китае.

Григорий Зингер был солистом Шанхайского симфонического оркестра, пианистом и дирижёром фабрики грамзаписи «Патэ» в Шанхае, а в интересующий нас период руководил музыкальным отделом радиостанции ТАСС «Голос Родины» в Шанхае.

Ещё более колоритной фигурой был Георгий Яковлевич Ротт (1903–1985), которого в Шанхае прозвали «Жорж великолепный». Младший из восемнадцати (!) детей промышленника из Благовещенска, эмигрировавшего в Харбин, выпускник медицинского колледжа в английской миссии в Шанхае, обучившийся игре на фортепиано сначала в Харбине у бывших профессоров Московской и Петербургской консерваторий, потом в консерватории в Шанхае, он стал знаменит на всём пространстве Индокитая и Австралии. Дирижировал оркестром в Шанхайской опере, давал сольные фортепианные концерты, создал свой оркестр, исполнял с ним симфоническую, эстрадную и джазовую музыку. На рояле он играл виртуозно, всегда на память, без нот, или импровизировал.

Когда в октябре 1935 года Александр Вертинский приехал в Шанхай, у него украли портфель с нотами. Устроители концертов посоветовали ему Жоржа Ротта. Пианист пришёл к певцу в гостиницу, попросил его петь и вслед за ним быстро записал ноты, а потом сел к роялю и великолепно сыграл весь репертуар. Именно Ротт аккомпанировал Вертинскому на его первых двадцати триумфальных концертах в Шанхае. Они даже жили в одном доме. Вертинский сказал в интервью русской газете: *«Совершенно неожиданно мне повезло на аккомпаниатора. Это Георгий Ротт, один из лучших, когда-либо игравших со мною. Художник аккомпанемента!»*

Однако и Григорий Зингер, и Георгий Ротт переехали в СССР лишь через четыре года после возвращения Александра Вертинского.

Летом 1947-го советское правительство разрешило российским эмигрантам, проживавшим в Китае, возвращаться в СССР. Людям пришлось пройти через фильтрационные лагеря и череду допросов, а потом самостоятельно устраиваться в новой для себя советской действительности.

Григорий Зингер сначала стал солистом и концертмейстером Ивановской филармонии, затем – Ансамбля советской оперы ВТО (Всесоюзного театрального общества). Он концертировал как пианист-аккомпаниатор, создавал вокально-оркестровые, камерные и фортепианные произведения, романсы, музыку для радиопостановок и цирковых представлений.

«Жорж великолепный» устроился в Казани, где до самой смерти прожил в неблагоустроенной квартире со второй женой – татарской певицей. Работал аккомпаниатором в Татарской филармонии, написал детский мюзикл «Волшебная свирель», оперу «Тёща», которые долго шли в театрах страны, организовывал самодеятельные джазовые коллективы. На склоне лет, во время гастролей по БАМу, Георгий Ротт впервые за 65 лет посетил родной Благовещенск. Нашёл родительский дом. Побывал в городском музее, в создании которого в 1909 году принимал участие его старший брат, присяжный поверенный

Вениамин Ротт. И ничего не узнал о судьбе родных. Уже позднее выяснилось, что юрист красноярской «Заготпушнины» Вениамин Ротт и его сын Яков, топограф в краевом отделе мелиорации, были расстреляны в 1938 году.

Известно, что «Жорж великолепный» встречался с Вертинским в Москве, и они даже вместе дали два концерта. Однако Вертинский не смог устроить Ротту проживание в Москве: столица была закрыта для репатриантов. На прощание он подарил другу свою фотографию с надписью: *«Одному из самых лучших – пианисту Жоржу Ротту с благодарностью и нежностью, и сожалением, что я не могу всегда работать с ним. Александр Вертинский».*

Волшебная птица Феникс

...Вновь вернёмся в ноябрьскую Читу 1943 года, когда 54-летний Вертинский вернулся в Советский Союз с 20-летней красавицей-женой Лидией, 45-летней тётчей Лидией Павловной и трёхмесячной дочкой Марианной.

У всемирно известного шансонье были и материальное благополучие, и публика, которая его обожала. Ещё до Октябрьской революции восторженные рецензенты писали о концертах с его участием: *«Но главное – Вертинский! Удивителен, неожидан, курьёзен, в сущности, тот захват, который проявляет рафинированность его песенок на разношёрстную, с улицы, толпу. Чуть внятные слова их – как болезненно-нежные лепестки, которые медленно осыпаются в тоскливые вечера. Как доходит их аромат до этой толпы, ещё оглушённой грохочущей улицей? Но ясно, что он дурманит. Дурманит и пряностью географической экзотики, и городской экзотикой чувств, и музыкой картавого говорка, и контрастом сдержанного графического жеста. В этих ариэтках и их передаче – струйки большого дарования».*

Он выступал перед русскими эмигрантами Турции, Румынии, Польши, Франции, Германии, Палестины, Америки и Китая, сменив белую маску печального Пьеро, грустного клоуна итальянской комедии, который имел огромный успех ещё в предреволюционной России, на респектабельный образ господина в знаменитом концертном фраке.

Однако Вертинский мечтал вернуться домой. И вот настал момент первого концерта на обретённой Родине. Очень ответственный момент! Нельзя ударить в грязь лицом. А как быть без опытного аккомпаниатора?

...В своей мемуарной книге «Синяя птица любви» (издательство «Вагриус», 2005) вдова Вертинского Лидия Владимировна описала первые дни на советской земле. Но сначала – несколько слов о ней самой.

Лидия Циргвава родилась 14 апреля 1923 года в северокитайском городе Харбине, где жила её семья. Отец, Владимир Константинович Циргвава, служил в правлении КВЖД и имел советское подданство. Он скончался, когда Лидии было десять лет. Девочку воспитывала мать, домохозяйка Лидия Павловна, урождённая Фомина. Кстати, она имела забайкальские корни. *«Прадед жил в Забайкалье, – сообщала в своих мемуарах Лидия Вертинская, – был зажиточным хозяином, имел сына и дочь Агриппину. Сын хозяйством не интересовался, примкнул к революционерам, а в усадьбе требовался помощник. Начали искать жениха. Выбор пал на бедного донского казака Илью. Сыграли свадьбу. Но вскоре выяснилось, что молодой муж одержим страстью к игре. В 1905 году он решил вместе с женой уехать в Америку, но его не пустили по здоровью. Семья осела в Маньчжурии, но очень*

тосковала на чужбине. Однажды пришло письмо от матери Ильи. Писала, что лежит при смерти. Он быстро собрался и уехал. И... не вернулся. Гораздо позже узнали, что Илья бешено гнал лошадь, та его сбросила, и он разбился насмерть».

Род Циргвава был старинным грузинским, точнее – мегрельским княжеским родом. Циргвава состояли в родстве с влиятельными князьями Мегрелии – Дадиани.

Юная Лидия окончила курсы стенографии и работала секретарём в пароходной компании. Она обладала нестандартной магической красотой – не случайно уже в Москве режиссёр Александр Птушко, снимавший киносказку «Садко», пригласил её на роль волшебной птицы Феникс. В 1940 году 17-летняя Лидия Циргвава познакомилась в Шанхае с Александром Вертинским, которому тогда был 51 год. Из-за большой разницы в возрасте её мать категорически противилась этому бракосочетанию, но оно всё же состоялось 26 апреля 1942 года, а 28 июля 1943-го у них родилась дочь Марианна.

В этот период, после вторжения японских войск в Китай и оккупации Шанхая, материальное положение Вертинского резко ухудшилось. Чтобы прокормить семью, артисту приходилось давать по два концерта в день. Лидия Владимировна рассказывала, что перед каждым выступлением Вертинский выкупал свой фирменный фрак из ломбарда, а после выступлений сдавал его снова.

По возвращении в СССР супруга Вертинского окончила факультет живописи Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова, работала профессиональным художником, периодически снималась в кино. В 34 года она овдовела, прожив 15 лет в счастливом браке с Александром Вертинским. Замуж больше не выходила, зато вырастила двух дочерей – Марианну и Анастасию.

«Эти две доченьки – моя единственная и большая радость. Хотя нахалки они страшные и «купишки». «Папа, купи!» – только и слышишь. Но зато они, во-первых, красотки, а во-вторых, папку обожают. Неудивительно. Я их балую и только порчу». Так писал Вертинский из Сочи 1 декабря 1956 года своему знакомому поэту Александру Алексеевичу Жарову, автору гимна пионерии «Взвейтесь кострами, синие ночи».

Сёстры Вертинские стали известными актрисами. Их мать умерла 31 декабря 2013 года в возрасте 90 лет.

Чита – город суровый

Передаю слово Лидии Вертинской: *«На станции Маньчжурия нас встречали представители нашего консульства, которые должны были переправить всех на станцию Отпор – это уже была советская территория... Затем мы приехали в Читу. Город был суровый. Мороз. Стужа. Помню, когда я впервые вышла из гостиницы на улицу, то было ощущение, что меня окунули в котёл с кипятком. Гостиницу еле отапливали, воды почти не было, по стенам ползали клопы. В гостинице было много военных. А из Москвы в Читу пришла телеграмма в местную филармонию с распоряжением, чтобы артист Вертинский дал несколько концертов в Чите. И администратор, который занимался нами, увидев, как мы с маленьким ребёнком замерзаем в номере, предложил переехать к нему. Мы с благодарностью согласились. Его семья занимала две комнаты в коммунальной квартире. Вещей оказалось много, и мы разместили их в прихожей и в общей кухне. Кое-что у нас тут же «конфисковали», но мне было очень жаль только тёплые шерстяные носки, которые я связала для Александра Николаевича».*

Прожили мы у администратора около двух недель. Относились к нам добросердечно. А выйти на улицу я категорически отказывалась в своих туфельках. Сапоги достать было невозможно, и я попросила купить мне валенки, вспомнив, что в Харбине, будучи маленькой, я в мороз ходила в валенках. Но, как оказалось, на рынке валенки стоили четыре тысячи. Денег таких у нас не было. Тем временем Александр Николаевич осмотрел зал филармонии, нашёл пианиста и стал репетировать.

Выбрал он аккомпаниатором Михаила Брехеса, который уже несколько месяцев разъезжал с бригадой вокруг Читы. Вертинский спел четыре концерта. Зал был переполнен. Приём и успех были блестящие! А мне купили тёплые валенки».

«Первая встреча – последняя встреча – тихого голоса звуки любимые. . .»

Эти слова из популярного романа «Утро туманное» композитора Аркадия Абазы, в основе которого стихотворение Ивана Тургенева «В дороге», невольно пришли на память при написании этих строк.

Первая встреча музыканта Михаила Брехеса с великим Вертинским произошла в Чите в ноябре 1943 года. С тех пор началось их четырнадцатилетнее творческое сотрудничество. Аккомпанемент Брехеса сопровождал Вертинского от первого концерта на Родине вплоть до самого последнего, который состоялся 21 мая 1957 года в Доме ветеранов сцены им. Савиной в Ленинграде. В тот же вечер легендарный артист скончался от острой сердечной недостаточности на 69-м году жизни в гостинице «Астория», в номере с окнами на Исаакиевский собор. Александр Николаевич очень любил этот храм.

С первого же совместного выступления в Чите Михаил Брехес аккомпанировал великому артисту по памяти. По словам супруги пианиста Нины Ивановны Кониной, «он сразу же уловил главное – Вертинскому нельзя играть по нотам. Ведь артист постоянно импровизировал. Музыкант очень тонко чувствовал и предугадывал творческие желания исполнителя. Нередко напетые Вертинским фрагменты мелодий Брехесу удавалось превращать в законченные музыкальные произведения, которым была уготована судьба снискать любовь у широкой публики».

К слову, знакомство Михаила Брехеса с его второй женой, московской школьной учительницей Ниной Кониной, произошло в начале пятидесятых годов в Прибалтике, где он был на гастролях, а она проводила отпуск на Рижском взморье. Нина искала на пляже потерянную брошку. Он подошёл, представился, пригласил на концерт. Через некоторое время они поженились. «Искала брошку, а нашла Брехеса», – шутила Нина по этому поводу.

Вновь откроем книгу Лидии Вертинской «Синяя птица любви»:

«Наступило время отъезда в Москву. Вертинский предложил Михаилу Брехесу ехать с ним. Назначили день отъезда. Поезд отходил вечером, в десять часов. Машину предоставила филармония, а грузовик для багажа нашли сами, договорившись с шофёром, что заплатят 350 рублей. В кабине водителя было тепло, и меня с маленькой дочерью посадили туда. В ноги мне поставили самое драгоценное, что у нас было, – корзинку, где хранились коробки с сухим американским молочным порошком «Клим», специальные бутылочки с сосками, детские каши и пелёнки. Когда мы ехали, бутылки в корзинке позвякивали, и шофёр, видимо, решил, что это бутылки с вином или водкой. Начали разгружать вещи, мне велели сидеть в кабине и не выходить на мороз. Выгрузив все вещи, ко мне подошли Александр

Николаевич и администратор. Вертинский держал в руках 350 рублей. Мне помогли спуститься с высокого сиденья кабины, и Александр Николаевич протянул деньги водителю. Но тот неожиданно захлопнул дверь кабины, нажал на газ и мгновенно исчез во тьме и увёз корзину! Какой ужас охватил нас! В шесть часов утра проснётся ребёнок, которого надо кормить, а у нас ничего нет! Вертинский категорически отказывался ехать. Он хотел дать объявление утром во все газеты и предложить деньги за возвращение корзины. Мы были в панике. Местные администраторы стали отговаривать: всё это бесполезно и надо ехать, а на станциях бабы продают молоко, и можно купить у них. Тогда Александр Николаевич велел отвести его к начальнику станции и от него послал телеграммы на десять следующих станций. В телеграммах говорилось, что артист Вертинский едет в Москву с маленьким ребёнком и просит вынести к поезду бутылку молока. Слегка успокоившись, мы заняли свои места в вагоне, поезд тронулся».

Лиахим Сехорб

Около четырёх тысяч концертов дал легендарный певец в дуэте с пианистом-виртуозом Михаилом Брехесом, который в одном интервью вспоминал: «Однажды он сказал мне: «Миша, на афише пишут «Михаил Брехес» – это как-то сухо и скучно. Отныне, я так думаю, мы будем писать «Аккомпаниатор Лиахим Сехорб!» «А почему Лиахим Сехорб, и вообще, что это значит?» – недоумевал я. «Лиахим Сехорб – это Михаил Брехес наоборот!» – прозвучал ответ Вертинского».

Как же талантливый музыкант оказался в Забайкалье в разгар Великой Отечественной войны? Как судьба свела его в Чите с Александром Вертинским? Чем заслужил он благосклонность придирчивого маэстро?

...В семье страхового агента общества «Саламандра» Бориса Ароновича Брехеса из белорусского городка Слоним было четверо детей: Рахиль, Лев, Илья и младший Мейлех (Миша), который родился 14 июня 1909 года и с детства проявил музыкальные способности. Он окончил музыкальную школу в Могилёве, куда переехала семья, и в 1931 году – отделение клавишных инструментов исполнительского факультета Ленинградской консерватории. Поступил в аспирантуру. У него были замечательные педагоги: профессор Михаил Михайлович Черногоров, участник Гражданской войны, который с началом Великой Отечественной как комиссар запаса был направлен на Балтийский флот и погиб во время бомбёжки Ленинграда; профессор Самарий Ильич Савшинский – он заведовал кафедрой фортепиано, а с 1941 года был деканом фортепианного факультета.

Всё предвоенное десятилетие Михаил Брехес совмещал учёбу в аспирантуре с педагогической и концертной деятельностью. Он преподавал на дирижёрско-хоровом факультете консерватории, был солистом и аккомпаниатором Ленинградского общества камерной музыки, в Вечерней рабочей консерватории, музыкальном секторе Ленинградского радиокомитета.

В августе 1941 года основной состав студентов и сотрудников старейшего российского музыкального вуза – Ленинградской государственной консерватории – был эвакуирован в Ташкент. Михаил Брехес взял длительный отпуск и с концертной бригадой отправился выступать перед частями Красной Армии, расположенными на востоке страны. В октябре 1942-го он был уволен из консерватории как не явившийся из отпуска.

Почему это произошло? Ответ мы найдём в книге «Артист Александр Вертинский»,

которую в 1989 году, к 100-летию своего героя, издал доктор филологических наук, профессор Владимир Гаврилович Бабенко из Екатеринбургского государственного театрального института.

«Группе музыкантов предложили поехать на Дальний Восток для временной работы в частях Красной Армии. У Михаила Борисовича был маленький ребёнок, ехать было не время, но и выбирать тогда не приходилось. Он сделал вариации на тему песни Давиденко «Нас побить, побить хотели...» и в составе специальной концертной группы стал работать в Чите и других городах. Срок контракта был определён в четыре месяца. Но вот наступила уже и осень сорок третьего, они проработали полтора года, а возвращение в Ташкент всё откладывалось.

Брохеса вызвал к себе заведующий отделом культуры Читинского горисполкома Трубин.

– Садитесь, товарищ Брохес. Прочтите эту телеграмму.

Брохес прочёл: «Прошу товарища Вертинского Александра Николаевича дать два концерта в первом советском городе на пути его следования в Москву. Председатель комитета по делам искусств М. Б. Храпченко».

Имя Вертинского не было для Брохеса пустым звуком. Он слышал грамзаписи его песен и имел о них высокое мнение. Теперь из разговора с Трубиным он узнал, что Вертинский уже неделя как прибыл в Читин и поселился с женой, тёткой и крошечной дочкой в квартире директора филармонии Сухачевского. Вертинский приехал без аккомпаниатора (его аккомпаниатор Г. Я. Ротт вернётся значительно позднее). Он репетировал уже со многими пианистами и забраковал их. Теперь, как видно, наступила очередь Брохеса. «Всё это было необычайно, – рассказывал мне пианист, – и чревато неприятностями». Карьера эстрадного аккомпаниатора не прельщала Брохеса. В кармане Михаила Борисовича уже лежало командировочное удостоверение Чита – Ташкент. Его неудержимо тянуло к семье. И вновь... приходилось соглашаться на отсрочку отъезда. Трубин не просил, он приказывал.

Первую репетицию провели в драмтеатре. «Когда я явился в театр, – продолжал Михаил Борисович, – Вертинский был уже там. При нём три нотных тетради, причём одна из них – дореволюционное издание, а две других были написаны от руки.

– Здравствуйте, Миша. Вы такой молодой, это как раз то, что мне надо.

Мы отправились в класс. Александр Николаевич предложил мне играть «В степи молдаванской». Я пробежал мелодию, довольно простую, как мне показалось, и спросил:

– Играть так, как написано? Или можно добавлять?

– Ради бога, ни одной лишней ноты!

Мы прошли песен десять и кое-где, с его согласия, я играл по-своему.

– Пойдёмте покурим, – сказал Вертинский и быстро вышел, причём за дверями, как оказалось, стояли и слушали все областные руководители.

Вертинский сказал:

– Назначайте концерты.

Была вторая репетиция и первый концерт в драмтеатре, потом в Доме офицеров и других залах. Везде был большой успех.

А потом меня вызвали в кабинет председателя облисполкома Константинова (Михаил Афанасьевич Константинов (1905–?), член ВКП(б) с 1926 года, с 1 августа 1939-го по 1945-й являлся председателем Читинского облисполкома, затем выехал за пределы региона – прим. авт.).

Когда я вошёл, там сидели Трубин, Сухачевский, Вертинский.

– Садитесь, товарищ Брохес. Ну, какие у вас планы? Давайте ваши документы.

Я подал документы. Константинов порвал мою командировку в Ташкент.

– Немедленно выдать Брохесу командировочное удостоверение до Москвы. Брохес, вы поедете с товарищем Вертинским».

Так определилась дальнейшая судьба Михаила Брохеса. Вплоть до 1957 года он и Вертинский будут практически неразлучны».

«У на У»

После отъезда из Читы в 1943 году Вертинскому доводилось не раз бывать в этом городе. Вот что он писал жене 9 января 1950 года из Читы:

«Дорогая Лиличка! Вчера наконец закончил эту проклятую Маньчжурскую ветку и вернулся в Читу. Нет слов, чтобы описать тебе весь ужас этой поездки! Мороз 57°! Ты подумай только! Дышать невозможно. У меня были припадки удушья, и я рвал на шее ворот рубахи, не имея возможности дышать. Машины только «виллис» – холодные, раскалённые от мороза, а расстояния от одного Дека до следующего 15-20 километров! Правда, нам давали тулупы, но всё равно я приезжал полумёртвый. Потом отходил, отогревался и вечером как ни в чём не бывало пел концерт. Из пяти концертов только на одном было относительно теплее, а на остальных холод, как на улице. Поёшь, а изо рта – струя пара! Публика сидит в тулупах и валенках, а я во фраке. Правда, я под сорочку надевал свой свитер, но это мало помогает. И заметь, печи топятся на полный ход, но обогреть помещение не могут! Доходило до 60°. Я проклинал свою жизнь, но дотянул до конца. Такова театральная дисциплина моя. Даже Мишка при всей жадности к деньгам чуть не плакал и «просился домой» – я всё же выпил эту чашу испытаний до конца. Принимали меня трогательно, сочувствуя моим страданиям. В Дека делали, что могли, но... А самое ужасное – это «У на У» («уборная на улице» – прим. авт.). Приходилось в такой мороз ходить в уборную в сарай. Мы старались есть мало, чтобы не ходить туда. Но это не помогало. Воистину эта поездка может называться «Ледяной поход»! Если я и не был на войне, то теперь я заплатил за это сполна. Конечно, меня держало сознание того, что люди, приходившие меня слушать, живут в такой глуши, ничего не видя, ибо туда никто из артистов не едет, и для них это целое событие – мой приезд. И они так были благодарны, так рады мне...»

А на одном новосибирском сайте мне встретилась такая заметка:

«Шёл сорок седьмой год. В то время мне довелось служить в Чите. В учебном автобате из нас готовили автомобилистов для войск Забайкальского военного округа. Как-то на вечерней проверке старшина роты объявил:

– В город приезжает знаменитый певец Александр Вертинский. Он будет выступать в Доме офицеров. Желающим побывать на его концерте – два шага вперёд, марш!

Почти вся рота захотела послушать концерт. Только около десятка курсантов остались на месте. В их числе был и я. По правде сказать, о Вертинском никогда не слышал. Призвали в армию из глухой сибирской деревни. Там не было радио и телефонной связи, а немая кинопередвижка приезжала раз в полгода.

Продолжая свой монолог, старшина роты заявил о том, что личный состав будет заниматься по распорядку дня, а те, что не захотели быть на концерте, пойдут приводить в порядок зрительный зал. На другой день наша команда прибыла в Дом офицеров. Вооружившись вёдрами и швабрами, приступили к делу. Часа через два работа была закончена, и мы сидели на перекуре.

В это время в зрительный зал вошли двое мужчин почтенного возраста. Как оказалось, один из них был Александр Вертинский, другой – его аккомпаниатор. Они подошли, и между нами завязался разговор. Некоторые из курсантов попросили Вертинского оставить на память свой автограф. Он охотно подписал поданные солдатами листы бумаги. В свою очередь, я раскрыл Устав караульной службы, что был в моём кармане. На обложке певец оставил такие строки: «Сибиряку с добрыми пожеланиями в воинской службе. А. Вертинский».

Портрет в письмах

Между Вертинским и его аккомпаниатором сразу сложились тёплые товарищеские отношения. Это хорошо видно из писем, которые великий артист писал родным и знакомым.

Например, 21 августа 1945 года он сообщал жене из послевоенной столицы Украины:
«Дорогая жена моя Лиличка!

Вот я и в Киеве. Не могу тебе описать то чувство, которое охватило меня при въезде в этот город моего детства и юности. Изменился он мало и, кроме неузнаваемого, разрушенного до ужаса Крещатика, во всём остальном он остался таким, как я его запомнил на всю жизнь. Только стал старше немного. Деревья выросли выше и гуще, и оттого он стал похожим на человека, у которого отросли волосы.

Приехали мы вчера в 3 часа дня – тащились по жаре в поезде 20 часов, что ужасно измучивает. Но уже вечером я не выдержал и потащил Мишку на Крещатик. Оттуда мы прошли к Днепру, смотрели на него из б. Купеческого сада. Он так красив, этот город, он напоминает немного Тбилиси, но только больше зелени и лучше здания. Они почти все целы... Уверенно, ни на секунду не сбиваясь, я водил Мишку по городу, называя улицы и здания, как по своему дому. Теперь я так сильно почувствовал своё возвращение на Родину. Если Москва была возвращением на Родину, то Киев – это возвращение в отчий дом».

25 сентября 1949 года Вертинский писал жене из Львова, где он тогда снимался в картине Михаила Константиновича Калатозова «Заговор обречённых»:

«Концерты меня мало интересуют, и я вчера, возвращаясь со съёмки, с любопытством прочёл на стене афишу Вертинского. Оказалось, что он поёт 25-го и что у рояля Брехес. Это не доходит до моего сознания. Но денежки нужны... и я пою».

Из письма жене из Владивостока (22 октября 1950 года):

«...купили краба на базаре. Живого краба. Краб сдох. Или притворился мёртвым. Мы понесли его в ресторан, чтоб сварить. Там его, во-первых, раскритиковали и сказали, что он несвежий, а потом вообще не захотели варить. После больших скандалов его наконец взяли варить. Он был без движенья. Но когда его сунули в кипяток – он побежал... и оказался живёхоньким. Мы его съели. Ничего, краб как краб. И даже довольно вкусный. Но сначала он целый день лежал в номере у Мишки, и Мишка боялся, что он залезет ему в кровать, и дрожал всю ночь. Мишка обходил его, как цепную собаку. А собак он боится больше всего на свете».

Через несколько дней, 31 октября 1950 года, в письме жене со станции, которую Вертинский обозначил как Смольянинская (очевидно, это станция Смольяниново Дальневосточной железной дороги), певец сообщил:

«Вагончик у нас маленький, в нём всего четыре места, а нас с проводниками пять. Причём их надо кормить, одна спит на полу. Трясёт и мотает нас страшенно. Маневровые

паровозы бьют нас целым составом в грудь. Тогда всё стекло летит на пол, а Мишка падает с верхней полки, где он «во снах и грёзах» проводит большую часть суток. Так целыми днями мы стоим где-нибудь на задворках маленьких станций, а вечером за нами приходит машина и берёт нас вёрст за 20-40 в Дека, которые мы и обслуживаем. Вагончик дрянной, и мы голодаем. На базарах ничего нет. Приходится питаться консервами, от кот[орых] у меня расстраивается желудок».

Жене из Кисловодска (28 марта 1951 года):

«У курзала огромный мой плакат с тоненькой надписью сверху: «Лауреат Сталинской премии». Мы с Мишкой долго стояли, любуясь плакатом. Даже его фамилия внизу афиши как-то выиграла и звучит по-новому, более благородно, как будто и он стал лауреатом. Впрочем, он так и считает. Что он тоже лауреат. Я бы только крупнее написал эту заголовную строку. А они как-то стыдливо это пишут, точно боятся, чтоб им не попало за это».

Жене из Ростова (4 апреля 1951 года):

«Я завожу Мишку, что теперь на афише его имя зазвучало «по-новому», что «сияние моей славы» падает частично и на него, и долго серьёзно уверял его, что надо что-то добавлять теперь к его фамилии. «Лауреат» – писать нельзя... и вот я выдумал ему титул: «Помощник лауреата Сталинской премии» Михаил Брехес! Это звучит убедительно».

Жене из Иркутска (25 марта 1956 года):

«...концерты в рабочих клубах и дворцах культуры – чистое мучение. Публика тёмная, шепчутся, ходят взад и вперёд, не реагируют ни на что, грызут семечки. Мука мученическая! Брехес вообще уходит без хлопка, а я имею десятую долю своего обычного успеха. Я называю эти концерты «самоожжением». Они мне рвут нервы! И ничего поделать нельзя. Сколько я ни бьюсь в Г-Бюро, чтобы мои концерты происходили только в самом городе, а не в его окрестностях, ничего не помогает».

Упомянутое в письме Г-Бюро – это Гастрольное бюро СССР, созданное в 1946 году в составе Всесоюзного гастрольно-концертного объединения в системе Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР. В 1948-м оно было выделено в самостоятельную хозяйственную единицу с непосредственным подчинением Комитету по делам искусств, в 1953 году перешло в ведение Министерства культуры СССР и ликвидировано в конце 1956-го.

Из письма Вертинского от 3 июня 1956 года из Ставрополя новосибирскому поэту Казимиру Леонидовичу Лисовскому (1919–1980), с которым он познакомился в 1945 году в Москве, дружил и переписывался до последних дней жизни:

«Брехес жаднеет с каждым днём и пил в Кисловодске нарзан от жадности – потому что бесплатно».

Надо думать, что во время многолетних гастрольных турне по всем уголкам Советского Союза от Средней Азии до Сахалина, в купе поездов дальнего следования и номерах провинциальных гостиниц, в доверительных беседах за чашкой чая или рюмкой коньяка работавший на износ маэстро делился со своим музыкальным компаньоном некоторыми сокровенными мыслями. Подобными тем, которыми он делился в письмах с родными:

«Что писать? Что петь? Есть только одна правда – правда сердца. Собственной интуиции. Но это не дорога в искусстве нашей страны, где всё подогнано к моменту и необходимости данной ситуации. Сегодня надо писать так. Завтра – иначе. Я устал и не могу в этом разобраться. И не умею. У меня есть высшая надпартийная правда – человечность. Гуманность. Но если сегодня нам не нужна она, значит, надо кричать: «Убей!» и т. д. Всё это трудно и безнадежно. И бездорожье полнейшее! От моего проклятого искусства, искус-

ства игры на тончайших и скрытых чувствах и нюансах человеческой души, во мне развернулась сложная и большая машина. Эти маленькие тайные моторы стучат и дрожат, и работают на холостом ходу – после концертов или после болезни – и буквально сводят с ума. Целые дни и вечера в голове несутся отрывки мелодий, строки стихов, просто наблюдения, встречи, взгляды, мелочи... Всё это шумит, перебивает друг друга, и я часто думаю: уж не сумасшедший ли я? Точно через мою голову льётся какой-то поток. Какая-то река, вроде Куры, которая несёт щепки и мусор. И только одно-единственное средство – алкоголь. Он оглушает, успокаивает и заставляет исчезать всю эту свистопляску. Вот почему я после концерта всегда пью» (из письма Вертинского родным от 9 ноября 1950 года).

Вертинский высоко ценил исполнительское мастерство и тонкий вкус Брехеса, записал с ним ряд песен на грампластинки. После смерти Вертинского вплоть до 1990-х годов Михаил Брехес состоял солистом «Москонцерта». Ему довелось выступать с другими выдающимися исполнителями. В их числе оперная певица (колоратурное сопрано), заслуженная артистка РСФСР Дебора Яковлевна Пантофель-Нечецкая; народный артист СССР, лауреат трёх Сталинских премий первой степени, оперный и камерный певец (бас) Марк Осипович Рейзен; народный артист СССР, оперный и камерный певец (баритон) Павел Герасимович Лисициан; народная артистка РСФСР, оперная певица (лирическое сопрано) Лилия Олимпиаевна Гриценко, народная артистка РСФСР (колоратурное сопрано) Надежда Аполлинарьевна Казанцева.

В содружестве с народным артистом РСФСР, мастером художественного слова Георгием Васильевичем Сорокиным Брехес создал немало талантливых литературно-музыкальных программ, в которых исполнял произведения от Баха до Шостаковича. Памяти Брехеса Сорокин посвятил моноспектакль «Александр Вертинский» (2000 год).

Выступал Михаил Борисович и с сольной программой «Четырнадцать лет с Вертинским», в которой не только играл на пианино, но и исполнял песни из репертуара своего старшего товарища, очень точно имитируя тембр его голоса и сценическую манеру.

87-летний Михаил Борисович Брехес скончался 9 мая 1996 года и похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

«Гурий играет плохо...»

О Брехесе как бессменном аккомпаниаторе Вертинского советского периода говорится во многих публикациях. Однако в письме Вертинского жене из Одессы от 21 сентября 1947 года меня насторожило то обстоятельство, что он выражал недовольство своим партнёром по сцене – другим, не Брехесом – и, словно пытаюсь найти ему замену, интересовался судьбой пианиста, который прежде сопровождал его выступления в Китае: «Гурий играет плохо и многого не понимает и никогда не поймёт. Что, есть какие-нибудь новости от Ротта?»

Выходит, в многолетнем творческом сотрудничестве с Брехесом существовал какой-то перерыв, заполненный неким Гурием. Кто он такой?

Из примечаний в книге «Дорогой длиною...», где собраны стихотворения, письма, интервью Вертинского, стало ясно, что Гурий – это «Г. Ласточкин, аккомпаниатор А. Н. Вертинского». И всё.

Дальнейший поиск привёл меня к книге доктора технических наук, профессора Игоря Алексеевича Ушакова. Очень дальний родственник того самого Ласточкина, он руково-

дил отделами в научно-исследовательских институтах советского военно-промышленного комплекса, заведовал отделом в Вычислительном центре Академии наук СССР, учил студентов в американских вузах. Кроме множества научных статей и монографий в различных областях прикладной математики он издал в России и США семь книг прозы, поэм и стихов. Одна из его книг – «Записки неинтересного человека» – вышла на русском языке в 2010 году в Сан-Диего, где он преподавал в Университете Калифорнии.

Из этой книги я почерпнул информацию, что Гурий Владимирович Ласточкин – друг и однокашник по Московской консерватории знаменитого пианиста Святослава Рихтера. Его отец Владимир Гурьевич Ласточкин, генерал-майор царской армии, был осуждён летом 1920-го коллегией Пятигорской ЧК и расстрелян, когда Гурию было всего 7 лет. Зато его тётя, сестра отца, Елизавета Гурьевна Ласточкина, известный сурдопедагог, 76 лет из своих 98-ми отдала Казанской школе глухих, в 1936-м была удостоена звания Герой Труда, стала кавалером двух орденов Ленина и Трудового Красного Знамени и скончалась на руках племянника, того самого Гурия.

Игорь Ушаков писал, что в популярном телесериале «Семнадцать мгновений весны» Гурий Ласточкин сыграл эпизодическую роль – старичка-пианиста в сцене, где Штирлиц после долгой разлуки встречается со своей женой в немецком кафе. Работал он тогда аккомпаниатором в училище Московского театра оперетты имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

По словам Ушакова, когда Михаила Брехеса «посадили якобы за педерастию, а скорее всего за то, что он был по национальности «сионист», Гурий Владимирович аккомпанировал несколько лет этому «упадническому декаденту» и бывшему эмигранту». Если принять версию этого автора, Брехес на какое-то время попал в жернова послевоенной «борьбы с безродными космополитами».

Мне не встречалось никаких иных сведений по этой теме. Не касался её ни Вертинский в своих воспоминаниях, ни сам Брехес в своих беседах с журналистами.

«У меня ничего нет, кроме мирового имени. . .»

...В 1951 году за роль католического кардинала Бринча в кинофильме Михаила Константиновича Калатозова «Заговор обречённых» Александр Николаевич Вертинский получил Сталинскую премию второй степени. Премия составляла пять месячных зарплат «вождя народов», то есть 50 тысяч рублей – примерно восемь средних годовых окладов в СССР. Роль была отрицательная. За такие роли вождь не имел обыкновения награждать артистов, но для Вертинского сделал исключение.

Рассказывали, что в Министерстве культуры, где оформляли необходимые документы, молодая секретарша спросила Вертинского, заполняя его анкету: «Вы заслуженный артист?» – «Нет». – «Вы народный артист?» – «Ах, душенька, – ответил Вертинский, – у меня ничего нет, кроме мирового имени...»

Александр Вертинский прошёл большой творческий путь. Знаковым событием на этом пути стал его первый концерт, данный после возвращения из эмиграции. И нам, забайкальцам, надо помнить, что тот концерт Вертинского и его знакомство с пианистом Михаилом Брехесом состоялись в Чите во время Великой Отечественной войны.

Литература сегодня

Людмила
ПРОШАК

Моя краткая биография сводится к четырём глаголам.

Первый: училась и учусь – в школе, университете, аспирантуре, докторантуре и везде, где только удастся.

Второй: работала и работаю – на работе (умудрялась на трёх одновременно) и сверх того.

Третий: писала и пишу – для себя, в газеты (от районки до АиФа), в журналы (экстрим и авто в приоритете), а последние 20 лет и книги.

Четвёртый: любила и люблю – семью, друзей, зверей, лес, зиму, библиотеки и музеи, дальние дороги. Всё перечисленное входит в моё понимание Родины. Должности, звания, награды? Неинтересно, тем более что в конечном итоге на последней «аватарке» только фамилия, имя и отчество, да ещё прочерк между двумя датами.

Коронная фраза:
«Работайте! В работе счастье...»

© Ю. А. Спиридонов

И посетителя посетила смерть

Исторический роман

Окончание. Начало в № 1 2013 г., № 2 2022 г.

Часть четвёртая Другая чаша

Хронотоп IV От руки невежества

*Усть-Сысольск,
26 апреля 1848 года, первый час*

Епископ Вологодский и Великоустюжский Евлампий, посетивший Усть-Сысольск в столь знаменательный день, побывав на берегу Сысолы в окружении многочисленной свиты. Каждый пытался попасть епископу на глаза. Уездное начальство не сгруппировало, включив сегодня в свиту первых купцов города. От их щедрости зависит, быть или не быть собору.

– Знатно храм будет возвышаться на берегу Сысолы, – весомо, как на проповеди, продолжил отец Евлампий, – да ещё бы таблички с именами благодетелей на видном месте разместить. Что скажете на это, отцы Усть-Сысольска?

– Коль благословишь... – закивали степенно.

Уезжая из Усть-Сысольска, епископ Вологодский и Великоустюжский с усталой отрешённостью подумал: «Хорошо бы в Усть-Вымь завернуть, колена преклонить, да ведь не по дороге...»

*Москва, Святейший Синод,
15 января 1849 года, третий час*

Посылка лежала под грудой других, более мелких. «Аршина два будет», – отец Матфей любил проверять глазомер. Произведя замеры, остался собой доволен: «И вправду, без двух с половиной вершков, но два аршина. Что бы это могло такое быть?» Томившийся в послерождественской тиши, он взял конверт, прикреплённый к посылке. С разочарованием отметил, что его уже вскрыли, хотя неудивительно – датировано ещё прошлым 1848 годом.

– Залежалась у нас посылочка! – и сорвал обёртку...

Посох?! На фоне коричневой почтовой бумаги он казался ярко-жёлтым. Провёл пальцами по рисункам, надписям... Всё необычно и непонятно... Перечитал письмо, пришедшее из Гродно («Полгода назад!») и смутился ещё более. Некий Долматов, губернский лесничий, прислал посох Стефана Пермского, чтобы Синод определил его для хранения в приличном месте, а прежде он находился в Супрасльском монастыре, который два столетия пробыл под униатами, а в Православие вернулся лишь после войны 1812 года...

«Как посох занесло в Литовскую епархию из Перми?» – пожал плечами отец Матфей и, не мешкая, пресёк канцелярскую волокиту. Обмакнул перо: «...возвратить в Пермскую землю в Спасо-Преображенский кафедральный собор города Перми...»

И, удостоверившись, что чернила не размажутся, подsunул бумагу на подпись в числе других распоряжений Святейшего Синода.

*Ростов Великий, кремль, митрополичий сад, храм Григория Богослова,
9 мая 1880 года, после утрени*

Бык не собирался идти по шаткому настилу, который вёл в широко распахнутые двери. С наброшенным на голову мешком он ничего не видел, но рогожа не могла перебить запах смерти, который он чуял.

– Пошевеливайся же, скотина!

Бык изловчился, и рог вошёл во что-то мягкое, раздался протяжный крик...

– Да бей его прямо здесь! – подхватил второй голос. Бык повернул было голову в его сторону, но удар пришёлся в цель. Затрещал запятнанный кровью настил...

...Бело-розовый митрополичий сад сник. Андрей Александрович Титов, минутой раньше восхищавшийся весенним цветением, закрыл лицо руками. Внутренним зрением он видел кремль совсем иным, нежели тот был на самом деле. Где обыватель наблюдал лишь спиртовые, винные и соляные склады да ледник для трактирщиков, там Титов зрел здания митрополии, славившейся учёной премудростью.

– Погибнет всё безвозвратно от руки невежества, погибнет! – и, прислушавшись к самому себе, вдруг подумал, что всё же есть средство связать невежам руки. Пусть история сама за себя скажет.

Андрей Александрович решительно зашагал к парадному подъезду гражданского ведомства, обосновавшегося тут же.

– Ступайте, господин Титов, сегодня неприёмный день, да и вопрос не по нашему ведомству, ступайте, – услышал он знакомую фразу, но вместо того, чтобы уйти, как было уже не раз, взъярился.

Блеснуло холодным презрением пенсне, которое более бы пристало интеллигенту, нежели купцу, высоким фальцетом зазвучал голос:

– Не сомневаюсь, что это не вашего ума дело. Но как гражданин Государства Российского я обязан доложить в Москву, какие антигосударственные дела творятся в стенах Ростовского кремля. Кто позволил на Палату присутствия государей руку поднять? А известно ли вашему

начальству, что вы скотобойню устроили в церкви Григорьевского затвора, между тем как права на эти исконно вечные владения утвердил первый царь всея Руси Иоанн Грозный? Слышите: исконно вечные! А ну, сударь, доложите обо мне немедленно вашему столоначальнику, пока он своей должности не лишился из-за вашего невежества!

Сорвавшись с места, чиновник побежал исполнять так, словно за ним уж гнались царские опричники. Про затвор он ничегошеньки не ведал, а вот про Иоанна Грозного слышал. Словом и делом, знаете ли...

*Ростов Великий, кремль, митрополичий сад,
26 апреля 1883 года, после утрени*

Качнулся двухтысячепудовый «Сысой», и поплыл над Ростовским кремлём величавый звон. Да что там над Ростовым! Бас «Сысой» разносится на двадцать вёрст окрест по Ярославщине – ядру русских земель...

Шутка ли, такая дата – 500 лет со дня посвящения в епископы святителя Стефана Пермского! Он принял постриг здесь, в Григорьевском затворе, «предтечей» которому – Титов в том убеждён – стало духовное училище, переведённое в 1214 году князем Константином Всеволодовичем из Ярославля в Ростов. Не мешало бы напомнить об этом епархиальным иерархам. Впрочем, сегодня охотников речи говорить и так в избытке.

Андрей Александрович и сам не заметил, как оказался в митрополичьем саду, в котором нет-нет да и угадывались камни, которые вполне бы могли служить основанием для келий бывшего братского затвора. «Наверное, вот так же ходил по этому садику и чувствовал в нём дыхание прошлых веков в своём семнадцатом столетии Иона», – улыбнулся Титов, не слыша всю старавшихся на площади поборников старины, прикрывших свои лавки в кремле на время юбилея...

Глава XIII Красное яйцо

*Московское великое княжество, Троицкий монастырь,
1 октября 1410 года, третий час*

Епифаний смотрел на друга с пытливой нежностью. Полугодовое странствие изменило его даже внешне, не оставив от былой несуразности и следа. Теперь Кирилл если и походил на медведя, то лишь на такого, который готов в любую минуту выловить из реки внезапно всплывшую хвостом рыбку.

– Сколько ж ты вёрст отмахал, друже?

– Не считал, хотя постой... – Лицо бывшего трудника приобрело сосредоточенное выражение. – Киев, Вильно, снова Киев, Смоленск, Новгород Великий, Устюг, Пермь... Забавно, но по

всему выходит, три с половиной тысячи поприщ... А немало, да толку вот чуть...

– Зря так говоришь, – не согласился Епифаний. – Ты просто сейчас не видишь своих находок, потому что считаешь, будто случившееся только к 1396 году относится, а Стефан, как мне сейчас видится, смертный приговор себе подписал много раньше...

– Вестимо! – усмехнулся Кирилл недобро. – Тогда подписал, ты хочешь сказать, когда решился язычников просвещать, в Пермь пойти, да? У них тысяча причин было гибели его алкать – не спорю, но у них имелась и тысяча возможностей сделать это так, чтобы и спросить было не с кого. В реке утоп, в снегу замёрз, на зверя нарвался...

Голос сорвался. Кирилл закашлялся.

– Ну вот появился у пермян ещё один защитник, – Епифаний протянул другу ковш воды. – На, горло прочисти, ты ж со мной спорить до зари собрался.

Кирилл, отдуваясь, пил, а Епифаний тем временем снял с грядки тяжёлую книгу. Перевернул страницу – на колени выпал жёлтый, как осенний лист, пергамент, на котором вольной скорописью бежала кириллица. Так бывает, когда буквы вынуждены пускаться вдогонку за торопливой мыслью.

– На вот, прочти...

Пропустив начало, показавшееся ему архимудрёным, Кирилл с удивлением обнаружил, что обращено послание к тому, кто для него самого был некогда главным начальником:

Есть у меня и ещё дело до тебя, великого князя, и до всех сынов твоих, русских князей... Внимайте: ибо учу вас, разумных, здравому деланию, доколе не достигнете высоты совершенства. Не тот премудр, кто много жил, и не старцы только знают суд. Очищать себя – вот премудрость, удаляться от зла – вот хитрость! Начало премудрости – страх Господень... Не губите духовного ради плотского, меняя золото на глину... Да не затворяйте милости людям: ибо хвалится милость во всяком суде. Написано: и во гневе не забывай милость свою...

Кирилл оторвался от чтения. «Удаляться от зла – вот хитрость!» Как метко сказано! Но чего следовало сторониться великому князю? Чего или кого?

...Больную овцу отделяют от стада. Уязвлённого змием нужно лечить. Не должно ни повергать своих подданных в пропасть отчаяния, ни совсем ослаблять узду. Недуг греховный не прост, но бывает многообразен, и от времени возрастает, усиливается и распространяется на многих. Мал квас всё смешение квасит...

Кто мог быть больной овцой? Какой змей уязвил и кого? От возрастания какого недуга предостерегал Стефан?

...Ты, как ветроградарь, должен обрезать железом дерево от чуждых наростов. Как сильный кормчий, при помощи благодати, ты должен править против ветров, минуя волны и не отступая от пути правого. Для того даны тебе глаза, чтобы предусматривать волны, угрожающие находящимся на корабле. Не должно тебе молчать. Сказано: «Я поставил тебя стражем дому Израилеву». То, что заповедано святыми духовными трубами – первоверховными апостолами и семью Вселенскими Соборами, всё, что повелели нам Святые отцы на поместных соборах, благочестивые Цари...

Кирилла всегда запутывала богословская манера подкреплять свои слова Библией, но он продолжил чтение:

...Всё сие, озаряемое одним и тем же Духом Святым, предано нам на пользу нашу. Нам не следует прилагать к изложенному или повеленному, или отнимать от сего – чтобы, пре-

ступая отеческие заповеди, опять не подвергнуться нам бедствиям... Пишущий на злободневные происшествия, творящиеся то ли по воле князя, то ли по его допущению, не просто намекал, указывал на их последствия! ... Не рассеял ли нас Бог по лицу всея земли? Не взяты ли были города наши? Не пали ли сильные князья наши от острия меча? Не отведены ли были в плен дети наши? Не запустели ли святые Божии церкви? Не страждем ли мы всякий день от нечестивых? Всё это бывает с нами за то, что не храним заповедей Спасителя нашего. Кланяюсь. Стефан, епископ Пермский.

– Это в «Евангелии» было вместе с другими грамотками? И ты не сказал?!

– Нет, это у Алферия в книгохранилище было. Мне недавно передали. Где письму затеряться лучше, чем среди книг? Стефан потому ему и перепоручил.

– А может, князь и не получал такого письма?

– Думаю, оно до него дошло, а это черновик.

– А ты понял, о чём и о ком предупреждал? Даты-то нет...

– Ну, верхняя граница ясна: пока не стал епископом, Стефан от дел общецерковных и державных был удалён, и, я считаю, вряд ли у него была причина обратиться к великому князю, который его помнил в силу необычности его просьбы послать в Пермь. И так, не раньше зимы 1384 года. А уж нижняя граница и вовсе известна: Димитрий преставился в мае 1389 года. По всему выходит, послание сложено в этот промежуток, согласен?

– Да, – кивнул Кирилл, – к тому же письмо князю так просто не передашь, тут надобно иметь знакомых среди ближнего окружения.

– Стефан мог вручить своё письмо, когда поехал в Москву за епископом для Перми, но тогда повода не было. Значит, передал позже. Сам он в Москву наезжал нечасто, а уж послания князю сочинял и того реже.

Помолчали согласно... Первым не выдержал Кирилл:

– Ладно, а больная овца всё же кто?

– Назвать не назову, – Епифаний тяжело вздохнул, – но укажу на происшествия тех дней, хорошо?

– Выбирать не приходится, – и Кирилл, сверившись с письмом, медленно повторил: – «Больную овцу отделяют от стада. Уязвлённого змием нужно лечить...»

– Смекай: Стефан прибыл в Москву к великому князю Димитрию Иоанновичу и к Пимену, тогда находившемуся в митрополитах. И причину насущную поведал им, ради которой от дальней земли пришёл в Москву, открыто сказал: «Да отыщется у вас муж, которого, поставив в епископы, пошлёте вы со мной в Пермскую землю. Епископа очень требуют те люди, потому что жатва приспела и «жатвы много, а делателей мало»... И я буду ему и сослужбник, и соработник, и сострадальник на всякую нужду благую». Услышав это, великий князь и митрополит удивились, но, отметив для себя полезные помыслы и слова его, посулили одобрить прошение. Митрополит о прошении Стефана прилежно думал, гадая, ища и вопрошая, кого бы найти, открыть, чтобы поставить и послать епископом в Пермь... Одни одного вспоминали, другие другого выставляли, третьи иного имя подносили. Пимен же сказал: «Нет, так не будет... Тот самый Стефан... этого дара достоин более многих и многих других. Думаю, он пригоден к тому и, надеюсь, знает законы и порядок...»

– Закон и порядок? Вот прямо так и сказал?

– Ишь как сразу нужные слова выцепил! Да, новонаречённый владыка произносит такие слова: «Исповедую, яже имать **пошлины** митрополичьский престол во всём пределе моём, соблюдать непреложно». Вот так! Поставлен же он был по Тохтамышевой рати на другую зиму. Когда и Михаил, епископ Смоленский. Было это поставление каким-то необычно красивым и незнаёмым, я не мог не удивиться... Ты про Исповедание при рукоположении не забыл?

– Как такое забудешь! Ещё и стригольников вспомнишь...

– Вот то-то и оно! Но Стефан не добивался владычества, не вертелся, не старался с наскака

или подкупом взять, пустых обещаний не давал. Потому как не дал он никому ничего, то и никто и не взял за поставление у него ничего – ни подношения, ни платы. Впрочем, нечего ему и было предложить, несправедливого богатства не добыл, что имел из необходимого, так только то, что ему давали из искреннего участия – христороубцы и страннороубцы...

– А Пимен и сам таков был, раз поставил в епископы без мзды?

– Он немалую печаль имел...

– Ты был близок с ним?

– Он знал меня, но всё же я не был ему полезен в той мере, как Киприану или Фотию, а что не записано, то с течением лет и переменой родов исчезнет легче сна и будет пребывать в забвении. Незаписанное забывается...

– И что же, уже никто ничего не помнит?

– Нет уж, помнят ещё многие, только вспоминать не хотят. – Епифаний протянул многократно сложенные листки...

Видение событий

*1389 года и того, что им предшествовало, отцом
Мелхиседеком, насельником Троицкого монастыря*

Начну, пожалуй, с кончины. Митрополит Киева и Великой Руси Пумен [1] угасал быстро и тихо. Жизнь уходила из него, как вода из разбитого кувшина. Мы вынуждены были остановиться в Халкидоне, в одном поприще от Константинополя. Накануне одиннадцатого сентября митрополит потерял способность говорить, но за онемевшего красноречиво говорили его глаза. По ним без труда можно было прочесть то, о чём отец Пумен не мог не думать: он так и не доехал до Константинополя и, не доверив свои мысли бумаге, уносил в могилу тайну, раскрыть которую собирался одному лишь патриарху.

Пожалуй, он мог бы препоручить её и великому князю Димитрию, но тот неожиданно слёз и умер. Для человека, которому не исполнилось и тридцати девяти лет, это было более чем странно! Пумен пережил его всего на три месяца с небольшим.

Скажу сразу, чтобы было понятно всё последующее в моём рассказе: я – ромей. Двадцать лет жизни в Московии меня не сделали ни русичем, ни монахом того толка, как понимают это духовные чада отца Сергия. Я – скутат Патриарха Константинопольского, потому своё нынешнее пребывание в Троицком монастыре воспринимаю как вынужденное заточение. Но близок уж родной берег...

Впервые я попал на Русь в 1373 году. Посольство наше было небольшим, возглавлял его Киприан, любимец Филофея. Но, видимо, патриарх насколько его любил, настолько и изучил. Одним словом, он послал его на Русь не одного, а с сотоварищем. На корабле секреты не держатся, это всё равно как забраться на мачту и остаться там незамеченным. Вскоре все знали, зачем патриарх отрядил посольство в Московию. Киприан и Юстиниан, сидя на корме, обсуждали на разные лады обоюдные жалобы князя Ольгерда и митрополита Алексия.

Киприан, удалив Юстиниана с каким-то поручением, отправился один с русским митрополитом в Тверь и Владимир (там была его кафедра, но он предпочитал Москву, здесь мы его и застали), ещё какие-то города, которые скоро слились у меня в единое впечатление под названием «Русь»: белое священство в церквях, чёрное – в монастырях, радушные владыки в трапезных, щедрые дары патриарху...

Никто не сомневался, что с нами в Константинополь отправится и русский митрополит, как явственное подтверждение тому, что обвинения напрасны. Мы даже позаботились о том, чтобы геронте Алексию было в пути удобнее других, но вдруг оказалось, что он с нами не едет. Митрополит стоял на крыльце, опираясь на посох. Седые волосы сливались с белым клобуком. Слова прощания, благословение... Ликующее лицо Киприана, доверчивое – геронты [2] Алексия...

Я не придавал увиденному значения и уж, конечно, не заподозрил о кознях, которые ещё император Юстиниан I приравнял к преступлению. Без приключений мы достигли Киева. В моём воображении уже рисовалась Ромея, но мы поспешили в земли великого князя Ольгерда.

Мне в ту пору едва минуло двадцать, в хитростях посольского дела я ничего не разумел, в безмолвии стоял за креслом Киприана, как и полагается скутату. Великий князь Ольгерд оказался ещё старше, чем геронта Алексей, но всё ещё оставался воином. «Всадил в кремлёвскую стену копьё, – по-стариковски веснушчатая рука Ольгерда властно сжалась в кулак, – а послал Димитриевым велел дать зажжённый фитиль и крашеное яйцо, чтобы они одарили в канун Пасхи своего князя да не забыли при этом слова мои передать: что-де стоит лишь мне захотеть, буду прежде, чем фитиль угаснет»...

И лишь когда последняя тень улыбки сошла с морщинистого лица Ольгерда, Киприан осторожно заметил: «Но, как я понимаю, красное яйцо к Христову дню – это и символ единения, великий княже?» – «Символ вечной принадлежности к Великому княжеству Литовскому и Русскому, – жёстко уточнил Ольгерд, – негоже Московии улусом быть. Вот в этом я и виню Алексея, что когда Димитрий в сиротах остался, то митрополит не ко мне за защитой устремился, а в Орду за ярлыком для мальчика помчался».

Мы вернулись в Ромею, чтобы вскоре, в декабре 1375 года, покинуть её вновь. В резном ларце покоились грамоты, подписанные рукой Филофея, о рукоположении кира Киприана митрополитом Киевским, Русским и Литовским, дабы он после Алексея стал единым митрополитом.

До смерти геронты Алексея ещё два года. В предчувствии кончины он призвал к себе Троицкого игумена Сергия, но тот от белого клобука отказался наотрез. Вокруг шептались, что Димитрий Иоаннович водил в митрополичьи покои Митяя, который из простых попов угодил сначала в духовники великого князя, а затем и в хранители его печати. Всё было яснее ясного: московский князь и думать не хотел о том, чтобы духовная власть литовскому митрополиту отошла. Шёпотом друг другу на ухо передавали и странные слова геронты Алексея, после которых он впал в забытье: «Благословляю Митяя и я... Если Бог, патриарх и Вселенский Собор удостоят его править русской церковью».

Патриарх Филофей и наречённый митрополит Митяй пережили Алексея всего на год. Первый скончался в заточении, смерть второго была таинственна и внезапна... Посол, вытирая взмокший лоб, вписал в хартию Пумена. «Ох, Юрий Васильевич...» – начал было бледный, как морская пена, Пумен. Но посол оборвал его: «Митрополит Великой Руси должен быть от Москвы!»

Патриархии не было никакого дела до своего скутата, посланного на Русь и забытого там на годы. Мы отчалили от берегов Ромеи с митрополитом Пуменом на борту, не выпускавшим из рук патриаршую грамоту. Кажется, к концу нашего плавания он и сам уже уверовал в то, что не Киприан, а он сам, кир Пумен, – митрополит Московский, Киевский и Русский.

Мы добрались до Коломны, и тут наш обоз остановили дружинники. Оказалось, в канун Вознесения в Москву въехал Киприан, а кто с Пуменом – те заговорщики. Так я, прибывший на Русь первый раз с Киприаном скутатом, стал во второй раз с Пуменом сидельцем.

До призвания Пумена в Москву Димитрием оставался год с небольшим, а до скоропостижной кончины обоих – менее девяти лет. Их внезапные смерти разделял узкий промежуток в три месяца...

Кирилл дочитал последний листок, перевернул – воспоминания обрывались.

– А продолжение?

– Надеюсь узнать его вместе с тобой, – грустно улыбнулся Епифаний. – Увиденное вернее услышанного, но и многократно услышанное убедит, если глаголется истина. Хотя, сказать по совести, страшусь я услышать от него то, о чём и сам начинаю задумываться...

*Москва, Кремль,
2 октября 1410 года, после полунощницы*

Василий Димитриевич написал: «Благословляю своей отчиной великим княжением...» И, скривив лицо от боли, жирно перечеркнул. Перо, жалобно скрипнув, оставило на бумаге кляксу, как след вороньей лапы на снегу.

Точно такими словами завещал на смертном ложе княжество ему самому отец, Димитрий Иоаннович, впервые оспорив право Орды на назначение великого князя. Вторую половину наследия он поделил между младшими сыновьями, а тем временем родился Константин, последыш, которого отец не успел упомянуть. Но всё устроилось: один из братьев, Иван, принял монашество и пережил отца лишь на четыре года. Его похоронили в Спасе на Бору, напротив Пермского епископа...

Князь посмотрел на холодное брачное ложе: Софья которую ночь сидела подле занемогшего отрока. Он был четвёртым сыном, которого родила Витовтова дочь за двадцать лет супружества, но трёх уже похоронили. И вот теперь слёг единственный наследник – тринадцатилетний Ванятка, уж отслужили и отходную молитву. («Господи, почему я только не дал сыну другое имя?!») Только бы не повторить судьбу тестя Витовта! Нет у того наследника.

Взял чистый лист бумаги, вывел нетвёрдой рукой: «А ежели даст Бог сыну моему великое княжение...» Самому ему оно досталось в восемнадцатилетнем возрасте (отцу и того раньше – в тринадцать получил из рук Алексия ханский ярлык).

Впрочем, тут Василий отца обошёл. В те же тринадцать лет он был послан в Орду. Сам. Прибыл туда одновременно с тверским князем Михаилом Александровичем, который привёз сына. Тохтамыш, у которого лоснились руки от праздничного плова, поманил князя, стоявшего на коленях у входа в юрту. «Угощайся! Для тебя ведь разорение Москвы – торжество ещё большее, чем для меня. У меня улусов много, а у тебя – один такой, где тебя как татя в темнице держат. Ты прямыми или колицами ко мне приехал?» – и зашёлся мелким смехом. Михаил Александрович покраснел от досады.

У Василия сердце заплясало в груди: Москва над Тверью верх взяла. Подумал, что и ярлык сам себе в руки упадёт. Ан нет! Выставив тверского князя, Тохтамыш хитро посмотрел на княжича: «А ты у нас поживи, скоро тебя женим, сделаешься чингисидом...»

Василий бежал из плена так же, как и Витовт: благодаря женской самоотверженности. Правда, княжичу не удалось разглядеть свою спасительницу, хотя всякий раз, приходя к хану, он видел её, свернувшуюся комочком в углу ковра. Однажды она разбудила Василия среди ночи. Уже сидя на коне, он нагнулся к ней и, наткнувшись на жёсткое покрывало на лице, вспомнил: ордынцы не целуются...

...И не венчаются. Венчал Киприан. Он торжественно прибыл в Москву, как только ханский посол по осени возвёл во Владимире Василия на отцов престол. Не успели встретить митрополита, как к Рождеству поспешала уж и невеста. Великая княгиня Евдокия Димитриевна сыну не перечила, но смотрела с суровой печалью. Таким же взглядом он сам смотрел на мать, когда она отпустила его в Орду... «Я, мама, великий князь, который, дав однажды слово, держит его...» Проснувшись от звука собственного голоса, он всё ещё чувствовал на себе материнский взгляд. «И почему только привиделась? Надо Киприану бы сказать, чтобы отслужил сорокоуст...» Рассердившись и испугавшись одновременно, стряхнул с себя остатки зыбкой дрёмы: «Да что ж мне сегодня одни покойники на ум приходят!...»

*Троицкий монастырь,
2 октября 1410 года, после третьего часа*

Мелхиседека у ворот Троицкого монастыря не оказалось. Вошли в келью – лежит под образами.

– Мелхиседек! – голос Епифания сел.

... Когда утомление печального дня взяло верх над волнением, Епифаний спросил Кирилла:

– Узнал что-либо?

– Мелхиседек не брал просфорку в свечном ящике, ему её протянул, сказывают, горбун какой-то, мол, взял сразу две и поделился... На утреню Мелхиседек ходил, в трапезной его не было, в бороде крошки – стало быть, хлеб...

– Господи Боже мой, способ-то какой греховный!

– Так ведь тем и действеннее. Кому в голову придёт от просфорки отказаться? Выходит, что продолжение истории Мелхиседека кого-то волнует.

– Мы вроде как один на один беседы вели...

– И всё же как только кто-то слёг в постель и что-то наметилось дивное в быстром течении недуга, так ищи причину, по которой человек этот мог бы кому-нибудь помешать.

– Одна-другая седмица, и нет в живых. Только не каждому повезёт, чтобы скончаться без мук. Димитрий Иоаннович как тяжко умирал!

– А это правда, что тогда княгиня рожала младшего из княжичей?

– Да, князь в те дни разболелся и мучился сильно. Стоны вошли в сердце его, так что разрывалось нутро его. А как преставился, так озарилось лицо его ангельским светом... Только ведь Мелхиседек на хворого был похож мало...

– Яд яду рознь. Я когда ещё в дружинниках был (за два года до Куличек, на Воже), дозорные попа поймали. Сначала-то мы к нему со всей душой, мол, наш, московский, а потом я за его мешок взялся, а там – зелие лютое, хотя с виду не скажешь, глиняные сосудики да и только... Нам тогда про это один дьяк распространялся с немалым удовольствием. По всему видно было, сведущ зело. Не будь его рядом, мы бы и не распознали, что в том мешке было. Глядишь, и век великого князя был бы на два года короче, хотя тридцать восемь лет – какой такой век...

– Нам бы этого дьяка сейчас в советчики... Уж не Малк ли Шигон?

– А ведь и вправду он самый...

– До него при Василии не допрыгнешь.

– Однако мы и без него с большой точностью можем предположить, когда и почему Мелхиседек умер, но мы не знаем, кто, когда и как его отравил, скорее всего, что утром, а значит, тогда это мышье зелье...

– Кирилл, я тебе рад, ты знаешь, но у меня голова кругом. Стоило тебе появиться, как ещё немного, и нам опять бежать придётся...

– Да я, отче, и сам в Перми как-то поотвык от напрасных смертей... Но ты прав: я появился – и уже человек умер.

– Мелхиседек, пока мне свою историю рассказывать не начал, был жив и на родину собирался.

– Сколько людей рассказывали тебе свою жизнь?

– Не считал, но многие. Грехами, утратами и постыдными делами исполнился, собрав много-много различное бремя тлетворных страстей и душевных ядов...

– Ты писатель, а значит, духовник. Только тебе исповедаться это как перед людьми повиниться. Духовнику свои душевные немощи доверишь, и это всё между двоими да Богом и умирает, а у тебя, писателя, ещё и свой духовник есть – перо с бумагой. На смену таинству исповеди приходит её вселюдность. Из-за этого хочется о чём-то умолчать, а что-то подчеркнуть особо.

– Между мной и моими исповедальниками, брате, ещё и переписчик, – уточнил с усталой грустью Епифаний.

– Но тебе ведь и начала рассказа Мелхиседека довольно, чтобы предположить, что было далее?..

Епифаний же в мыслях был далече... В октябре 1398 года, вернувшись из Киева после семнадцатимесячной отлучки, митрополит Киприан вызвал его в Голенищево, примостившееся в окружении леса среди двух рек. Книжник прямо с порога и сказал про то, чем не первый месяц сокрушалось его сердце:

– Стефан преставился. Не в своём пределе, а в Москве. К тебе спешил...

Серое лицо Киприана с горькими складками от крыльев носа до подбородка выглядело гранитным. Потом, наконец, разжались сомкнутые уста:

– Лютый недуг душевный – это зависть: много убийств в мире совершено ею. Кто одержим этой злой страстью, тому нет спасения... – Епифаний взялся за перо, но митрополит остановил. – Не надо... Ныне уже последнее время, и приходит конец веку. А бес сильно рыкает, желая поглотить всех по нашему небрежению и лености. Оскудела добродетель, перестала любовь, удалилась духовная простота, а зависть, лукавство, ненависть водворились, и мы исполнились ухищрения и высокоумия... Горе нам, потому что мы оставили путь правый! Все хотим обладать, все хотим быть учителями, не бывши ещё учениками...

Епифаний, повинувшись многолетней привычке плетения словес, всё равно записал, хотя и не рискнул переспросить, чтобы уточнить: была ли и смерть Стефана убийством, совершённым завистью и двумя её родными сёстрами – лукавством и ненавистью?

*Москва, Кремль, подземная галерея,
4 октября 1410 года, после первого часа*

Вчера ближе к полунощнице Епифаний улыбнулся Кириллу просительно:

– Брате, ну прости! Мне бы промолчать, чтобы ты в плетении моих словес не запутался, как в нитях паучьей сети, но ты согласился на это послушание, вот и вникай... Хочешь, повинюсь вдвойне? И за то, что подорожную в прошлое тебе выписал, и за то, что снова с просьбой к тебе. Выручишь, друже?

– А на этот раз ещё что? – Кирилл старательно хмурился, но чувствовал, как непослушные губы уже расплываются в улыбке.

На сей раз просьба была проще некуда – отнести в Андрониковский монастырь записки с толкованием особо трудных для перевода мест мартирия Феодора Сикста.

Отец Митрофан был занят тем, что усердно наставлял двух держащихся за руки девиц. Так что посланник счёл за лучшее дожидаться его на лавочке у входа. Наконец, зарёванные девицы прошмыгнули мимо, а следом за ними вышел и хмурый исповедник. Взглянув на язвы на ногах Кирилла, тихо спросил:

– А когда малую нужду справляешь, отче, осы на мочу как на мёд садятся?

Тот, стыдясь, торопливо кивнул.

– Я отлучусь ненадолго, ты жди...

Вернулся вскоре с кувшином:

– Есть куда перелить? – Кирилл достал фляжку. – Вот тебе сбор, травный чай, «хубат сай», как называют в Орде. Я твой товарищ по недугу, такой же, как и ты, сладёна...

Справившись с поручением и ободрённый целительной радостью, Кирилл решил прогуляться по берегу Москвы-реки. Кремль, воспрянув после очередного нашествия, белел заплатами на каменной кладке. Мимо одного из таких мест починки шёл человек, которого нельзя было спутать с кем-нибудь другим.

– Малк Шигон! – сказал себе Кирилл и прибавил ходу.

Но старый знакомец, имевший разительное сходство с греческой буквой ζ, словно сквозь землю провалился. («А можно про него сказать – горбун? А в Троицкий монастырь он захаживает?»)

До стены всё же было ещё изрядно, но приблизительно подле того места, где исчез Шигон, Кирилл едва не упал в яму, которая на поверку оказалась колодецем. Исчезнуть Марку Шигону было больше некуда. Подоткнув за пояс рясу, Кирилл начал опасно нащупывать ногами прорубы...

А если на дне вода? Попытался взглянуть вверх, – полуденный лоскут неба был настолько далёк, что оставался только один путь – ещё глубже вниз. Осознав это, он покачнулся и...

Вместо плеска воды раздался грохот. Колодец был сухой, дно его было выстлано сучковатыми брусками, к которым и приложился Кирилл со всей силы. Стены были выложены из белого тёсаного камня на олове – «литой» кладкой.

Наморщив лоб и закрыв глаза, постарался представить рисунок (тот, что скрывался под сулком посоха вместе с другими грамотками, – посылка, стоившая Оршинскому игумену жизни). «Слухи», ведя вглубь Кремля, должны вести в левый придел церкви Спаса на Бору, откуда по крайней мере можно выбраться наружу. Ход повернул направо, теперь идти можно было, только согнувшись в три погибели. («И что ты, Кирюша, дьяку скажешь, если даже догонишь?»)

*Москва, Кремль, потайная палата,
4 октября 1410 года, после третьего часа*

Шелковистый мех, скользнув по округлому пузу, сполз на колени. Малк хотел было поправить – боярин Василий Румянец отмахнулся. Дьяк отпрянул, обмирая: вдруг вздёргнутый на дыбу Сатана не выдержит «испытание железом» и сделает признание? Его час тому назад подвесили за связанные за спиной руки, скрутив их той самой верёвкой, которая была на нём вместо пояса.

– Славная пожилина, – восхитился палач, – такая и удавленника удержит. Откуда у тебя такая?

Вопрос остался без ответа. Румянец, хотя и сам оборотист, но тут диву давался. Ладно бы, переметнулся с одной стороны на другую, это бы он понял – и сам таков (непослушная память тут же напомнила: он стоит перед нижегородским князем: «Княже, не надейся на нас, мы уж теперь не твои и не с тобою, а на тебя...»), но Сатана потаённые делишки проворачивает, словно кашу в котле мешает, – извертелся весь.

– От нас не открутишься!

Палач встрепенулся – у Сатаны кости затрещали.

– Хочешь без дознания оставить?!

Кинулись с дыбы снимать... Малк Шигон особо льнул к пленнику: наклонялся, тормошил, по щекам трепал, пока тот не застонал. Палач перекрестился: слава богу, пронесло. Боярин шубу с колен сбросил, над Сатаной кряхтя согнулся:

– В Москву зачем пришёл?

– Вёз частицы святых мощей Евфимия, Патриарха Тырновского.

– Сказывали, не смог его палач казнить, рука отсохла, в которой он меч держал... Но ты бы по подземным ходам с частицами мощей не лазал. К кому шёл?! От кого?!

Малк Шигон, уже копавшийся в вещах пленника, вдруг радостно взвизгнул. Боярин оглянулся: дьячок победно держал в одной руке вспоротую душегрейку, а в другой – крохотный глиняный сосудик.

– Зелие, – выдохнул дьячок, диковато озираясь. – В Кремль отраву нёс!

– Кому должен передать? От кого?! – взревел Василий Румянец. – Для кого предназначено?!

Снова принялись тормошить Сатану. Тщетно!

– Никак отходит, – догадался палач, Малк Шигон боязливо отстранился в угол: покойников боялся до дрожи.

– Как отходит?! – Василий Румянец обмер: за кремлёвского отравителя, которого загубили, так и не развязав язык, головы не сносить...

*Москва, Кремль, подземная галерея,
4 октября 1410 года, после шестого часа*

Уже различимы шаги, размытым пятном маячит пламя свечи. Кирилл коршуном кинулся на пол... Двое несли третьего. Его тело безжизненно обвисло у них в руках, цепляясь за грубо обтёсанные камни пола.

За ними брёл запыхавшийся третий, держа высоко над головой подсвечник. По виду боярин...

– Может, мы его здесь где-нибудь бросим? – заскулил один, в очередной раз выпустив из рук ноги покойника, обутые в сапоги.

Он выпрямился, и Кирилл с удивлением угадал в темноте знакомое очертание буквы ζ. («Так это ж Малк Шигон!»)

– В реку его, да с камнем на шее, чтобы не всплыл! – раздался раскатистый бас, и погребальная процессия скрылась в правой галерее...

Кирилл вытер лоб, растревожив ссадину. «Значит, мне налево... Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего и прости ему прегрешения вольные и невольные!» – шептал он, не подозревая, что читает отходную Сатане...

Подъём сменился выщербленной лестницей. Кирилл спускался, рискуя сломать шею: ступенек не хватало. Одолев последнюю, упёрся в железные прутья, преграждавшие путь в сводчатую галерею. Возможно, ею пользовались не только для погребения мертвецов в Москве-реке, зажигать свечу опасно. Что-что, а подслушивать знать любит... Кирилл принялся ощупывать решётку. («Если есть замок, значит, должен быть и ключ где-нибудь в кладке»). Кирилл вдруг живо вспомнил, что, когда оступился, ступенька под ногой качнулась. А что, если?... Пятая, седьмая... Стоп! Он приподнял камень, просунул руку, пальцы укололись об острую бородку ключа...

*Москва, Кремль, теремной дворец,
5 октября 1410 года, после девятого часа*

Ванятка спал, выпростав руки из-под укрывавшей его овчины. На изнурённом болезнью теле выступил обильный пот, выровнялось дыхание...

Не смея радоваться, Софья Витовтовна оглянулась на лекарей и по облегчению, отразившемуся на их лицах, поняла: на этот раз Бог смиловался. Послали к Василию Димитриевичу гонца, наказав: коль великий князь почивает – не смей будить, а коль в бдении ночь встречает – утешить доброй вестью.

Борясь с подступавшими слезами («Негоже великой княгине слабость на людях выказывать!»), устремилась по тёмным переходам на осеннее ненастье.

Уснуть всё равно не удастся, решила завернуть в Спасский бор. («Свекровь его особо отличала. Надо бы посмотреть, раз уж собираюсь за храмовое устройство браться. Я ещё всем докажу, какая я «литвинка»! Видишь ли, если Ефросинья, так московская, а как Софья, так «литвинка»!.. Да я душой московская не меньше, чем моя свекровь. У меня в этой земле не деды и прадеды покоятся, а родные сыновья, плоть и кровь моя. А бояре ещё смеют шептаться за моей спиной: «литвинка»! Эх, смерды!»)

... Кирилл налёг плечом на дверь, та поддалась. Мягущееся пламя свечи выхватило из тьмы строгую простоту каменных стен, и Кирилл вздохнул с облегчением. Он был в каменном соборе (таких в Кремле всего три, а тайный ход ведёт только к одному из них – Спасу на Бору. Отыскивая глазами гробницу, поднял свечу повыше и увидел: атласный околыш шапки, белое пятно встревоженного женского лица, подбитый мехом опашень, двойные рукава... («Неужто «литвинка!» Угораздило ж меня!»)

Великая княгиня узрела чёрного монаха, жёлтый песок на его рясе и не менее яркую бороду... («Неужто восстал из мёртвых?!») Софья Витовтовна вскрикнула. Кирилл вздрогнул и разжал пальцы...

– Прошу, не бойся меня, – Кирилл попытался придать своему голосу умиротворяющий тон. – Я просто заблудился.

– А сейчас что ты делаешь? – Софья Витовтовна прислушивалась к сопению у себя под ногами.

- Ищу свечку, я её уронил... («Как бы и «литвинка» не приняла меня тут за орта Стефана...»)
- Возьми мою!
- Спаси Господи...

Кирилл поспешно встал с колен. Холодные кончики её пальцев коснулись его исцарапанной, пыльной ладони. Женщина тут же отдернула руку, Кирилл поспешно зажал в кулаке свечку. Пламя выровнялось...

Софья Витовтовна настороженно смерила незнакомца взглядом. (Будучи Витовтовой дочерью, она прекрасно знала, что сутана или ряса сами по себе ничего не значат. С той же лёгкостью, с какой её отец путешествовал по жизни от церкви к костёлу и обратно, слуги Божии, оставив свои молитвы, охотно погружались в пучину мирских забот.)

Кирилл стоял молча. («Вот как кликнет сейчас стражников... Что я им скажу? Малка Шигона догонял, чтобы поздороваться?») Взгляд Софьи Витовтовны упал на ноги Кирилла. Они были обуты в пыльные поршни. Поймав взгляд «литвинки», Кирилл косолапо перевалился с ноги на ногу и наступил на кончик повороза. Она с облегчением усмехнулась:

- Ступай, отче, только гляди не упади...
- Спаси Господи, – повторил Кирилл, направляясь к двери.
- Постой, – догнал его повелительный оклик. – Не помолишься со мной?

Он вернулся и встал лицом к гробнице, в которой покоился тот, ради кого он сам блуждал среди людей и времён, не зная, когда и чем завершится этот путь.

О преподобный наш отче, священный епископе Стефане,
аки к живому тебе глаголем. О, добрый подвижнике правой веры! Увы мне...

«Увы мне...» – тихо повторила Софья Витовтовна. Кирилл покосился на неё, но счёл за лучшее продолжить.

...Пособствуй и помогай моему сиротству.

Створи о насъ, отче, молитву к Богу...

– «Створи, отче...» – откликнулась Софья Витовтовна, живо припомнив тот день, когда сподобилась увидеть лицо своей свекрови, которое та не успела скрыть за великокняжеской маской.

...Это было весной 1396 года, накануне отъезда Василия в Смоленск. Софья Витовтовна шла к мужу, собираясь шепнуть, что тяжела снова. Дойдя до приотворенной двери, поняла, что он не один, и остановилась. «Матушка, он Пермский епископ, зачем ему лежать в Москве?» Голос Василия звучал хоть и громко, но неуверенно. («Боится маменьки, тушуетя перед ней, как маленький мальчик! Но что, право, за спор они затеяли?») Мать отвечала сыну твёрдо, но тихо. Софья Витовтовна с трудом разбирала обличающие слова.

«А почему ты побежал его навещать, когда услышал, что он слёг, если он для тебя лишь Пермский епископ? Скажи мне, ты у смертного одра Стефана молча стоял или смог всё-таки что-то вымолвить? Это было последнее «прости» – да, сын? А всему православному русскому люду ты тоже «прости» скажешь?!» – «Хорошо, пусть Стефан покоится в Москве, но только не в великокняжеской усыпальнице. Ты понимаешь, что могут сказать люди?» – «А вот об этом надо было раньше думать. Но тебе вникать в сущность происходящего некогда, ты к Витовту в разорённый им Смоленск Пасху праздновать спешишь. С кем христосоваться собрался?»

Невестка не видела выражения лица свекрови, та стояла спиной к двери, прямая и неподвижная. Василий же молчал... «К тому же, может быть, я подбираю себе попутчиков в долгий путь? – Софья Витовтовна была уверена, что на бледных губах Евдокии Димитриевны промелькнула печальная полуулыбка. – Вот храм Рождества Богородицы, Бог даст, дострою, и можно отдохнуть. Хоть там, рядом с Машенькой, хоть в Святом Спасе, неподалёку от Ванечки. Ему по кротости его духа только и оставалось что слыть не от мира сего. Мне уж тоже пора отрешиться от земных забот. А пока я не там, а здесь, место слева от Ванечки займёт завтра Стефан, ибо «смертному сему облечься в бессмертие». – «Мама! В Спасе на Бору покоятся те, кто не

правил, но к великокняжеской семье принадлежал по крови!» – «Ну что ж, а теперь будет там лежать тот, кто не княжил, но правил. Кому, как ни тебе с Киприаном об этом знать. И довольно об этом».

Свекровь вышла, задев невестку (нарочито, как той показалось) острым плечом. «Да! Такой я уже видела её, – сказала себе тогда Софья Витовтовна, – гневно изогнутый рот, невыплаканные слёзы... Неужто и вправду под затканным золотом плащом власяница и вериги? – зябко передёрнула округлыми плечами. – Не буду входить к мужу, ему и так в дорогу давно уж пора. Лучше после Смоленска скажу. «Витовтово семя» ещё надо суметь выносить...»

Кирилл бросил осторожный взгляд на «литвинку»... «Аминь», – тихо заключил он и, стараясь не наступить на повороз, ползущий за ним змейкой, бережно притворил за собой дверь.

*Москва, Кремль, Чешковы ворота,
5 октября 1410 года, до утрени*

Властный стук поднял Малка Шигона из постели. Сбросив крючок, едва успел отступить. Стражник скомандовал с порога:

- Отравителя поймали! Через Чешковы ворота пытался уйти.
- Он что... живой был? – Малк мутными спросонок глазами уставился на нарочного.
- А ты сам как думаешь? – помолчав, поинтересовался стражник.

...«Отравитель» кособоко сидел на краю лавки, тщетно пытаясь завязать разбухший от воды повороз.

– Где зелие-то?

Ратники протянули кошель. Малк высыпал на стол содержимое, лениво начал ворошить указательным пальцем:

– Люцерна... Чага... Створки фасоли... Корешки элеутерококка и солодки... Листья черники... Шалфей... Это что ж у тебя такое?

– «Хубат сай», – промямлил Кирилл. («До чего ж мне не везёт с травками-то! Второй раз из-за них влип!»)

Недавний ужас отпустил Малка Шигона, на смену ему пришло ликованье («Всё шито-крыто! Никто не видел, никто не знает!»), и теперь ему тоже хотелось кого-нибудь утешить тоже. Самым подходящим человеком был для этого сидящий в углу «отравитель».

– Пусть идёт с богом! Это от сахарной болезни травный чаёк, точно!

– А в Кремле что делал? – не сдавался стражник.

– Молился... В Спасе на Бору.

– Один?

– Нет, с ли... с великой княгиней...

Старший из стражников махнул рукой: ступай, мол, с глаз долой да поскорее. Кирилл подхватился проворно, но в дверях всё же замешкался:

– А мы уж встречались, на Воже... Ты ведь Малк Шигон? А я... у Димитрия Иоанновича в ратниках был... Кирилл я...

– Это когда попа изловили с зелием лютым? – В глазах промелькнул ответ прошлого, Малк вроде как выпрямился, но тот уже снова превратился в букву ζ и тихо молвил: – Ступай, давно это было...

Малк Шигон залез в постель, укрылся с головой. («А не зря ли я отпустил старого знаконца? Ну да, у него и впрямь был травный сбор, но что бы ему не выбрать для своей ночной молитвы другой собор?») Гости из прошлого – всегда судьи, даже если сами годятся в обвиняемые. В течение одной седмицы в жизнь Малка Шигона вклинились, не спросясь, трое. Одного он отпустил, а остальных...

Воспоминания дьяка Малка Шигона о событиях,
предшествовавших 1389 году и последующих лет

Сегодня было всё, как когда-то на Воже. Только вместо пленного попа был сам Сатана – человек, которому я подчинялся без малого тридцать лет. Одного его слова было достаточно, чтобы Василий Румянец – один из немногих бояр, которые при Василии не только не были удалены, но и набрали силу – понял, что я служу не одному московскому князю. Он бы этого без внимания не оставил. К тому же по опыту я знал, что на дыбе люди становятся очень разговорчивыми, и одним словом не обойдётся. Тогда я и вспомнил того несчастного попа с зелием в мешке.

Подложить в вещи Сатаны один сосудик, чтобы пустить в дело другой, оказалось проще некуда. Василий Румянец, увидев отраву, вскипел, а мне ничего другого и не надо было. Когда я ринулся к Сатане якобы выбивать признания (мышье зелие уже было у меня наготове, моя жертва не противилась: может, Сатана и сам видел в том лучший выход?).

Я смотрел из дальнего угла на умирающего, боясь, не сорвётся ли с его языка неосторожное слово, но он вскоре затих окончательно. Боярин был так напуган тем, что у него без признания умер отравитель, что даже не дал себе труд задуматься над причиной его внезапного ухода. И всё же мне было жутко нести Сатану по подземным переходам. Дело не в моём страхе перед покойниками, а в том, что я боялся Сатаны, даже мёртвого...

Вернувшись в 6890 году с Вожи в Москву, я был уверен, что пойду вверх как на опаре: дьяк, искушённый в лютых зелиях и отведший смертельную угрозу от самого князя! Но кто я был в глазах бояр, теснившихся вокруг Димитрия Иоанновича? Дьячок без роду-племени и достатка. Он же величал их князьями, равными себе. Не удостоенный вознаграждения, я стремительно остывал в служебном рвении.

Сказать по правде, я по-своему сочувствовал попу, взявшемуся – не сомневаюсь, что ради внушительной mzды – за опасное поручение. Мне часто виделся его растерянный взгляд и встрепанные, будто готовящиеся встать дыбом, редкие волосы. Но ещё больше я разумел того тысяцкого, который его нанял: он-то ведь был не последний человек на Москве, а князь единым росчерком пера отказался от тысяцких вообще.

Уличённого мною попа уволокли в пыточную, прихватив и его мешок. На меня никто и не взглянул. Я побрёл восвояси, мучительно соображая, куда спрятать опасное приобретение. Да! Едва ли не половина сосудиков перекочевала ко мне.

Меня поймёт только тот, кто и сам получал тайную власть над чужой жизнью. Мне не терпелось исследовать содержимое, способное затворить не одни уста, но я велел себе не спешить, сначала пусть забудется история с вожским попом. Теперь я уж и рад был, что мои заслуги по его изобличению остались незамеченными.

«Всею своё время», – повторял я себе. И оно действительно пришло спустя три года вместе с подсевшим ко мне монахом, пышность бороды которого наводила на мысль о том, что туда перебежали все волосы с его лысого лба. С отцом Андреем (он так назвался) мы начали с малого – я раздобыл для него кое-какие великокняжеские грамоты.

Однажды, когда я ввечеру переписывал кое-что из свежего, в приказ неожиданно зашёл один из дьяков, обязанностью которого были деликатные поручения по доставке этих самых грамот. Я быстро накрыл письма своей цифирью, но по взгляду понял: он не преминёт доложить. Поскольку поутру мы трапезничали за одним столом, то пустить в ход один из моих сосудиков было нетрудно. К тому же мне удалось всё представить так, будто я за стол сел уже тогда, когда он повалился лицом в кашу.

«Ну что ж, ты сам её заварил», – мысленно сказал я ему, изобразив смятенный ужас. К полудню это выражение на моём лице сменила сосредоточенность. А как иначе, если меня назначили на его место, вспомнив, между прочим, и то, как я отличился на Воже!..

После этой истории я понял: мышье зелье действует почти мгновенно (если не скупиться), но хорошо лишь тогда, когда, к примеру, человечиска так мелок, что никто и не возьмёт на себя труд подумать над его внезапной смертью. Иное дело – сулема, она, как затаённая месть, действует неспешно и неуловимо, но требует терпения. Знавал я человека, кому нет равных

в выдержке... Смертное зелие подобно стреле, дремлющей в колчане до заветного часа, когда она будет выпущена и её полёт остановит лишь сердце, которому она предназначена. Две такие стрелы и были выпущены в 6897 году.

Первая поразила Димитрия Иоанновича. Умирал он трудно, рядом с ним были опытные лекари, да и телесно он был ещё молод и потому сопротивлялся вовсю. И всё же нечто тайное о странном течении его болезни достигло уха тогдашнего московского митрополита.

Великий князь был ещё жив, когда Пимен отправился речным путём в Рязань. На трёх стругах! Тут бы смекнуть... Но когда его хватились, уже было ясно, что в Москву он не воротится, будет пробираться в Византию. Мы кинулись вдогонку.

Пимен не мог не понимать и того, что Василий, получив ярлык, призовет Киприана, ждущего своего часа десять лет. И вот про него-то Пимен и намеревался в Царьграде открыть нечто, чем он – и это наша удача – не хотел делиться ни с кем. На сей раз ему было что сказать в патриаршем суде... Я думаю, известие о том, что Димитрий умер, застигло Пимена в Азове. Может быть, он узнал о кончине от ликовавших татар, не знаю, но что-то заставило его вести себя с удвоенной осторожностью. Он исчез! Мы метались, высматривая корабль, который бы согласился взять попутчиков, понимая, что опоздали...

Бежать? Куда? Да и все накопления, довольно скромные, остались дома. Пришлось возвращаться в Москву. А там будто только меня и ждали. В приказе встретили как родного и велели, дожидаясь нового поручения, отдыхать и набираться сил. Я где стоял, там и сел.

Мало-помалу выяснилось, что Пимена, как только он переправился через Понт, подстерегли дважды. Сначала кредиторы-генуэзцы, которым он задолжал ещё с первой поездки в Царьград. Увидев себя в оковах, Пимен откупился, отдав последнее, и продолжил путь, но добрался лишь до Халкидона. Тут его и настигла смерть. Моё подозрение, что промышлял не я один, переросло в уверенность. Коль стрела выпущена, она настигнет всюду...

Между тем начали разбирать бумаги, относящиеся к делам покойного князя. Я оказался в числе доверенных дьяков, поскольку ведал цифирью. Мы раскладывали всё накопившееся на две стопки. Поменьше – для истории. Побольше – для костра.

В прежние времена над нами бы был поставлен боярин, а нынче окончательный просмотр отобранного был возложен на меня. Я перебрал пару грамот из «истории» в «костёр» и затем стал бегло просматривать то, что надлежало сжечь. Большею частью это были черновые грамотки, свидетельствующие о допущенных писцами ошибках. Но попадались изредка благодарения, прошения, а то и клязвы. Последние я вылавливал, если они относились к делам недавним. Список «доброжелателей» юного князя пополнялся...

Я развернул очередное послание, пробежал с пятого на десятое: «Больную овцу отделяют от стада. Уязвлённого змием нужно лечить... Ты, как ветроградарь, должен обрезать железом дерево от чуждых наростов...» Требовательность письма сбивала с толку, я вернулся к началу: писавший обращался к великому князю. «Не должно тебе молчать...»

«Может быть, и не должно, но замолчал ведь!» – мысленно ответил я и взглянул на подпись внизу: «Стефан, епископ Пермский». Ну что ж, внесём в список и это имечко...» Окрестив бумагу – не без язвительной насмешки – «доброжелательным поминальником», я переписал её дважды. Один листок получил ход в приказе, другой я вручил отцу Андрею, а третий оставил у себя.

Кто-то отправился вместе со всем семейством в ссылку; кого-то достали из петли в собственном доме; кто-то, попирав в гостях, внезапно слёг; кого-то зарубили тати на безлюдной дороге...

Прослышав про очередную кремлёвскую смерть, я сверялся с черновиком и, отыскав имя новопредставленного, вычёркивал. Когда список опустел на треть, я понял, что все случившиеся недавно смерти имеют прямое к нему отношение. Поскольку «доброжелательных поминальников» было два, я ясно понимал, что боярские рода, хоть и удалены великим князем с глаз долой, многочисленны и злопамятны. Я перестал есть со всеми, стал чураться застолий, избегал выходить без особой надобности на улицу.

«Доброжелательный поминальник», из которого я продолжал вычёркивать людей, взял надо мной власть. Вскоре в списке осталось только одно имя – Стефана Пермского...

Глава XIV

В ловушке правд

*Золотая Орда,
низовье Сырдарьи, ставка Едигея,
6 октября 1410 года, до утра*

Перекасти-полем кочевала по степи выюга. Её заунывная песнь, смешиваясь с видениями, встревожила душу Едигея волчьей тоской. Эмиру снилось, будто он на всём скаку пытается снять копьём кольцо, которое держит двумя пальцами Железный Хромец.

Едигей, целясь, чувствовал, как тщетны его усилия: копьё норовило выскользнуть из слабеющей руки. Это было так странно и непривычно! Но и во сне седой ордынский князь понял: пришла старость. А Тимур-хан, жёстко усмехаясь, дразнил его блестящим, толстым кольцом. Едигей, щурясь, присмотрелся: Железный Хромец держал змею, проглотившую хвост!

Очнувшись, приподнялся на локте. Младшая жена, свернувшаяся калачиком у него в ногах, тут же пробудилась: «Тебе что, Идику?» Припухшее спросонок личико не выражало ничего, кроме готовности повиноваться. Махнув ей рукой, чтобы отстала, Едигей с наслаждением отметил, что наяву тело слушается его всё же много лучше, чем в сновидении.

Он вышел из юрты и остановился, задрвав голову вверх. Бесчисленная россыпь звёзд безразлично взирала на властителя Золотой Орды...

Продрогнув, Едигей вернулся. Мягко ступая по настанным в три слоя шкурам (Москва, неохотно славшая дань, много лет откупалась великопермским зверьём), сел за шахматы. Он узнал об этой игре в тот далёкий день, когда его ставленник, Железный Хромец, позвал его к себе, чтобы в ответ за сделанное для него назначить эмиром.

Тимур-хан сидел за огромной шахматной доской с десятью полями, благодаря которым снабдил противоборствующие стороны фигурами осадных машин, верблюдов, мулов, разведчиков. Едигей же, даже научившись, за такими шахматами чувствовал себя потерявшимся в степи. Он предпочитал 64-клеточные, причём любил самое начало игры, когда белые и чёрные неподвижно стоят напротив друг друга, и каждому из игроков кажется, что всё в этой партии будет зависеть только от его хитроумных ходов. «В шахматах, как в битве, – наставлял Едигея Тимур-хан. – Чтобы уничтожить врага, нужно овладевать полями, заманивая в ловушки...»

Седой ордынский князь, вспыхнув, смешал фигуры. Ловушки!.. Да разве мало он их расставил, прежде чем пойти на Русь! За два года до набега, лукавя, заключил мирный договор с Василием. Тот был рад-радёшенек, что нашлось с кем дружить против тестя Витовта (того накапать следовало, чтобы и в мыслях не становился выше Орды).

Едигей тогда поразвлёкся, разжигая вражду между своими. И когда показалось, что стороны измотаны междоусобицей, выступил походом, но не на Витовта, как обещал, а на Василия...

Едигей хотел было позвать стражника, караулившего у входа в юрту, чтобы тот собрал со

шкуры разбросанные шахматы, но раздумал: он любил предрассветные часы одиночества. Запустив руки в густую медвежью шерсть, наугад выудил несколько фигур, поставил их на доску и удивлённо зацокал языком. Задача получилась занятная: у чёрных – два коня и король, у белых помимо конницы ещё и ладья. Едигей, оценив положение на шахматной доске, рассмеялся.

Смех перешёл в кашель: у белых не было короля, хотя и перевес был на их стороне. Не касаясь фигур, мысленно просчитывал те два убийственных хода, которые решили исход битвы. На большее – эмир сознавал это – у него самого уже не оставалось времени и сил.

*Троицкий монастырь,
6 октября 1410 года, третий час*

Епифаний не сразу услышал стук, но знакомый голос заставил вскочить, чтобы самому распахнуть перед пришедшим двери:

– Где же тебя носило, Кирилл?!

– Не сердчай, брате. У меня подарочек, – Кирилл потряс холщовым мешочком. – «Хубат сай!»

– Ты за ним в Орду ездил? – без тени улыбки поинтересовался Епифаний. – Вообще-то я волновался!

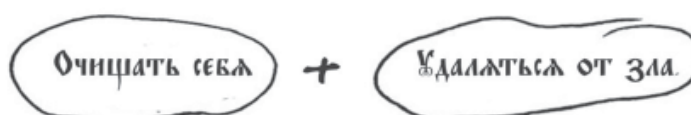
Кирилл виновато вздохнул и принялся за рассказ... Епифаний слушал и изредка отмечал что-то на клочке бумаги.

– Выходит, Малк из писарской в пыточную перебрался...

– Так за этим кремлёвским забором вообще невесёлая жизнь, если «литвинка» в ночи одна по храмам бродит. Да и Малку Шигону тоже, как видно, сильно не по себе. У него глаза такие... Как в чёрный колодец глядишь... Представляешь, какая у него сила над людьми? Вот сказал бы, что у меня не травный чай, а зелие лютое – и всё...

– Ты бы об этом подумал, когда в подземный ход лез.

– Ну, азарт, брате, дело такое... Зато я на обратном пути письмо Стефана обдумывал так и этак. На письме сподручнее объяснять будет, – высунув кончик языка, Кирилл обвёл каждое из словосочетаний.

– Это то, чего Стефан хотел от Димитрия Иоанновича. Про очищение всё понятно: «Начало премудрости – страх Господень». Только вера вере рознь. Стефан сам об этом чуть ниже пишет: «Нам не следует прилагать к изложенному или повеленному, или отнимать от сего – чтобы, преступая отеческие заповеди, опять не подвергнуться нам бедствиям...»

– А, бур, гай... – весомо заключил Епифаний.

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял Кирилл.

– То, что в азбуке, составленной Стефаном для пермян, тоже эти отеческие заповеди есть. Подвинься-ка, я тоже немножко порисую...

– Начало доброе троица, – прошептал Кирилл. – Вот для чего ему нужна была пермская азбука! А остальные буквы?

– И остальные... Но мы отвлеклись, Кирюша, давай-ка уж ты про письмо Стефана Димитрию Иоанновичу закончишь.

– Хорошо, только про удаление от зла так легко не подытожишь. Я тут попробовал составить краткий поминальник того, что произошло в год смерти Димитрия Иоанновича.

– Вот ведь какой конец! Прямо как в сказке, когда добрый молодец всех победил и в награду ему досталась красная девица. Я спросил себя (и тебя теперь хочу спросить тоже): к чьему благополучию разрешилась история? Молчишь по обыкновению? Ну тогда я скажу. За всем этим хитросплетением я вижу одного человека. Это Витовт. А за его спиной ещё два лица, измученных обязательствами перед – опять-таки! – Витовтом: Киприан и Василий. Смотри, на них дальше в письме Стефана прямое указание!

– Так уж!.. Я вот тоже «заблудился, как овца потерянная».

– Да, но потерянная овца совсем не то, что больная.

Епифаний посмотрел строго и хмуро. Кирилл смущённо кашлянул:

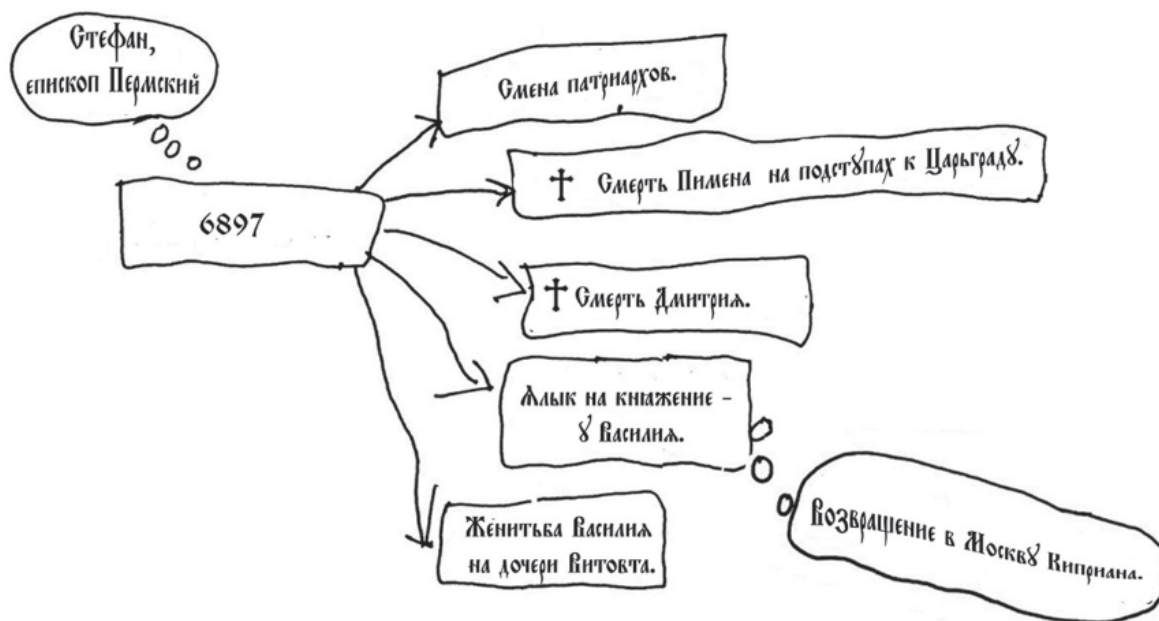
– А я что?.. Я просто сравниваю. У Стефана: «Больную овцу отделяют от стада». У народа: «Паршивая овца всё стадо портит». Ну не смотри так! Хочешь, я словами из Библии скажу, чего он опасался?

Кирилл прочитал выписанное на клочок бумаги:

– «Ибо пастыри сделались бессмысленными и не искали Господа, а потому они и поступали безрассудно, и всё стадо их рассеяно». Ну вот, а теперь я скажу то, что тебя совсем расстроит. Все мы – Божие стадо, не так ли? Значит, духовные овцы – не только паства, но и пастыри, и митрополит в том числе. Кстати, московский князь – я сейчас про Димитрия Иоанновича – литовского митрополита и не принял, хотя и пытался, видно, на свою сторону привлечь. Сколько раз он его изгонял?

– Не по себе мне... Но последнее слово Стефана и вправду было об этом. «Стойте за веру твёрдо, берегитесь еретиков, остерегайтесь развратников веры, спасайтесь от приходящих расколов церковных и от наступающих раздоров», – это в первую очередь. Об этом была его главная тревога. А уж во вторую – от ересей и только в третью – от кумирслужения. Но оставим это. Я понял ход твоих размышлений. А уязвлённый змием?

– «Уязвлённого змием нужно лечить», – ответил Кирилл словами Стефана. – Змий – Витовт, а уязвлённый им – Василий, с тех пор как бежал из Орды в Литву, – и, исчерпав слова, нарисовал...

– И что?! Что ты этим хочешь сказать?

– Только то, что после 6897 года Стефан остался один. Все семь отпущенных ему лет. Тех, на чьей стороне он был, в 6897 году посетила смерть, причём в один и тот же год.

*Золотая Орда,
низовье Сырдарьи, ставка Едигея,
в год 6918 месяца листопада в 7-й день, до утрени*

Едигей, закончив размышлять, решительно взялся за ладью. Когда королю шах, выбирать не приходится. Чёрным ничего не останется, как съесть туру и обречь себя на смерть. Едигей снова закашлялся, лицо его исказилось гримасой смеха. Конница белых, пожертвовав ладью, объявила чёрному королю шах и мат. Это так. Да только вот от этого белый король на доске не появился. «Вселенная мала, – вспомнил Едигей Тимур-хана, – вся вмещается здесь».

Вот и расклад сил после смерти Дмитрия Иоанновича был на этой шахматной доске. Король чёрных повержен, но от этого белые не приобрели своего короля.

Его, Едигея, на этой доске нет. Чёрными судьба играет с Василием. Белыми – с Витовтом. Так было угодно тому, кто расставил все эти фигуры и кому не составит труда смахнуть их с доски. Вот об этом он сейчас Василию и напомнит. Эмир велел позвать толмача.

«От Едигея поклон к Василию... Великий Хан послал меня на тебя с войском, узнав, что дети Тохтамышевы нашли убежище в земле твоей... Вы ругаетесь не только над купцами нашими, не только всячески тесните их, но и самых Послов Царских осмеиваете... Спроси у старцев: земля Русская была нашим верным Улусом; держала страх, платила дань, чттила Послов и гостей Ордынских... Что вышло? Разорение твоему Улусу. Хочешь ли княжить мирно? Призови в совет Бояр старейших... пришли к нам одного из них с древними оброками, какие вы платили царю Чанибеку, да не погибнет вконец Держава твоя. Всё, писанное тобою к Ханам о бедности народа Русского, есть ложь: мы ныне сами видели Улус твой и сведения, что ты собираешь в нём по рублю с двух сох: куда ж идёт серебро? Земля Христианская осталась бы цела и невредима, когда бы ты исправно платил Ханскую дань; а ныне бегаешь как раб! Размысли и научися!»

Войлочный полог юрты колыхнулся. Доверенный визирь подполз, чтобы сообщить не терпящую отлагательства весть: скончался Пулад-хан. Едигей, недослушав, махнул рукой, чтобы молчал. Теперь, когда Железный Хромец займёт престол в Орде, он не сможет избавиться от всемогущего ферзя, каким был Едигей, в два хода. Задача будет многоходовой, решаться она будет на излюбленной десятипольной доске Тимур-хана. Железный Хромец поднимет кочевую знать. Да и сыновья Тохтамыша дремать не будут...

– А что делать с письмом?

– Доставить! Кто за меня, те со мной!

И, зная, что в глазах молодых воинов он уже лёгкая и скорая добыча, предпочёл не оглядываться. Долой из Орды, в Хорезм!

*Ростов Великий, кремль, митрополичий сад,
7 октября 1410 года, первый час*

Опавшие листья зашуршали под ногами. Архиепископ Григорий любил ту краткую пору, когда на непомеркшее золото листья ложилось серебро первого снега. Сегодня был как раз такой дивный день, но он был безнадежно испорчен: Юстиниан требует отчёта за тайное поручение – убедить племянника покойного Киприана уехать из Киева в Ростов, чтобы свидетельства прошлой смуты не оставались в Литве. Поручение исполнено лишь наполовину, а главное – архиепископу не улыбалось посредничество в византийских играх вокруг русской митрополии.

Уж так не раз бывало: патриаршими указами да судами поддерживали то Киприана, то Пимена, то Дионисия. Последний так втянулся в эту возню, что по дороге из Царьграда попал в Киеве в оковы, там и голову сложил. Да, никого уж нет из иерархов сих...

*Воспоминания
епископа Ростовского Григория
о событиях 6 сентября 1406 года*

Киприана хоронили в усыпальнице духовных владык московского княжества – в алтаре Успенского собора, вблизи от митрополита Петра, с которым новопреставленный чувствовал схожесть судеб, а потому позаботился о том, чтобы не остался венец этого святителя без достойного украшения, – Житие Петра, написанное Киприаном, тому доказательство. В полу храма зияла свежеврытая могила. Я читал духовную грамоту тем, кто пришёл

сказать последнее «Прости и прощай!». Но эта минута ещё не наступила, ибо сначала прощался со всеми сам Киприан.

«...Я, грешный и смиренный Киприан митрополит, вижу, что постигла меня старость, впал в частые и различные болезни, ими же теперь одержим, человеколюбно от Бога казним грехов моих ради; болезней на меня умножившем, возвещая о моём ничтожестве; разве только смерть и страшный Спасов суд достойно рассудят обо мне...»

У меня было чувство, будто вовсе и не я произношу эти слова, хотя их творитель лежал строгий и безгласный.

«Возлюбленному сыну моему, великому князю Василию Димитриевичу всяя Руси, даю мир и благословение и последнее целование и с его матерью, и с его братиею, и с его княгинею, и с его детьми, и с их княгинями, и с их детьми...»

Всяя Руси! Как выпрямился Василий, когда услышал эти посмертные слова своего духовного отца, шедшего к всерусскому митрополитству десятилетия...

Князь стоял рядом со вдовствующей великой княгиней. На её будто восковом лице выделялись глаза: я так и не понял, что в них было ещё, кроме приличествующей случаю скорби. Мне показалось странным, что Киприан, уходя, не назвал по имени никого из великокняжеской семьи, кроме возлюбленного духовного сына.

«Если же на кого епитимью наложил, или невниманием или виною, а не поискал он разрешения, и в том забытьи учинилась ему смерть, или кого учил, а он ослушался, все они о Святом Духе разрешены и прощены, и благословенны, и молюсь человеколюбцу Богу, да отпустит им грехи...»

«Были такие!» – сказал кто-то. Запнувшись, я продолжил чтение. Когда отзвучало последнее «Аминь!», великая княгиня первой пошла к выходу. Все, кланяясь, расступились...»

Троицкий монастырь, р. Клязьма,
в год 6918 месяца листопада в 8-й день, полунощница

Владыка Ростовский шагнул в келью... Епифаний с удивлением привстал из-за стола.

– За работой пропустил рассвет? – улыбнулся Григорий.

– Излишество сна – причина забвения; бдение же очищает память, – святоотеческими словами ответил Епифаний. Он в эту ночь – в который уж раз – вернулся к описанию недавнего нашествия, которому сам был соучастник и свидетель.

«Лукавый Едигей стяжал у Василия большую любовь и высокую честь ему воздавал, многими дарами его почитал и – более того – именовал его своим любимым сыном, и много всего обещал ему... Василий обо всех обидах от Витовта поведал по любви Едигею. Услышав о том, враждолюбец Едигей возликовал сердцем пуще кровожадного зверя, ещё больше разжигая в них гнев...»

Епифанию уже приходилось оплакивать разорённую Москву. Нашествие Тохтамыша семнадцать лет назад было не менее опустошительным и всё же не таким вероломным. По крайней мере Тохтамыш к Димитрию в отцы не напрашивался... Но Ростовский владыка приехал не за тем, чтобы рассуждать о лукавстве Едигея, ему нужны Киприановы письма.

– Не тяжела ноша, – архиепископ взвесил свиток на ладони.

– Так это ведь только часть...

– Да-да, конечно. Поеду я, чтобы за один день обернуться. Ничего, если мой служба у вас меня дождётся? – и отступил...

Епифаний смотрел на Зосиму, а видел Пашутку. («Стефан в последнюю поездку в Москву привёз с собой его и оставил дожидаться в Ростове. Зачем? Чтобы без присмотра слабую душу не бросить? Или чтобы в случае нужды поручение дать?»)

Кирилл хмурился, избегая смотреть на Зосиму. А тот и сам был готов раствориться в воздухе. Архиепископ Григорий понял: радушная встреча нисколько не удалась.

– Прогуляемся? – спросил он Епифания. Тот охотно поднялся.

В сгустившейся мгле блуждали редкие снежинки. Казалось, ни одна из них не достигала земли, а, покружившись, улетала ввысь.

– На вот, – архиепископ вернул свиток Епифанию, – у тебя сохраннее будет.

– А как же Юстиниан? С чем останется он?

– Я ему не верю, – спокойно ответил Григорий. – Я просмотрел бумаги, пока вы Зосиму глазами ели. Три самых безобидных грамотки отложил, чтобы отдать. Не могу тебе этого объяснить...

– Я и не смею настаивать, – Епифаний поднял ладони.

– Нет, ты меня не так понял. Ему нет никакого дела до нашей митрополии. Нельзя. Тут не то, что сана, но и жизни лишиться можно. Второй Рим – этим всё и сказано. Сам знаешь, кто-то на обратной дороге... Дионисий Суздальский тому пример. С Царьграда окрылённый ехал, дескать, всех одолел: и Пимена, и Киприана, а в Киеве в оковы попал да там голову и сложил. Хотя в его случае, может быть, и не в Царьграде дело, а в том, что с Киприаном тягаться вздумал...

Архиепископ умолк, окидывая взглядом чёрный купол неба.

– Я спрячу. Ты не прогневайся, отче, только я ведь, прежде чем тебе отдать, и без того грамотки располовинил. Прости, я ведь думал, ты Юстиниану всё отдашь.

Архиепископ молча кивнул. Епифаний вспомнил про свои размышления о Пашутке и потому спросил:

– А скажи мне, отче, зачем ты Зосиму привёз?

– Да как тебе сказать... Опять-таки повинуясь предчувствию. С кого история эта началась, тем и должна закончиться. Бог не допустил, чтобы он сделался убийцей поневоле.

– А не боишься, что он может стать и предателем поневоле, а потом снова раскаяться?

– Лучше явный грешник, чем прикидывающийся святошей. По крайней мере, знаешь, чего ждать.

– Знаешь, чего ждать, – повторил задумчиво Епифаний. («Вот и Стефан, должно быть, знал, чего ждать от Пашутки, и потому хотел, чтобы он был рядом с ним, а не с кем-то другим?»)

– Зосиму мне оставить с вами или с собой забрать? – вернул Епифания в сегодняшний день голос архиепископа.

– Тут у нас уже и до Зосимы охота опять началась, ты бы уезжал, отче, да и Зосиму с собой забрал, совсем ещё ведь мальчишка...

– Да, я понял тебя. Вот на полугодие Владимира Андреевича Храброго побуду и поеду. Ты сам-то в Архангельский собор на службу собираешься?

– Надо бы, – со вздохом кивнул Епифаний.

– Вот и я так думаю. Таких, как он, уж и не найти: быть третником и отказаться от права на великое княжение! Ты же знаешь, он ведь после кончины двоюродного брата Димитрия Иоанновича признал племянника Василия своим старшим братом. Это ж насколько надо отчизну любить более власти!

*Москва, Кремль, потайная палата,
в год 6918 месяца листопада в 9-й день, третий час*

Малк Шигон корпел над тайными грамотками, которые ему препоручил византийский посол Юстиниан. Отсчитав пять гривен, Юстиниан пообещал ещё столько же, когда Малк разгадает слова, смысл которых тёмнен. Искушённый в тайнописи ничуть не меньше, чем в зелиях, Малк Шигон знал: найдёшь ключ – погибешь на себя накличешь, потому что тайну узнал, не найдёшь – конец тот же, потому как ни на что не годен. И так и эдак – глазом моргнуть не успеешь, как на дыбе очутишься, а то и того хуже – испустишь дух, как Сатана, если не от пыток, так от зелия лютого...

Малку были известны два способа тайнописи. Первый способ был трудным и требовал от владевшего тайнописью немалой смекалки, чтобы сохранить секретным послание, написанное, скажем, кириллицей, заменять буквы другим алфавитом, а то и цифирной азбукой.

Такая литорея стоила писавшему жизни. Малк и сейчас ясно видел перед глазами текст, где греческие буквы перемежались кириллицей и пасами. Это была Стефанова грамота, сочинённая им для пермян и взятая московскими писцами на вооружение. Тогда-то Малк Шигон и убедился: если глаголица подменена абуром, то прочесть написанное дано лишь тому, кто посвящён в тайну, или тому упряму, которому однажды откроется её смысл...

Второй способ тайнописи был много проще и состоял в подмене слов или букв другими. Глянешь – вроде бы бессмыслица, а нет! Стоит уловить тайный порядок – то ли по вертикали, то ли шиворот-навыворот – и выстраиваются буквы в слова как хор на клиросе. Узкий свиток гусеницей сполз со столешницы вниз. Малк Шигон подхватил его и стал вглядываться в написанное, пока не взвизгнул от удовольствия: несомненно, здесь явно имел место второй способ.

игумену Семчию и ичурепу Федору

Подмене подвергнуты лишь некоторые из букв. Более того, прибегший к тайнописи – а это покойный митрополит Киприан – искушён был в ней самую малость, иначе бы не поставил рядом то, что уже содержало подсказку: *г – ч, м – р, н – п*, в то время как буквы *и, у, е* оставались неизменёнными. Итак, послание предназначалось двум игуменам – Фёдору и Семчию. Малк мысленно подставил *рг* вместо *мч* и чуть было не выкрикнул вслух: *Сергию!*

Ага! Так это он к Сергию Радонежскому обращался, но опасался, что послание попадёт в руки Димитрия?! У Малка аж дух перехватило, тайные грамотки делали его причастным к десятилетней борьбе за митрополичью кафедру после смерти Алексия. В конечном итоге Московским митрополитом стал Киприан. И к нему, некогда вопрошавшему: *«Если вы желаете добра душе великого князя и всей его отчине, зачем вы молчали?»*, устремился и автор азбуки, которую так полюбили московские писцы, – Стефан. Как оказалось, навстречу собственной смерти.

Почему? Потому что он, Стефан, говоря словами Киприана, отрекшись мира и живя одному Богу, видя такую злобу, не умолчал. Вот и зря!

Отгоняя воспоминания, Малк погрузился в слова, в которых буквы играли в чехарду друг с другом. Он сосредоточенно перебирал их, переставляя, в слове *пбокдати*. («Если бы стояли титлы, то можно было бы надеяться, что смысл прояснится после их раскрытия, когда слово предстанет в своём полном виде, а так... Для чтения нужен ключ, которым пользовался сочинитель, иначе я, поочерёдно заменяя согласные, получу лишь новую тайнопись...»)

И всё-таки на следующий день Малк Шигон победил непонятное *пбокдати*, повторявшееся не единожды. На поверку оно оказалось грозным проклятием. Ему вторило *и да оудушь отдумени* – да будут отлучены. На что уж Малк искушён был, но и то поёжился: послание пестрело угрозами отлучения, изгнания, отвержения, проклятия.

...Не подобает ведь Божию церковь подводить под права наследования... Сам же сотворивший да будет отлучён.

...Если что-либо из такого будет сделано, сделанное – повелевают правила – должно быть расстроено, сам же сделавший да будет отлучён.

...Да отлучён будет и он сам, и поставивший его, и да отвержен будет от святого причастия совершенно.

«Ага, это про Митяя! – без особого труда сообразил Малк. – А ставил-то его кто? Димитрий Иоаннович? Умиравший Алексей? Коломенский епископ Герасим, остававшийся заместником?»

...Если какой-нибудь епископ приобретает святительство при помощи мирских князей, да будет извержен и отлучён, а также – и все его пособники.

«Вот тут уж точно это Димитрий Иоаннович! А следом и Митяй казнён словом архипастырским...»

...Как он смеет стоять на месте святительском?.. Верьте, братья, что лучше бы ему не родиться. И если долго терпит Бог и не посылает казнь, – значит, к вечной муке готовит таковых.

«Сильно сказано!» – оценил дьяк, поёжившись.

...По причине святительского недогляда всякий владыка, не боясь, по своей воле ходил, как хотел. А попы, и чернецы, и все христиане – как животное без пастуха.

«А тут покойному Алексею досталось, – смекнул Малк, уже расшифровавший Одеюрёви мивропродиву как Алексеви митрополиту, на ходу отметив: – ишь, как завернул – «животина без пастуха».

...В чём моя вина перед князем великим? Надеюсь на Бога: не найдёт во мне вины ни единой. А если бы и обнаружил он какую-нибудь мою вину, – не годится князьям наказывать святителей. Есть у меня патриарх, больший над нами, есть Великий собор... Так ли воздал мне князь великий за мою любовь и доброжелательство?

Малк потёр испачканные чернилами ладошки: «Ого, доброжелательство! Как пить дать, сейчас уж тому ещё разок воздастся!»

...Послушайте же, что говорит святой собор, именуемый Перво-второй, собиравшийся в храме Премудрости Божьего Слова, то есть в Святой Софии. Третье правило того святого собора говорит так: «Если кто-нибудь из мирян, возомнив, что имеет на то власть, и пренебрегая божественными и царскими повелениями, пренебрегая также и долженствующими внушить страх церковными обычаями и законоположениями, дерзнёт святителя какого-либо бить или заперать – или по вине, или умыслив вину, – таковой и будет проклят.

«Вот как! Князь проклят как простой мирянин», – Малк прикусил губу.

...Бог знает, что любил я от чистого сердца князя великого Димитрия, и желал бы я ему только добра и до конца своей жизни. Но раз меня и моё святительство подвергли такому бесчестию... и те, кто на то совет давали, да будут отлучены и неблагословены мною, Киприаном, митрополитом всея Руси, и прокляты, по правилам святых отцов! И кто покусится эту грамоту сжечь или утаить, и тот таков.

«Иначе говоря, – хмыкнул про себя, – кто против меня, тот проклят. Никак не меньше, мда! И зачем понадобилось византийскому послу ворошить прошлое? Впрочем, меня это не касается...» Он был собой доволен до чрезвычайности: тёмных мест в послании не осталось, Юстиниан никуда не денется, отсчитает ещё пять гривен, а то и больше.

*Москва, Заречье,
10 октября 1410 года, утренняя*

Петля всё туже затягивалась на горле. Макарий пытался её развязать, но руки, онемев, не слушались. Он и во сне знал, что эта верёвка – та самая, что носит на поясе Сатана. «Он снял её с повешенного!» – ужаснулся во сне Макарий и проснулся. Пальцы, онемевшие во сне, слушались плохо. Но это не помешало обрадоваться: Сатаны уже не было пять дней!

Собрав свой нехитрый скарб, Макарий шагал, не чуя под собой ног, повинувшись лесной привычке держаться руслу, если не знаешь дороги. Внизу холодно поблёскивала Москва-река. И тут ему в глаза бросилась верёвка, прибитая течением к стыку между двумя дальними плотами. Чёрная вода тяжело колыхнулась, пошевелив узел, связывавший распухшие руки. В речной ряби проступили хоть и искажённые смертью, но всё же знакомые черты: большой лоб, льняные волосы... Сатана!

*Москва, Кремль, Васильевский луг,
10 октября 1410 года, после утрени*

Возок загрохотал по промёрзшей дороге. Архиепископ с усмешкой смотрел на сидевших впереди Николая и Зосиму. («Спины у людей выразительны ничуть не менее, чем лица. Вот

совсем недавно Николай сидел, безвольно согнувшись в три погибели, а стоило помянуть дом, как плечи расправил, ни дать ни взять орёл. Зосима же сидит съёжившись. Да уж, хочешь понять душевное состояние человека, посмотри на него со спины...»)

Архиепископ собирался уже смежить веки, как вдруг увидел, что плечи Зосимы вздрогнули, будто от удара. Владыка Ростовский посмотрел в ту же сторону, что и послушник: на берегу Москвы-реки стоял, широко расставив ноги и опустив голову, широкоплечий человек, являя собой тяжеловесную угрюмость.

Архиепископ хотел перевести взгляд на Зосиму, но вдруг обнаружил, что рядом с возницей того уже нет. Исчез!

...Зосиме не нужно было долго загибать пальцы, чтобы перечислить то, что он мгновенно успел просчитать. Во-первых, где Макарий, там и Сатана. Во-вторых, Ростовский епископ не защитник ему, Зосиме. В-третьих, если уж прятаться, так в многолюдном месте.

Понимание всего этого очень сильно прибавляло прыти. Вскоре Зосима оказался перед Фроловскими воротами. Тут он и попался на глаза Малку Шигону, возвращавшемуся со встречи с византийским послом в смятении чувств. Встреча и на самом деле прошла не так, как на то надеялся «цифирный» дьяк. Получивший вдвое больше обещанного, Малк Шигон почувствовал уже себя счастливым, но тут Юстиниан, пряча грамотки, с нарочитым безразличием спросил:

– Хотел бы взяться за новое поручение?

Не подозревавший подвоха, Малк с жадной готовностью кивнул.

– Человечек один ушёл в Кремль тайными ходами и не вернулся. Выглядит как воин, но одет как монах. Лысый, а те волосы, что сохранились, светлые. Кто знал его хорошо, звал Сатаной, а для прочих он – отец Андрей. Не слыхал?

– Нет! – выпалил Малк.

– Уверен? – Юстиниан внимательно посмотрел на дьяка. – Получишь втрое больше, чем за грамотки. Ну как?

Дьяк вытер о бока вспотевшие ладошки. («Втрое? Однако! Скажу, что... А вот что есть, то и скажу! В пыточной замучили...»)

– Попробую узнать, – услышал он словно издали свой голос.

– Времени тебе – до вечера будущего дня. И вот что ещё: он ведь не пустой шёл, бумаги какие-никакие при нём были. Они мне нужны и всё, что при нём было, не меньше, чем он сам, понял?

Зосиму Малк Шигон отвёл к себе, повинувшись неизъяснимой уверенности, что этот перепуганный монашек ему ещё пригодится. Тот же поначалу был просто рад, что унёс ноги. Но затем, когда дьяк, отправляясь на службу, запер его («В Кремле тут строго, узнают, что я чужака приютил, несдобровать...»), Зосима взгрустнул.

Свернувшись на печи калачиком, он принялся себя жалеть. («Хотел человеком стать и опять влип. А главное – раз Макарий с Сатаной здесь, значит, и охота за Епифанием продолжается. Он обиду на меня не затаил...») Устав себя жалеть, Зосима сполз с печки. Хотелось есть.

На стене, ближайшей к столу, висела занавешенная полка. Заглянул, надеясь найти что-нибудь съестное, оказалось – книжки. («Дьяк утоляет голод телесный пищей для ума...») В глаза бросилась знакомая обложка. «Слово Даниила Заточника!» Потрёпанная, стёртая на изгибах... Может ли такое вообще быть, чтобы книжка у этого дьяка выглядела точь-в-точь так же, как и у Сатаны? Принялся листать, пока не нашёл слова, которые Сатана зачитал ему в назидательную насмешку после того, как они не нашли на дороге тела Епифания. «Мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь», – прочитал тогда Сатана и яростно чиркнул ногтём (так он отмечал понравившееся). Подошёл к окошку, чтобы свет упал на книгу, – две резкие черты по-прежнему виднелись на полях...

*Тверское княжество, в одном поприще от Москвы,
10 октября 1410 года, после утрени*

Расположение духа Новгородского владыки ухудшалось от версты к версте: приближалась Москва, в которой он не был с тех пор, как его выпустили из кельи Симонова монастыря, которая ему три с лишком года служила темницей. С того времени минуло шесть лет. Уже шесть?!

Иоанну же казалось, что будто вчера вызвал его Киприан в Москву, хотя на самом деле это было в 1401 году. Конечно же, Иоанн предчувствовал неладное. Его вина и впрямь выглядела чудовищной: он благословил новгородцев «взять на щит» Двинскую землю, и великому князю – заключить мир «по старине», возвратив Заволочье Господину Новгороду.

Иоанн поспешил тогда на зов архипастыря, успокаивая себя тем, что Киприан – скорее приверженец Витовта, чем Василия. Ан нет! Ещё хмельные меды текли на новгородской братчине рекой, а владыка без белого клобука, со споротыми источниками и скрижалями уже сидел в Симоновом монастыре как узник.

И вот теперь его вызвал к себе Фотий, про которого уже успели расползтись слухи, что он де нравом горяч, и о том первыми узнали те, кто руки погрел на митрополичьем добре после смерти Киприана и нашествия Едигея. («Не иначе как возьмётся со всех церквей дань собирать, а рождественский сбор первым на очереди будет. Начать же он решил с Господина Новгорода. Как же иначе! Все, включая Пимена, первым делом к нам за уроками да оброками ехали. Да только, видимо, Фотий их превзошёл, я сам к нему еду...»)

*Москва, Кремль,
Чудов монастырь,
12 октября 1410 года, после первого часа*

Епифаний взглянул на Кирилла: воспалённые глаза, пересохшие губы. Уж не захворал ли часом? Но тот отмахнулся:

– Да нет, просто думаю... – опрокинув голову, жадно отпил из ковша. Епифаний ждал. – Четыре смерти – две великокняжеские и две архиерейские – странно сочетаются парами. В 1389 году скончался князь Димитрий Иоаннович в Москве и митрополит Пимен под Константинополем. Семью годами позже та же участь постигла князя Скиргайло в Киеве и епископа Стефана в Москве. Эти четыре смерти похожи друг на друга в одном – все они скоропостижны, походили на внезапную болезнь. Так?

Епифаний пожал плечами, но Кирилла было уже не остановить:

– Я начинаю думать, что была ещё некая пара, в которой княжеская и церковная власть шли рука об руку...

– Пара, которой все четыре смерти были выгодны? И что же, эти двое посетили всех четырёх смертников?

– Совсем неважно, находился ли кто из этих посетителей рядом с умирающими или нет. Стократ важнее другое – были ли они заинтересованы в их смерти.

– Ты хочешь бросить обвинение?

– Я лишь пытаюсь доказать, что такие намерения не могли не быть. Но оставим пока это, я не хочу быть голословным. Пусть история назовёт имя этого посетителя сама. А мы с тобой, прежде чем ответить, почему Стефан четвёртый в списке тех смертей, сначала попробуем понять, как они все четверо умерли. Мне кажется, тогда можно найти и ответ на вопрос, почему это произошло именно с ними...

– Давай, – обречённо согласился Епифаний.

– Димитрий, которому не было сорока, вдруг занемог и, проболев примерно месяц (причём однажды ему даже вроде как стало лучше), умер в мучениях. Пимен пребывал в добром здравии, пока не надумал тайно (кстати, накануне приключившейся с князем хвори) ехать в

Царьград, в десятке вёрст от него внезапно слёг и, промаявшись месяц, умер. Что похожего есть в этих двух смертях?

– Абсолютно всё, – мрачно ответил Епифаний.

– Да! После смерти Димитрия княжить начал Василий, тут же ставший Витовту зятем. Обещал же! А после Пимена некому было оспаривать право на русскую митрополию Киприана. Он и «литвинка» наперегонки мчались в Москву.

– Ладно, Кирюша, погоди. Ты хотел сказать, как все четверо умерли? Вот об этом и говори. Про две смерти в 1389 году ты меня, допустим, почти убедил. Они схожи. Теперь – 1396 год.

– Точнее на рубеже 96-го и 97-го. Тут всё то же. Скиргайло захворал после пира в митрополичьем дворе. Семь дней промаялся да в Киеве и преставился. Стефан занемог не по дороге, а уже в Москве. Проболел всё ту же седмицу или немногим больше и преставился. А теперь я тебя спрошу, что эти две смерти объединяет кроме продолжительности болезни?

– И что же, по-твоему?

– Один заболел после пира на дворе митрополита. Второй спешил к митрополиту на встречу.

– Смерть Скиргайло-Ивана была на руку Витовту. Он ведь его сначала из Вильно в Киев вытеснил. С этим не спорю. Но Стефан – епископ Пермский – в митрополиты не метил.

– Знаешь, мне кажется, именно это было для его недругов главной трудностью. В Москву перебираться не жаждал, потому был неуязвим для интриг. Рукоположенный Пименом, он был ничьим и принадлежал только Богу. Пойди возьми такого! Цамвлак, когда мы с ним в склепе сидели, ёмко сказал: «Чтобы узнать историю одного человека, надобно собрать сначала истории многих...» Мы сейчас говорим про четыре убийства, но ведь их на самом деле может быть и больше... Ты помнишь, как Дионисий Суздальский умер за четыре года до «первой пары» смертей? Он мог стать митрополитом, причём угодным Димитрию, обойдя и Пимена, и Киприана! Но в Москву его не пустили. По дороге из Царьграда он в Киеве угодил в темницу, там и умер. А о скольких ещё «напрасных смертях» мы просто не знаем?

Епифаний промолчал. Кирилл же торопился досказать:

– Я вот всё думал над тем, что смерть киевского князя перевешивает по значимости смерть северного епископа, но важно не то, в чём они отличаются друг от друга, а то, в чём они, Стефан и Скиргайло, схожи.

– В том, что литовский князь Скиргайло был верен Православию однажды и навсегда!

Помолчали тягостно, думая молча об одном и том же.

– Хочешь в Спасе на Бору у Стефана побывать, не подземными ходами пробираясь, а в открытую? – предложил вдруг Епифаний.

*Москва, Кремль, митрополичий двор,
12 октября 1410 года, после третьго часа*

Кирилл слышал окрик, но не отнёс на свой счёт. И всё же его тянуло оглянуться, голос был не только властным, но и знакомым. Кирилл повернулся: с высокого крыльца митрополичьего дворца на него взирал новгородский архиепископ Иоанн.

– А ну-ка, должничок, стой! – повторил тот.

Кирилл крупной рысью заспешил к нему. Иоанн, переложив посох, освободил руку для благословения и лобызания. Кирилл приложился...

– Так-то, должничок, – весело подытожил владыка, – от меня не убежишь.

– Да я и не пытался, только вот платить пока нечем.

– Это мы сейчас разберёмся. Пошли!

Кирилл, улыбаясь, развёл руками и последовал за владыкой. Тот размашисто шагал мимо Чудова монастыря, за кремлёвскую ограду.

*Личные хроники
архиепископа новгородского Иоанна
о событиях с 3 по 5 апреля 1396 года
и о том, что предшествовало тому*

Кого Бог захочет и Святая София... Протопоп Измайло вынес на вече два жребия, а на Престоле остался лежать третий, в котором было вписано моё имя... Грозный Царь Небесный является нам и Добрым Пастырем, но не в тот день! Хотя что все мои невзгоды по сравнению с уготованным рукополагавшему меня Пимену и отвергавшему его князю Димитрию: краткие земные дни того и другого уж были отмерены.

Владыка Алексий, удалившийся от дел в Деревяницкий монастырь (это недалече от Хутины, где я был игуменом), благословил меня ещё летом, а по первому снегу прибыли и московские «поклоньщики» вернувшегося из Царьграда митрополита Пимена.

Михаил Смоленский, Савва Сарайский, Даниил Звенигородский... Я и сегодня вижу их на моей хиротонии так явственно, что, кажется, и не было этих двадцати двух лет. Все они – бывшие друзья Пимена... О, как же распорядился судьбой каждого из них Творец и Судья!

Вот Смоленский владыка Михаил. Он был рукоположен Пименом во епископы вместе со Стефаном Пермским. На моей хиротонии в январе стоял подле Пимена, с ним же в апреле отправился в Царьград, а в октябре вернулся с его соперником – Киприаном, которому стал служить вплоть до 1396 года. Он никому не расскажет, что вынудило его оставить кафедру в год смерти Стефана... Приехав в Москву вместе с Киприаном 7 октября 1397 года, он удалился в Троицкий монастырь и там скончался 6 мая 1402 года.

А вот Даниил, епископ Звенигородский – последний архиерей, поставленный ещё Алексием. Даниил лишился кафедры в пользу владыки Михаила, как только Смоленск снова перешёл под власть Витовта, но московский князь наделил беглеца епаршиим владением в Звенигороде. В этом сане он вместе с Пименом совершил хиротонию Стефана во епископа Пермского, а Саввы – во епископа Сарайского и Подонского. В 1389 году Даниил тайно проводил Пимена и сопровождавшего его Михаила до Дона, а месяцем позже, 20 мая, уже участвовал в отпевании князя Димитрия. Чуждался ли Даниил нового митрополита Киприана? Ничуть. Ездил вместе с ним в Тверь – как, впрочем, и Стефан, и Михаил – на суд над Тверским епископом Евфимием (Висленем). Это было в 1391 году, а вот дальше Даниил от церковных дел удалился. Возраст ли, иное ли, но в 1396 году, когда Михаил оставил Смоленскую кафедру, Даниил словно растворился в воздухе, никого не удивило, что в марте будущего года он тихо скончался в Чудовом монастыре.

Следующий – Савва, чью хиротонию во епископа Сарайского и Подонского совершали вместе с Пименом Даниил и Матфей Гречин, пробывший в ростовских епископах считанные годы (осенью 1385 года, когда готовилась литовско-польская уния, тогда же, когда в Киеве в темнице скончался Дионисий Суздальский). На погребении Димитрия он стоял подле Даниила... Епископ Савва владычествовал двадцать один год и скончался не так давно.

Как причудливо переплелись нити в полотне их судеб [3]. Рукоположенные в архипастыри Пименом (за исключением Даниила), они продолжили своё служение при Киприане. Так было далеко не со всеми ставленниками Пимена, но мы пятеро – Стефан, Михаил, Савва, Даниил и я – устояли. Каждый по своей причине.

Я, должно быть, потому что за мною – Святая София. Михаил – потому что сделал свой выбор ещё в Царьграде, Савва – потому что он был тонкой, но прочной нитью между Русью и Ордой, а Стефан свой путь закончил в апреле 1396-го...

В ту весну я тоже был в Москве, опередив Стефана на считанные дни. Только он туда сам приехал, а за мной присылали «поклоньщиков» от Киприана. Прошлый раз приглашение закончилось заточением...

Митрополичий двор был полон бояр и отроков, стоявших у стен на тот случай, если митрополиту будет угодно покинуть возвышение, на котором тот сидел в белом клобуке и мантии, которая меньше всего напоминала монашеское одеяние. Я вошёл с непокрытой головой,

подхваченный тремя концами покрыва мой белый клубок висел за спиной. Требовалась немалая ловкость, чтобы он при глубоком поклоне остался на отведённом месте.

Сверкнул бриллиантовый крест на его клубуке: «Пройдёмся, отец Иоанн». Всё пришло в движение. Киприан предостерегающе поднял перст: всё замерло. Приподняв брови, взглянул на двух отроков и пошёл к выходу, ведущему в сад. Я – следом за отроками. Весеннее цветение наступало весьма робко. Голые ветви просвечивались насквозь, словно усиливая каждое обречённое здесь слово. Митрополит оглянулся: отроки, стушевавшись, отступили за мою спину. «Приблизься, – повелел он и, когда я остановился в шаге от него, спросил, понизив голос (ни дать ни взять Сахар Медович): – Не оставил ещё Новгород намерений принять латинскую веру?»

Лакома наживка, да востёр крючок, как говорят у нас в Новгороде. Князей церкви я повидал немало (один Леонард чего стоит), они и вправду с князьями, если не с королями, ровня. Сам я на своё положение не жалуюсь, а вот московским иерархам из великокняжеской тени при отце Василии Димитрии выйти не удавалось, про Царьград и говорить нечего. А теперь и Византия не та, и сынок не в батюшку... Всем мила уния, потому что каждый себя на голову выше в ней мнит, да только...

Залетела ворона в царские хоромы: почёту много, а полёту нет. Стефан же князем церкви себя хоть и не мнил, но был им, потому по-княжески стоял на страже своих интересов, а они простирались, не замечая краёв его великопермской вотчины. Он над ней парил высоко, потому и видел её частью единого целого, неделимого. Он и меня к этой мысли приохотил: Новгород с высоты полёта голубя, что на кресте Софии сидит, – тоже ведь видится другим, нежели с горнего места.

И вот во главе «едина митрополюя Киев, и Галичь, и всея Руси» стал Киприан... Это событие, последовавшее за двумя смертями – Димитрия и Пимена – ещё и совпало с приездом к нам в Новгород князя Симеона-Лугвеня Ольгердовича с обещанием нам опеки короны Польской. Вкупе с размирьем с немцами и Псковом это придавало уверенности, что сын Димитрия удовольствуется миром по старине.

Собственно, с Василием так всё и вышло, но не с Киприаном. Услышав отказ, он нашёл в том горчайшую сладость. Как иначе понять его слова о том, что был изгнан из Москвы «на клячах, в плохих сёдлах, ограбленным до нижнего белья». «Кляч», между тем, было с полсотни...

Впрочем, я не очевидец, меня там, как и на Куличках, не было. Но и переписчиков Сказания о Мамаевом побоище там тоже в помине не было, раз они Киприана в повесть вставили как высшего судию и Димитрию, и Мамаю, и Олегу Рязанскому, и Ягайло Литовскому. Много чудного понаписали: и про Ольгердовичей, прибывших якобы Димитрию в помощь, и про Владимира Александровича, по которому сегодня поминальную служили... Это уже не переделка, а подделка!.. Но я отвлекся.

Сначала мы получили увещательную грамоту патриарха, в которой Антоний предписывал подчиниться Киприану. Затем он самолично прибыл в Новгород. Мы в ту пору заключили выгодный торговый мир с Тевтонским орденом. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что своему владыке новгородцы простили бы с лёгкостью – упущенную выгоду или отлучение от церкви, которое давало бы облегчение от денежных тягот содержания митрополичьего суда? Я так тогда Киприану и сказал. Он сгоряча отлучил меня, а заодно и всех новгородцев от церкви и отрядил с жалобой посла в Царьград. Мы – по неостывшему следу своего посланника с угрозой – не оставите в покое, примем латинскую веру.

Впрочем, никто и не думал затворять храмы. Всё шло своим чередом – крестины, отпевания, рукополагания. Царьград Новгороду не указ. У нас епископов жребием избирают. По осени византийские послы доставили патриаршие послания, подтверждавшие отлучение, где он обращался ко мне как к простому епископу: «Ты же... отделяясь и отсекаясь от своего первого и главы и делаясь чрез то мёртвым, ибо тело без головы жить не может...»

Свой белый клубок я не снял, но с тем, что письма привезли послы, всё же пришлось считаться. Поклонился пошлomu купечеству (это стоило столько же, сколько митрополичий

суд): одарённые укатили восвояси. Я же остался в сомнении: неужто и впрямь переходить в латинскую веру? Господь мне дал суровый ответ, когда сначала позволил вторгнуться в наши пределы московскому войску, а затем явил мне свою милость. Василий и Витовт договорились между собой, и в Новгороде появились наместники и одного, и другого. Мы сразу же послали спорную грамоту Киприану. Ему ничего не оставалось, как снять отлучение. А тут ещё и Литва с Польшей заключили унию...

Минула пара спокойных лет. Киприан появился у нас на Пасху 1395 года в сопровождении патриаршего посла. А следом явился и Стефан, которому оставалось жить ровно год... Это была их последняя встреча. Была ли она случайной? Ничуть! Стефана предупредил я – так же, как и меня уведомили мои московские доброжелатели – с нарочным...

Москва, Кремль, митрополичий двор,
12 октября 1410 года, после третьего часа

Кирилл молчал, не решаясь нарушить тишину. У него снова появилось такое же чувство, как и тогда, в Великом Устюге, подле старицы Дарьи, будто собеседников поболее, чем можно увидеть обыкновенным зрением.

– Что молчишь, будто спросить нечего? – Иоанн смотрел насмешливо.

– Так ведь, владыка, яснее ясного, что я многое бы дал за то, чтобы ты продолжил свой рассказ.

– Рассказывать особо нечего: то, что было между ними, между ними и осталось. Меня там, слава Богу, не было.

– Почему же слава Богу, владыко?

– А ты не считал, скольких епископов посетила смерть накануне унии? – и тут же сам и ответил: – Мне не смерть страшна сама по себе (хотя жить охота – ты как думал?), а то, для чего мой жребий остался лежать на престоле Софии. Новгородом поставлен, Новгороду служу. А Стефан, служа своим великопермским язычникам, служил всей Руси. Грёза у него такая была – Русь от края до края. Такого был полёта, что крылья сложил в великокняжеской усыпальнице...

Владыка Иоанн замолчал, погрузившись в собственные думы, но вскоре продолжил:

– Это было сильнее его. Понимаешь, епископов ведь недаром зовут князьями Церкви. Они многое могут. Все наши новоречённые и отречённые митрополиты прятались за спины владык. Те переговорщиками шли и к патриарху, и к фрягам, и к великим князьям. Впрочем, за последними владыкам тоже случалось ходить как пестунам за дитяами малыми. Власть сама по себе слаба. Она как кадило – раскачивается из стороны в сторону и курит фимиам – сама себе, но всегда зависит от того, в чьих руках находится.

– А Стефан? Для него власть тоже была кадиллом?

– Да уж, он им попользовался от души... Высыпал из своего кадила раскалённые уголья и шагал по ним, пока его не посетила смерть. Она его отыскала так рано, что он ещё не успел испытать той отстранённой усталости, которую чувствую сейчас я, заведомо зная, что моим пристанищем станет всё тот же, что и у моего предшественника Алексия, Деревяницкий монастырь. Уже недолго осталось, потому я тебе, должничок, передоверенный долг отпускаю. Конечно, владычей казне ты нанёс убыток, только себя ты вогнал в большие траты.

Не разумея, Кирилл развёл руками.

– Ты ещё сам толком не понял, что уже себе не принадлежишь. И до тебя дотянулся Стефан.

– В Перми меня прозвали ортом, двойником его, – Кирилл удивился своему севшему голосу.

– А, уже? Ну тогда тем более, должничок, «ныне отпускаеши», но ежели разбогатеешь – приноси в Деревяницы, я уже скоро буду там. Видит Бог, устал!

...Митрополичий двор блестел золотом крестов: к главному Успенскому собору прильнули Иван Лествичник, Спас на Бору и Архангельский собор, в котором покоился Владимир

Андреевич Храбрый. Проредевшие по осени сады и рощи открыли глазу и то, что скрывали за летней зеленью.

– Кирилл, видишь двор рядом с великокняжескими палатами? – Епифаний кивнул на свинцовые кровли. – Это и есть двор Владимира Андреевича Храброго. С великим князем прямо окна в окна.

– У него на стене Феофан, отменный живописец, нарисовал Москву, вся как на ладони.

– Так ты знавал покойного, бывал у него?

– Не более других. А вот с Феофаном знаком. Он грек, но в Москве давно. Сколько с ним ни беседовал, но не могу не подивиться его разуму. А ты чего оглядываешься, ищешь что-нибудь?

– Ну, можно и так сказать. Стефан к митрополиту ехал, так? А потом внезапно слёг? А где он хворый лежал?

– Так ведь всё тут же. В Чудовом монастыре, он среди других по положению особенный. Внутренний, митрополичий.

Кирилл смотрел на обитель, прилепившуюся одним боком к митрополичьим палатам, на крохотную церквушку – во имя Чуда Архистратига Михаила – рядом... Какая-то смутная догадка то вспыхивала, то гасла свечой на ветру... Светлее, ещё светлее... Сейчас-сейчас... Нет, совсем угасла... Опять сгустилась тьма, отделяющая год 1410-й от 1396-го...

– А ты, Епифаний, кого-нибудь из насельников здесь знаешь? Из тех, что и в 1396 году тут жил?

– Да вот Пафнутий один из них, – Епифаний кивнул на вышедшего с подворья монаха, опиравшегося на посох, и пошёл ему навстречу.

По всему видно, обрадовались оба. Тихо переговариваясь, направились к Архангельскому собору. Кирилл потопал следом. Пафнутий и Епифаний прошли в аналой, Кирилл – после лёгкой заминки – за ними.

Свеча на солее затрепетала. Диакон затворял двери: сначала царские, затем боковые. Священник приготавливал для причастия Святую Чашу. Ему помогали ещё двое, тоже, как видно, собирающиеся служить сегодня. Кирилл беспокойно озирался, оказавшись на распутье: с правой стороны святой трапезы выстроились иереи, слева – диаконы.

– Нет-нет, – поймал его за рукав Епифаний, – это запрещённые священнослужители, давай-ка лучше держаться Пафнутия.

Тот, облачившись уже в епатрахиль, фелонь и поручи, ждал своей очереди. Кирилл стоял позади всех. Священник шагнул к нему:

– Причащается раб Божий...

– Я простой инок, – виновато сказал Кирилл и попятился.

– Не оставаться же тебе из-за этого без причастия. Как звать-то?

– Аз... Кирилл... – и сложил ладони лодочкой, правую на левую.

– ...раб Божий Кирилл, – повторил священник, поднося ко рту причастника лжицу, – честная и Святыя Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих, и в жизнь вечную. Аминь.

Священник вытер лжицу платом и ушёл. Кирилл осушил усы и впал в глубокую задумчивость...

И, право, было над чем поразмыслить наблюдательному человеку! Ручеёк причащающихся долго не иссякал. Наконец, один из священников принёс Святую Чашу в алтарь и оставил её стоять на Престоле рядом с двумя покровцами (один – для священнослужителей, второй – для мирян). Следом вошёл диакон, неся на голове дискос. Ограждая ладонями, пересыпал оставшиеся частицы в Чашу и отёр губой дискос. Тот заблестел как новенький...

Поминальная служба закончилась. Пафнутий, опиравшийся на посох, к выходу не спешил, опустил на скамеечку у свечного ящика.

– А ты, отец Пафнутий, отчего на причастии сам о себе сказал: «аз иерей»? – Кирилл остановился рядом, не решаясь сесть. – Ты ведь иеромонах?

– Причащение не для того, чтобы саном своим кичиться.

- А я вот впервые в аналое на причастии...
- Положим, у тебя был вид человека, решающего задачу, а не ждущего своей очереди к причастию. Таинство евхаристии тебя не трогает?
- Трогает, только... – замявшись, он поднял глаза и наткнулся на насмешливый взгляд Пафнутия. – ...только ты не уверен, что я тот, перед кем тебе стоит открыть свои мысли? Так?
- Напротив, отче, ты тот, беседы с которым ищу...

*Видение событий
апреля 1396 года иеромонахом Пафнутием,
насельником Чудова монастыря*

Была Четырёхдесятница, Дни Великого поста. В неделю предстояла полная литургия апостола Иакова. Поскольку в будни причащались заранее освящёнными Святыми Дарами, то в субботу и неделю собралось немало народу именно из-за таинства Евхаристии. К тому же на прошлой седмице полная литургия не совершалась – не было в достатке хлеба и вина.

Послужить в Великий пост в Спасе на Бору – благодать несказанная, потому к служащим иереям в ту неделю присоединились и сослужащие. Двое из них мне были хорошо знакомы. Один был из Троицы, отец Мелхиседек (Епифаний сказал, что он скончался, Царствие ему небесное); второй – из Владимира, настоятель тамошнего Успенского собора.

Остальных я видел впервые. Среди них был грустного вида архимандрит (не помню его имени), который, как шептались за его спиной, только что вернулся ни с чем из Новгорода, снова отказавшего Киприану в месячном митрополичьем суде. И ещё двое, не то оба из Киева, не то один из Киева, а другой из Вильно. Судя по меху, коим были подбиты их мантии, и драгоценным камням, нашитым на кресты клобуков, оба незнакомца были в значительном сане. И, наконец, Пермский епископ Стефан. Похоже, он был с дороги – об этом говорил промокший подол его мантии и забрызганный весенней распутицей оконечник посоха.

Между тем служащие иереи влили Теплому в Чашу. Началось причащение. Всё шло как обычно: сначала – служащие, потом – сослужащие, а затем уж неслужащие – болящие и запрещённые.

Певцы, закончив «киноник», перешли к чтению Лествицы: «Некоторые испытывают и недоумевают, почему Бог не даровал нам предвидения смерти, если воспоминание о ней столь благотворно для нас? – тихо и вдохновенно читал благообразный старец. – Эти люди не знают, что Бог чудным образом устраивает через это наше спасение...»

Причащать, конечно, старались по старшинству. Но сана двух приезжих служащие иереи не знали. Возможно, самым старшим был Стефан, но он вошёл в аналой позже остальных, потому его черёд для причащения оказался в конце служащих и сослужащих. Он взглянул на причастившихся (не берусь сказать, на кого точно) и отчётливо произнёс: «Не буду причащаться из одной Чаши с развратниками веры!»

Мелхиседек отпрянул и, оглянувшись, повелел кому-то приготовить для Стефана другую Чашу. Кому? Я не видел. В аналое было тесно от собравшихся. Но ему принесли другую Чашу...

*Вопрошания Кирилла по дознанию
в пути из Великой Перми в Москву*

Перебирая листки с придуманной им самим тайнописью (для неё он использовал буквы Стефановой азбуки), Кирилл вдруг понял, что если из всей многоголосицы выделить нужные слова, то случившееся четырнадцать лет назад оживёт само собой.

«Не буду причащаться из одной Чаши с развратниками веры...» Как ни старался Кирилл отвлечься, эти слова память воскрешала чаще других. Иногда он, сам того не замечая, произно-

сил их вслух срывающимся шёпотом и видел перед своим мысленным взором не Пафнутия, но Стефана. Усталого с дороги, которая – епископ предвидел это – станет в его жизни последней.

Утомился вопия, охрипла гортань моя.

Более того, что хотел сотворить и не сотворил, ещё так только скажу...

(«Я и сам немало приустал от блуждания в лабиринте полуправд. Пожалуй, самый последний раз просмотрю свой поминальник и... А что «и»? Как дальше жить? Зачем? Для кого?.. Прочь, настырные мысли, иноку рассуждать не должно, всё в руках Господа! Как управит, так и будет... Но будет ли?..») Вздохнув, Кирилл принялся дотошно уточнять многократно правленое и дописанное. Надо было подводить черту...

События 1396 года

- ♦ Отъезд Киприана в Литовскую Русь для переговоров с Польским королём Ягайло, сыном Ольгерда, и с Литовским князем Витовтом, двоюродным племянником Ольгерда и тестем московского князя Василия, сыном Димитрия.
- ♦ Встреча с Витовтом и с Василием в Смоленске, празднование ими Пасхи вдали от Москвы.
- ♦ Смерть, посетившая Стефана Пермского в Москве, который спешил на встречу с Киприаном.
- ♦ Смерть, настигшая на будущий год Скиригайло, сына Ольгерда, в Киеве на пиру на митрополичьем дворе Киприана.
- ♦ Несостоявшаяся уния между православной и римской католической церковью.

Встречи Киприана со Стефаном

- ♦ Начиная с 1382 года (за исключением 1390 года, когда встречались в Твери), все они были в Великом Новгороде.
- ♦ Все встречи были вызваны значимыми для православной церкви и всей Московской земли событиями.
- ♦ Зачем нужно было встречаться именно в Новгороде? Почему не в Москве? *Да потому что именно Москва стала местом гибели Стефана!*
- ♦ Как часто бывал в Москве после поставления в епископы? *Два раза за тринадцать лет владычества! Во второй раз из Москвы он уже не вернулся...*
- ♦ Почему именно в Великом Новгороде? *Это вольный город. Иоанн и Стефан стояли не супротив, а друг за друга.*

Почему Стефан нёс слово Божие на пермском языке?

- ♦ Это было влечением к родине? *Это так!*
- ♦ Это было игрой ума книжника, для которого не представляли трудности и церковнославянский, и греческий? *И это тоже!*
- ♦ Это было стремление к свободе мысли (например, перевод «христово имя верующие»)? *Так!*
- ♦ Это было сделано с благословения Пимена, или Москва не входила в подробности того, на каком языке будет проповедовать Стефан? *До Москвы далеко...*

Правда ли?

- ♦ Что новгородские ушкуйники лишились доступа к кумирницам из-за Стефана? *Правда!*
- ♦ Что туны и великопермская знать желали смерти Стефану? *Правда, но сделать это они могли не однажды!*

♦ Что православное священство не поддерживало Стефана, потому что Московский князь пожаловал ему особенные преимущества перед прочими владыками по управлению епархией и в делах судных? *Были такие!*

♦ Что Московский князь отдал Стефану в вотчину пашни и луга с правом беспошлинной торговли для пермян? *Правда!*

♦ Что в пермских сокровищах природы была нужда великая и у Москвы, и у Новгорода, и у Литвы, и у Орды да мало ли ещё у кого? *Правда!*

♦ Что Стефан настаивал на ослаблении даней, которые считал для Перми тяжкими? *Правда! Для того и в Москву ездил!*

♦ Что его подозревали в том, что он сокровищами владеет сам и делиться не хочет? *Правда!*

♦ Что он был сторонником государства русского под началом Москвы и сохранения церкви православной, а не унитарной, а значит – и противником тайных переговоров? *Правда и это!*

Почему?

♦ Почему Стефан поспешил в Москву к Киприану? *Епифаний в Житии сказал всё, что только мог об этом сказать: для участия в церковном совещании «ради... нужных вопросов, ко спасению людей относящихся». Стефан знал о готовящейся унии и хотел её предотвратить!*

♦ Почему Стефан не вернулся именно из Москвы? *Потому что пустился бы вдогонку Киприану.*

♦ Почему и спустя тринадцать лет идёт охота за Стефановым наследием и за бумаги Киприана? *Потому что прошлая смута проливает свет на готовящуюся ныне.*

♦ Кто и что в них ищет? *Сколько хозяев, столько и исполнителей. Это мне на глаза попался один, а на самом деле имя им легион.*

По чьей указке?

♦ Владыки Иоанна и новгородского пошлого купечества? *Нет, Новгород всегда свою приязнь и неприязнь выражал и выражает открыто.*

♦ Епископа Леонарда и курии Папы Римского? *Без них не обошлось.*

♦ Князя Витовта? *Да, ведь и по сей день ему не удалось надеть на себя корону, а без этого он и умереть спокойно не может.*

♦ Князя Василия? *Ему Киприан и Витовт оказались ближе родного отца и отечества, к ним и прислушивался, их советы и исполнял, не заметив, как они из советов превратились в приказы.*

♦ Или, не приведи Господи, нового митрополита Фотия и стоящей за ним Патриархии Константинополя? *Да, Византия – дряхлеющий лев, и никто этого не понимает лучше её церковников.*

...Возвращаться в Оршу Кирилл даже и не помышлял, жил в гостевой келье Чудова монастыря. Епифаний же с головой ушёл в послания, которые ему поручил написать новый митрополит Фотий. Тот, может быть, и поберёг бы отменного книжника для церковного красноречия в не сиюминутном, а предвечном, но среди его служителей, с ним вместе из Константинополя прибывших, были и такие, кто с клеветами да жалобами подался к Витовту (с посещением его земли новый митрополит медлил). Уже и доверенного писца Фотия недавно в Чернигове видели, значит, и он в Литву направился. Надо думать, не с пустыми руками...

Кирилл достал оставшиеся костяные накладки («Мало уж их, равно как и недосказанного, авось хватит...») и привычно взялся за резец, стараясь поспеть за тем, что видел внутренним взором...

Реконструкция посоха Е. Селивёрстова

Вот два духовных лица доверительно сидят напротив друг друга... А вот один из них лежит на смертном ложе... Над ним склонились двое в ризах, первый – в клобуке, второй – просто-волосый...

Почему так? Да чтобы подчеркнуть то, что знает всякий: с непокрытой головой можно находиться только в келье, но никак не на людях, сие считается дерзостью. Следовательно, то, как посетителя посетила смерть – дело келейное, как и те беседы, которые велись...

Поодаль два лица: духовное – без клобука и светское – без великокняжеской шапки. Стоят в молчаливом согласии, рассудив келейно: сделанного не воротишь, но всё оправдано высшей целью...

Кирилл посмотрел с отстранённой взыскательностью. («Кажется, главное удалось: тем, кто будет рассматривать когда-нибудь посох, будет трудно считать, что изображённое может иметь отношение к прижизненным изображениям деяний Стефана...») Это, конечно, деяния, но совсем иные, никак уж не его...

Хронотоп V **Кому черпать воду?**

*Великое княжество Тверское, р. Орша, лесная пустынь,
15 февраля 1412 года, третий час*

Макарий едва отыскал среди снегов пустыньку, которая, как сказали в Оршином монастыре, некогда была Окула, а нынче Кириллова. Толкнул плечом просевшую дверцу и, ударившись о притолоку, оказался внутри. Остановился, давая глазам привыкнуть к потёмкам. В закутке, подобно сторожевому псу, бдительно заблеяла коза, а с лежанки приподнялся, вглядываясь в вошедшего, старец: длинная борода сливалась с серым войлоком, укрывавшим ноги.

– Мне бы Кирилла...

– А это я и есть, Макарий. Здрав будь.

– Не признал... Я к тебе с поруче...

Только «поручение» уже само заявило о себе: свёрток в руках Макария зашевелился и подал голос – сначала несмело и тихо, затем требовательно и громко.

– Что это у тебя там?

– Сын.

– У тебя – сын?! – Кирилла с лежанки ветром сдуло.

– Нет, не у меня. – Макарий не мог отказать себе в маленьком удовольствии помолчать малость, прежде чем отчеканить: – Это у тебя сын!

*Пермь Великая, Удорский край, р. Вашка, село Ёртом,
18 января 1415 года, после утрени*

Снаружи послышался скрип шагов... Невероятное, тревожное событие в маленьком, замкнутом мирке двух душ! Первым в дверь выглянул Кирилл, следом за ним, ярусом ниже, протиснулся Стефан.

– Насилу добрался! – пришелец стащил заиндевевшую шапку и оказался никем иным, как фрязем. – Мне сказали – я не поверил...

Засиделись до полуночи. Наконец, сдались: и Ондрей, и Стефан – оба уснули, едва улеглись. Один – с устатку. Другой – от избытка чувств, хоть и привязан к отцу чрезвычайно, всё же каждому редкому гостю радовался как близкому человеку. Кирилл, пристроив лучину, склонился над одним из двух дюжин листков, которые ему преподнёс неожиданный гость в подарок.

*Послание иеромонаху Епифанию
от некоего друга его Кирилла,
а тот, через кого посылаю, именуется Ондрей Фрязь,
кормленщик Великого князя Василия в Перми Великой*

Преподобство твоё хочу испросить милости беседы с тобой, как мне того хочется после того, как каждый из нас продолжил доступные ему человеческие дела. Вернувшись туда, куда ты бежал от Едигея, я тщетно силился обуздать строптивое моё житьё, удалившись в известную тебе пустыньку и оставшись там сам на сам, где меня и нашёл три года назад наш общий знакомец Макарий, чем я был не столь раздосадован, сколь удивлён, ибо явился он не один, а с годовалым несмышлёнышем.

Излагаемое далее пишу со слов Макария. Изнемогая от худости своего тогдашнего предназначенья, он отправился молить о покаянии в обитель, в котором – ещё до нашего с тобой злоключения – среди белоризцев оказался недостойнейшим. Не знаю, как тебе, а мне видится такое устремление исполненным отчаянного мужества.

По смоленской дороге, ведущей к месту покаяния, ему случилось исповедать и соборовать занемогшую в пути к своему дому рабу Божию Марфу. Она и препоручила ему младенца, указав отцом меня, многогрешного и недостойного.

К стыду своему, я в скорбном отчаянии позволил себе непозволительное, указывая Макарию на его вины, вместо того, чтобы ужаснуться себе самому. Поскольку он, вступив на путь раскаяния, был смиреннее меня, то безропотно поведал в ответ притчу, которую ему открыл игумен Иоанн, случайно встретившийся на пути. Мне она показалась столь утешительной, что дерзну поделиться ею с тобой, мой премудрый друг.

Некие люди брели по пустыне, изнемогая от жажды. Многие падали без сил и умирали, но один человек без усталости шёл, подбадривая ещё живых надеждой, что впереди их непременно ждёт источник, в котором они утолят жажду, чтобы обрести силы для преодоления оставшегося пути. Следовавших за ним становилось всё меньше, а жара всё нестерпимее, однако они и вправду добрались до источника. Только вот воду из него черпал прокажённый!.. Те, кто узрел в том лишь рассадник заразы, умерли от жажды тут же, у живительного ручейка, – среди них был и тот, кто привёл их туда. У него, как и прочих, не достало сил преодолеть отвращение и ужас. Те же, кто превозмог себя, утолили жажду. Когда они в последний раз оглянулись на оставляемых ими умерших путников и прокажённого у источника, с небес раздался глас: «Не вам судить, кого Я поставил черпать воду...»

Макарий ушёл, оставив моим заботам сына, а я почувствовал себя прокажённым, которому доверен вдруг родник. А кто же я ещё есть?! С Божией помощью мы пережили зиму, а по весне до меня дошло скорбное известие: преставилась матушка Параскева. Это можно было толковать двояко: либо я убил её своими прегрешениями, либо моя жертва пострига – некудышняя, надо признать – ей уже без надобности.

Если я кому ещё и нужен, то Стефану. Но кто я такой, чтобы, выбрав при крещении ему имя, назначить и жизненный путь? Верить ли, Епифаний, всё время вспоминаю Бориску, сына послушницы Параскевы: «Мама, я белоризец!» Нет уж, пусть растёт на приволье и возьмёт у меня то, что я могу ему истинно дать – любовь и нехитрую грамоту, коей сам обучен, а дальше на всё воля Его и самого Стефана. Клянусь Богом, я готов его отпустить на тот путь, который он себе изберёт.

Одного лишь я не смог пересилить: решив покинуть Оршу, я шёл и шёл, едва не бежал, прижав к груди сына, самому себе отказываясь признать в том, что душой уже знал, куда меня несут косолапые мои ноги. Я признался себе в том уже только в Устюге, где, дожидаясь okazji, жил с сынишкой у старицы Дарьи. Она приглашала нас остаться насовсем, но, понимая, что это было бы лучшей долей для дитяти, я всё же не смог принять её благодеяние. Душа манила за железные ворота Вычегды. Мы плыли и плыли со Стефаном встреч солнцу, пока не свернули в приток Мезени. Он оказался порожистым, с перекатами, да ещё и заваленным деревьями, пришлось делать обходы, вперёд, казалось, плыть легче, чем назад. Тут мы и поселились.

На супротивном берегу – селение, в которое мы иногда наведываемся. Оно маленькое, но разделённое на две половины – Кыргорт и Кырувгорт, потому что одно – на горе, а второе – под горой. Свою речку местные зовут Ву или Вож [4], а мы переделали её в Вашку. С прошлого лета стали захаживать к нам люди. Если просят совета, я не отказываю, стараюсь, да только какой из меня наставник!..

Я уж давно простился с рясой, промышляю охотой и рыбалкой, иногда по старой памяти берусь за резец и костяные накладки. Те, которые я заполнил рисунками в прошлое своё странствие, не спеша за это время удвоил, чтобы предать им всяческое улучшение и толкование. По мере успешности страданий я надеюсь снова тайнообразно поменять этот жезл местами с тем, что проделал со мной долгий путь и теперь хранится... сам должен понимать где. Но довольно об этом. И так – о Господе здравствуй. Может, ещё и свидимся. Кирилл.

Троицкий монастырь, р. Клязьма,
26 апреля 1416 года, до полунощницы

Грузно поднявшись со скамьи, Епифаний едва не задел одну из стопок изборожденных. Всякий раз, припозднившись в хранилище, он ловил себя на том, что ищет взглядом в лабиринте книжных рядов лесенку с примостившимся на ней Алферием... Последний раз в Григорьевском затворе, где прошла юность и его самого, и Стефана, он был без малого шесть лет назад. И вот доставленное с оказией письмо от Кирилла, разделившего с ним тайну напрасной смерти его духовного брата, напомнило об этом.

Закончив со вступительной частью ответного письма, Епифаний задумался: как сказать о главном, чтобы понимающему было довольно, а непосвящённому осталось тёмным? («Господь

даст глагол... Но явится ли подсказкой упоминание моей книги – Евангелия, в которое я вписал «Житие...»? Разделит ли друг мой радость мою от того, что многие перерисовали его себе, соревнуясь друг с другом и перенимая друг у друга? Покажутся ли Кириллу созвучными имена двух дивных и знаменитых мужей – Стефана и Феофана? Догадается ли, что эти строки я адресую прямо к нему: невозможно ни тебе того получить, ни мне написать, но... остальное ты представишь и уразумеешь. Поймёт ли, что Стефановы грамотки я перевёл и спрятал внутри самого Жития, ибо где вернее всего утаить слово, как не среди множества других? Послужит ли подсказкой упоминание расположения того в моей книге в четырёх местах?»)

*Послание иеромонаха Епифания
к некоему другу своему Кириллу*

...Уже видел ты некогда Софийскую Цареградскую церковь, написанную в моей книге в Евангелии, что по-гречески Тетроевангелие, а на нашем русском языке зовётся Четвероблаговестием.

Вот каким образом случилось, что город этот был написан в нашей книге. Когда я жил в Москве, был там и преславный мудрец, философ зело искусный, Феофан Грек, книги изограф опытный... Сей дивный и знаменитый муж питал любовь к моему ничтожеству; и я, ничтожный и неразумный, возымев большую смелость, часто ходил на беседу к нему, ибо любил с ним говорить. Сколько бы с ним кто ни беседовал, не мог не подивиться его разуму, его притчам и его искусному изложению.

Когда я увидел, что он меня любит и что он мною не пренебрегает, то я к дерзости присоединил бесстыдство и попросил его: «Прошу у твоего мудролюбия, чтобы ты красками написал мне изображение великой этой церкви, святой Софии в Цареграде, которую воздвиг великий царь Юстиниан, в своём старании уподобившись премудрому Соломону. Некоторые говорили, что достоинство и величина её подобны Московскому Кремлю... И это всё вышесказанное изобрази на книжном листе, чтобы я положил это в начале книги и, вспоминая твоё творение и на такой храм взирая, мнил бы себя в Цареграде стоящим».

Он же, мудрец, мудро ответил мне. «Невозможно, – молвил он, – ни тебе того получить, ни мне написать, но, впрочем, по твоему настоянию, я малую часть от части её напишу тебе, и это не часть, а сотая доля, от множества малость, но и по этому малому изображению, нами написанному, остальное ты представишь и уразумеешь». Сказав это, он смело взял кисть и лист и быстро написал изображение храма, наподобие церкви, находящейся в Цареграде, и дал его мне.

От того листа была великая польза и прочим московским иконописцам, ибо многие перерисовали его себе, соревнуясь друг с другом и перенимая друг у друга. После всех решился и я, как изограф, написать его в четырёх видах и поместил этот храм в своей книге в четырёх местах: 1) в начале книги в Евангелии от Матфея, – где столп Юстиниана и образ евангелиста Матфея; 2) храм в начале Евангелия от Марка; 3) перед началом Евангелия от Луки и 4) перед началом Евангелия от Иоанна; четыре храма и четырёх евангелистов написал.

Их-то ты и видел, когда я, устрась, бежал от Едигея в Тверь и у тебя нашёл успокоение моих терзаний, тебе исповедав печаль мою и явив всё книжие моё – то, которое после рассеяния и утрат осталось у меня. Ты же тогда написанный храм видел, и спустя шесть лет в минувшую эту зиму напомнил мне о своём милосердии. О том довольно здесь. Аминь [5].

[1] Называя митрополита Пуменом, Мелхиседек исходит от греч. Ποιμίν.

[2] Геронта – обращение верующих к Старцу (герон – букв. старец, греч.).

[3] Метафора перекликается с Библией (Исаия, 38:12).

[4] Ву – река; вож – приток, ветвь, ответвление (коми).

[5] РНБ, Соловецкое собрание, № 1474-15, лл. 130-132.

Любовь
АНУФРИЕВА

Любовь Андреевна

Ануфриева чужис

1987 воын Изьва районса Гам грездын.

Помалис Сыктывкарса государственной университетын филология факультет. Лэдзис «Linnud ei tauni. Лэбачьяс оз дивитны. Птицы не осудят. Birds will not condemn» (2008), «Мукөд энкөлаын» (2011), «Дас витөд из» (2012), «Еджыд бобула турөб. Вьюга белых бабочек» (2021), «Мөд шондї» (Другое солнце, 2022) небөгъяс.

Россияса гижысь котырö пырысь (2016).

«Наше поколение» конкурсн «Поэзия» нимпасын лауреат (Саранск, 2022), А. Е. Ванеевлысь литературной премия босьтысь (2022).

Уджалö Коми гижысь котырын литературной консультантөн.

«Ылын муркөдчис гым...»

кывбуръяс

Еджыд платтьö

Чужан муын вывті төла. Тöлыс пуясöс нуис.
Чужан муын вывті төла. Ылын буалö гым.
– Мамö, мамö, вына төв ныр менсьыс платтьöс гуис,
Сöмын чепеля* сійö колис. Öнi сьölöмын лым.

Енма-муа костас еджыд платтьö лэбачөн вошис,
– Мамö, мый нö чöлас усин? Шу кöть бурмөдан кыв!
...Тайö здукыс ловсö жамис**, вöсни чальясөн потшис,
Мамö бөрддзис сöмын. Платтьö нуис чужлытöм ныв.

Чужан муын вывті төла. Тöлыс пуясöс нуис.
Чужан муын вывті төла. Век на буалö гым.
Гырысь зэрыс кисьтö... Чойлөн лолыс ытваён туис.
Шоныд зэрыс кисьтö... Сыліс öдйö сьölöмысь лым.

* * *

Лолын кусіс лампа... бөръя истөгöс соті.
Сетчи войлы... менö гартіс видзьяслөн йир.
Виччысьтöма тöлысь стеклö банка моз потіс,
Олөм ылькйö меысь, быттьö ранаысь вир.

Баблөн гөлöс другысь меын надзмөдіс кадсö.
Сійö шöпкис гусьөн: «Выйым видзьяслөн вын,
Сöмын лэдзны колö öнi олөмсьыд чадсö,
Регыд тулыс воас... Войвыв кöдзыдсьыс мын».

Баблөн кывъяс бöрын вешйис войыслөн тывйыс,
Видзьяс вылысь сюри доймöм сьölөмлы сай,
Джиджкай*** кельöб воис посни дзоридзөн сывйö,
Меын олөм öзйис... меын нумъялö май!

*Чепеля – скр. öшлан көлуй кутöд.

**Жамны – иж. топöдны.

***Джиджкай – иж. еджыд кай, пуночка.

* * *

Чужан муысь муні ме сэки...
Туйыс вөлі син водзам уна.
Кута кодзув – сьөлөмнам эски!
Чужан муысь дыр кежлө муні.

Метөг олө Крукасян тыө,
Сэтысь кыйлі черисө важөн.
Өні кадыс гажтөмлун кыө...
Пызан вылын көдзалөм пажын.

Батьлы талун сисьяс ме өзта...
Корся сійөс ты дорсьыс чөла.
Рытъя руыс валъялө чөста*...
Татөн олө челядьдыр вөля.

Бипур дуксө неылысь кылі,
Сылань дыркодь восьлалі гусьөн.
Туйыс менө нуөдіс ылө...
Рытыс лои гөгөрбок чусөн.

Другысь кылі мотоцик** шысө.
Регыд батьө суөдас менө!
Мела локтө, кытшовтіс тысө,
Нөгыль русө шытөлөн*** венө...

Бара лөнис му вылас гождөм...
Чужан муысь дыр кежлө муні.
Лолам пөри тыдорса пождөм...
Туйыс вөлі син водзам уна.

---

*Чөста – иж. чөскыда.

**Моточик – иж. мотоцикл.

***Шытөл – вс. гөлөс, шы.

* * *

Сервантын олө дзоляник нывка,
Воштылі сійөс ме нэмъяс сайын.
Олөм-ю пыжын вуджөрөн кывтам,
Нывкасө ачым му вылас вайи.

Эг удит мамөн сылы ме лоны,
Тшыгсьыс-тшыг төв ныр гусяліс нылөс,
Удитіс лолыс сервантын кольны,
Гольөдчө паньөн... бөрдөмсө кыла.

Лөсьөді нывлы шондіа чашка,
Йөвсө кор мычча – чөвлунас волам,
Йөв пырыс вуджө радейтөм, гашкө,
Ми өта-мөдлы нэмъяс пыр колам.

Му вылас туйсө ме сылы корся,
Мед воас нывка зэв югыд лунө...
Сервантын кага паньясөн ворсө...
Ме талун вота өмидзсө уна.

* * *

Полөмөй йөршөн сибдөма лолө,
Йөнәлө тшөтьнас тувсовъя лунөс,
Сюръяөн шөйтись төв нырыс волө,
Лыасө гартө черилөн унмө.

Ме сьөлөм-юысь пөляла дойсө,
Черилы кыпид гыяслөн шыысь,
Полөмөй кылө куржайтөм* войсө,
Мен колө петны вөтъяслөн рыысь.

Олөмас меным вемөсыс колө,
И сэки, гашкө, йөршысь ме мына,
А өні быттьө стен сайын ола,
И сьөлөм-юын чериыс вына.

И сийөс меным тывъявны эськө.
Но гудыр юсьыс мый меным сюрас?
Сьөлөмам мамө көдзліс мен эскөм –
Вемөсас полөм синваён тюрас.

* * *

Шебрасөн оз ков вевттыны лолөс,
Аскомысь пырас керкаө төлыс,
Куржайтөм стенмө казътылөм волө,
И сы пыр бара воедө** вөлыс.

Сьөд вөлыс нуө олөмөс менсьым,
Тэн сийө некор оз висътав нимсө.
Важөн ме вөлі зэв ылын Енсьыс,
Андел мен лолысь куралө сімсө...

---

*Куржайтөм – иж. гыөртөм.

**Воедны – иж. котөртны.

Шебрасөн тэрмась вевттыны пусө,
Кодös ми коркө вötаным суим.
Туй бокас сьлөн сьлöмыс кусö,
Вötаным видзны сийös ми шуим.

Чиганка дзугис миянлысь кадсö,
Сьöd вöлыс бара сьлöмтi мунiс.
Чиганка колис чöлалöм вадсö,
А менам сийö вöтын моз вунiс!

Дзоляник сиськөн видзöдлi лолад,
Би пыр ме аддзи шондiа гожöм,
Катшасин кöрыс керка тыр лоö,
И миян йөрö садитам пожöм.

Бушков дырйи

Öшинь сайын бушков скрипкаөн ворсö,
Еджыд лэбач дöстшöп* кокалис лов,
Панов пыдди сийö гөлösс корсьö –
Панов пыдди сылы сюрласьö сов.

Ярскöб турöб дырйи сунгыси чöлас,
Меным колiс тэкöд сёрнитны здук.
Сöмын менö öнi гызьöдiс тöлыс,
Еджыд лэбач лолös гусялис друг.

Лэби, лэби ськöд енэжтас сайö,
Турöб нора ворсiс скрипкаөн мен.
Еджыд лэбач, вöлöм, öткaлун вайö...
Öнi югнитлывла... шондiөн тэн!

---

*Дöстшöп – иж. вывтi ёна.

* * *

Сынöдыс быттьö йөрмöма лолам.
Казьтыла тэнö. Корсьыся войнас.
Помнитан менö. Лолалан дойнас.
Енэжтi ветлан. Торйөн ми олам.

Мöд паськöм абу му вылас менам,
Сьöd рöмас пырзи, сьлöмöй сьлö –
Ракпаньын ола. Горöдчи ылö...
Абу тэ! Кадсö кымöрын венам.

Дзоридзьяс өкті – видзвывса лөньсө.
Енэжад каті муыввса садсө,
Кымөрьяс костөд козыналін кадсө, –
Радейтан нэмьяс... Доналом сөнсө

Оровтін меысь. Пöльыштін лолөс
Му вылас овны. Бобулөн коли
Öтнамөн бара. Ракпаньын молльөн,
Еджыдик молльөн вöтад ме вола...

Асыв кө сёрмас, виччысьлы сійөс,
Асылыс вурас зэв югыд платтьö...
Ракпаньысь пета. Шуа тэн: «Атьö...»
Топыда менсьым шамыртан киöс.

Кольквиж тупыль

Гежöда кодкө шыпөлэсам* воліс...
Сöмын тэ – сьöd платтьöа ань.
Нимтö тэнсьыд ог тöд –
чардак öшиньянь видзöдiм
öдйö котöртысь йöзыс вылö.
А сэссия тэ синмысь разин быттьö
меным тыдавтöм шарп,
и быд мортысь ме аддзи ю,
ю вывсьыс пыж,
а пыжас кывтіс дзик тупыль кодь
шондi.
Сылы эз ков пелыс,
вöлі пытшкөсса югыд,
и сійöс кывзысис весиг вына гы.

Ме синьи ва вывсьыс пыжтöм
дзоляник шондi,
сійö пöрис ме водзын зарни лэбачö
и кокыштіс лолөс,
и паметям ликмис тöрытья вötöй:
ме пыри еджыд ляпкыд керкаö,
сэн войлісны чужöмтöм челядь
либö менам синмöй эз аддзы найöс.
Менö кутіс киöd детинка –
ме аддзи сылысь чужöмсö,
еджгов юрсисö, клеткаа дөрöмсö,
дженьыд кока лöz гачсö.
Сандалиыс вöлі орччөн,
и сійö забеднöя видзöдлывліс

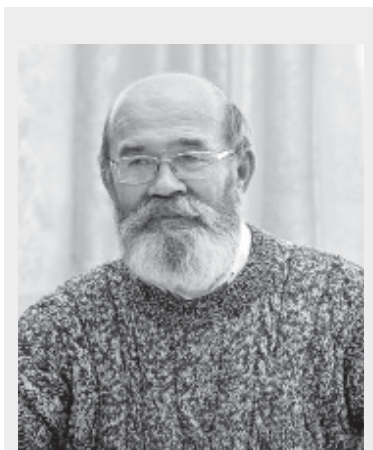
көм вылас,
а сэсса ме вылө.
И мен коліс көмөдны зонкаос,
сій эз көсийы кольччыны
ляпкыд керкаас.
Сылы колі мекөд петны вемөсас.
Ме эг лысыт вөрззыны места вылысь,
а детинка нюжөдіс меным кольквиж тупыль,
сій вөлі пымсьыс-пым.
Ме повзи сылөн сьөлөм шоныдысь
и пышйи ляпкыд керкасьыс.
Керкаыс пөри ойзысь каляө
да вошис енэжас.

Сьөд платтьөа ань шарпаліс синмөс,
и ме аддзи бара сөмын өдйө котөртись йөзөс.
Но сьөлөмөй помнитө зарни лэбачсө...
Сьөд платтьөа ань восьтіс
шыпөлэс өшиньсө –
ылын муркөдчис гым...

---

*Шыпөлэс – иж. чардак.

Алексей
ПОПОВ

Алексей Вячеславович Попов чужис 1950 вося июль 25 лунö Корткерос районса Ыджыдвидз сиктын. Гижö висътъяс, повесътъяс да пьесаяс. Лэдзис «Грезд», «Мывкыд Парма», «Олём войтъяс» да мукöд небöг.

Висътасьöм

Неважөн звöнитісны республикаса архивсянь да корисны вайны сэтчö ассым гижöдъяссö да мыйсюрö нöшта. Ме шай-паймунöмön юалі:

– Кад нин воис али мый?

Эз тай стöчасö вочавидзны-а. Но мөвпалыштöм бöрын босьтчи гижны тайö пасйöдъяссö.

Висътасьöм

Ар комынöдзыд тай кадыс быттьö чой паныд кайö. Торйөн нин кузьөн кажитчöны öнi на челядьдырся воясыд. Быттьö помасьлытöм лунъяс, вежонъяс вöліны сэк. Сэсса армия-ад на кык восö сэтшöм ёна думсьыд öддзöдлім, мед гортö тэ-рыбджыка бергöдчыны. Сы бöрын вель кузьöсь бурлачитан лунъясыд вöліны. Комын арöснас кавшасян быттьö чой йы-лас да недыр и сулыштан. Сэсса тай кыз кутан увлань лэччы-ны. Кадыс шутөвтö-исковтö, он и казьяв. Кымын улöджык, сымын лэччан öдыс содö. Он и тöдлы, крукасян да патурликасьöмön горулöдзыс тюран-воёдчан. Со и пондi ёнджыка мөвпавны челядьдыр йылысь. Водзтi казьявтöм серпас нем виччысьтöг мыччысьö весиг. Со неважөн дум вылö уси, кызди ме да ыджыд мамö ветлім кодъясöкö. Пырим керкаас, да пызан вы-лас горт куйлö. Ыджыд мамөлөн нывъёрт, тыдалö, кувсьöма. А занавес сайын потан. Сэни ичöt кага чужъясьö. Сы дорын пукалысь том нывбаба оз тöд, мый и вöчнысьö. Либö нимко-дясьны ладенечнас, либö шогсьыны рöдвужыслөн кулöмысь. И потаныс, и гортйыс дзик öткодьöсь быттьö. Со öд, потан-сянь босьтсьö мортыдлөн олöмыс да сійөн жö и помасьö. А кык потан костас быдса морт олём.

Коркö томдырйи на аслым лöсьöдлі шусьöг, код серти и кöсьи овны: «Ошкөм да суклясьöм веськодя сибöд да пыдöстöм йöйкөд эн вензьи». Унаысь эськö тайö кывъясыс юрö воласны, но он на тай вермы асьтö вежны да быд шусьöг серти овны. Ошкөмыд на, вөлём, сьөлөмтö мавтыштö, суклясьöмыд сійöс кырыштö. А вензытöгыд тшöтш жö некызди дай. Торйөн нин сэк лыбзьи-ла, кор коми кывкөд мыйкö не сідз быттьö вöчсьыны кутö. Уна выль кыв сукмалитöм* йывсьыд унаысь нин висътавлі да ог нин понды дöжнавны сэсса. Дöзмöдö и сійö, кор роч кывсö коми ногөн помаласны и чайтöны, мый комиөн варовитöны. Коркö важөнкодъ нин телевизор пыр сёрнитöны кык коми морт. Öтиыс сэтчöс уджалысь, а мöдыс Коми Республикаын вель ыджыд чин новлöдлысь. Воддзаыс юасьö: «Кызди думайтанныд, ближайшöй времянас положениеыс улүштитчас оз?» Чинаыд эз дыр мөвпав

*Сукмалитны – диал. öтчукөрö гудравны.

да вочавидзё: «Ме думайта, ближайшой времянас положениеыс уллучшитчас». Менам зэв го-раа серам петіс. И дум вылё уси, кызд Коми муё воліс ылі Англияыс Джон Гордон Коутс, коді словарьяс серти велёдёма миянлысь кывнымос. Коми радиовын сэки медыджыд редакторнас вөлі драматург Александр Ларев, коді и мөвпыштёма варовитны локтөм мортыдкөд. Чургөдёма микропонсө да юасьё: «Господин Коутс, частө-ө Лондонын овлөны туманьяс?» Мөдыд вель дыр кежлө шай-паймунлөма да висьталө: «Ме чайта, мый юалөмсө колө пуктыны тадзи: «Тшөкыда-ө Лондонын овлө руа». Суйөрсайсаяс миян дорысь кывнымос лөсьыдджыка со төдөны.

Некызди мукөддырйиыс оз сьолөм вылё во телевизор пыр висьтасьысьяслөн сёрниис. Бытьё и коми кывьяс вомсьыныс петөны, но он гөгөрво, мый шуны көсьёны. Тыдалө, медводз рочөн гижасны да сэсса коми вылё вуджөдөны кывйысь кывйө. И тадзинад ставнас дзугсьө. Лоө сэтшөм висьталөм, кызди эськө аскежся сёрниын коми морт некор оз шу. Та вөсна видзөдысь некызд оз гөгөрво, мый сылы телевизор пырыс көсьёны висьтавны. Ме тай дөзма татшөм сёр-нисьыд да зэв өдйө кусөда. Гашкө, абу ме сөмын татшөмыс. И юрө воөны Альберт Ванеевлөн кывьясыс: «Коми мортыд некор оз шу, мый колө нырад тшупны. Тайө рочысь вуджөдөмтор. Сійө шуас, мый пель саяд пө сюркняв».

Олөмас унатор шензьөдлө. Пукала вокьясын да дзорга сиктса туй вылё. Нем виччысьтөг го-раа увтөмөн мыччысис пон көлысь. Бытьё став ай понйыс өтилаө веськалөмаөсь. Син уланыс кө усян – чашьясны. Вежөгтасны да. Со тай кутшөм вылын бөжа энь пон на водзвылын котөртө. Кукань ыджда кык пон босьтчисны лөкысь пурсьыны, юкөны невестанысө. Мукөдыс, неуна ичөтджыкьясыс, тшөтш жө өта-мөдныскөд косясьёны. Медбөрын ставныс бытьё вунөдлісны энтьө. Сөмын камаши ыджда урөс пон өтрасөн коли вөтчынысө. И оз төд, мый вөчнысө, көть эськө водзын тірөдысьыс бөжсө легөдө и быдөн да. Медбөрын сяммис жө.

Видзөді да мыйлакө ставсө тайөс өткодялі бөрья кызь вося бөрйысьөмьясыскөд. Дзик өд тадз жө лёддзөн вөтлысьёны да юкөны өти чинсө. Быдөн көсьё сійөс тшапнитны. Ота-мөднысө сукляласны, быд ногыс пиняласны. Ас костаныс яра пурсигөн, он казявлы да, дзик төдтөм морт слөймас суйсьынысө, коді, гашкө, весиг эз төд, мый морла и кутчысис. Сэсса шензьыны босьт-час и быдөн, мый пө өні тайө чиннас вөчнысө. Нинөм пө өд ог пөтурайт.

Бөрья кадас ачым вежси жө. Вөтъястө важөнсө садьмөм бөрын эг и казтывлы. Мыйсө эськө узигад он аддзыв да. Юрад кө ставсө кутны, вежөрыд гудыртчас. Явө олөмсө он гөгөрво, а кытысь нин вөтысь. Но бать кулөм бөрын со мый аддзылі. Сійө вөлі бөрья война вылас да бергөдчис гортас кок пөлөн. Таладорысь мунөм бөрас лун куим мысти кымын вөтө уськөдчыліс. Бытьё зэв уна йөз кытчөкө тэрмасьөмөн мунөны. Кутшөмкө ю дорө ли мый ли. Бать на пөвстын кок пөлөн чеччалөмөн өдөбөн мунө. Кодкө көсьё отсыштны, но бать шеныштчө таысь. Ачым пө на верма. Тайө вөт бөрас пыр төд вылё зільла уськөдны, мый аддзылі. И со мый казялі. Корсюрө бытьёкө вөтын корся оланінөс. Тайө либө дача, либө Көрткерөсын олігөн сетлөм патерай, либө жө вельёс кыпөдөны. Но некод меным бытьёкө оз лөсяв, да ог и овмөдчы сэтчө. Садьма татшөм вөт бөрас да недыр мысти висьмыла. А кажитчас кө коркө оланіныс, овмөдча? Со мы-йысь, йөйыд, повны куті.

Унаторйөн на шензьыла збыль олөмас. Муна өтчид карса уличаөд да керка вевт вылысь аддза кык дөрапас. Россиясаыс гартчөма пу гөгөрыс да шлячвидзө. А комиыс дөлалө төвсьыс, шпорөдчө. Кызкө весиг гөгөрвотөг нимкодьясьны босьтчи. Бытьё абу и ыджыдтор дөрапасыд, но зыкөдз вермас вайөдны. Со Ыджыдвидзын лямпиада быд во мунө. Котравны лөсьөдчанинас быдсяма дөрапассө жө сатшкалөмаөсь. «ЛДПР», гөрд рөма, «Справедливой Рассеялөн» сэні жө. Ставныс дөлалөны. А «Отувья Рассеялысь» дөрапассө мыйлакө төв сайө сатшкөмаөсь. Дерт, нинөм сэтшөмсө водзвыв артышттөг. Сідз лоөма да и ставыс. И оз дөлав налөн дөрапасыс. Бокысь воөм чина нывбабалысь тайө серпасыс дзикөдз сьолөмсө гудыртіс. Ордйысьысь бөрсяыс вөтлысьө да юасьё, мыйла тадзи. Коньөрөй, эз весиг видзөд котралысьяс бөрсяыд, а дөрапас вылад дзоргис. Чайті весиг, мый матыстчас да пөлявны босьтчас, мед дөлалас дөраыс.

Нөшта кө нин гарыштны дөрапас йывсьыд, то татшөмтор телепит висьтавны. Сійөс өд ёна важөн нин мөвпыштөмаөсь. Кор армияс йөзыс лөсьөдавны босьтчисны, мед асьнысө дор-йыны. И нямөдкөд тшөтш, мед салдатлысь коксө оз зырт, лөсьөдісны дөрапас. Мед ышөдас

вермөмъяс вылө. И синсө моз видзисны сійөс, медым оз сюр вөрөг киё. Сэсса и странаяслөн лоины дөрапасъяс. Тшөтш и Россиялөн. Государствоясөн веськөдлысыс мөвпалісны эз сөмын йөзсө вердөм, пасьтөдөм да гажөдөм йылысь, но и мед налөн вөлі чужан му вөсна төжд-мог. Медым төдісны йөзыс, кытчө мунөны.

Оти кывйөн кө, мортлөн абу сөмын кынөм, но и лов эм. Оні жө быттьө ёнджыка кутісны төждысыны нямөд вөснаыс. Дөрапасыс, мортислөн лолыс озджык ков юралысыясыдлы. Сэсса и со мый на синмө шыбитчө. Эм эськө дөрапасыс, но водзті сійөс нуысыясыс мунісны веськыда. Оні жө быттьө пөшөкөнясьөмөн** дөрапассө нуөны. Сы бөрся мунысыясыс оз төдны, кыдзи и воськовтас водзын шавксьөдысыс. Од дөрапас нуысыясыс то өтилаө шыбитчыласны, то мөдлаө вежынтчыласны... Кодкө лөсьөдчө да сяммө водзөсө на ногөн мунны. Кодкө и кинас шеныштө да джөм сувтө. Кор идеологиясыс төдөмөн вөчөны ставсө веркөса, праздник моз, тадзи пыр и лоас.

Бөръя каднас ачымөс кута нин вывті тэрмасьөмысь. Коркө өти морт дорө, кодлөн вөлөма куим ныв, локтөма корасыны зон.

– Кодөс нө көсьян гөтыр вылад босьтнысө? – юалөны сылысь.

– Ог и төд. Куимнанныс зэв мичаөсь да. Көть ставнысө босьта.

– Ковмас өтиөс на пөвстысь бөрйыны, – шуө нывъяслөн айыс. – Вөчам со кыдзи. Мед найө пуктасны бипур вылө пөртъяс. Кодлөн медводзын пузяс сэні ваыс, сійө и лоө тэнад гөтырөн.

Сідз и вөчасны. Откодъ би вылө өшөдасны дзик өтыджа пөртъяс. И босьтчасны виччысыны. Кык гырысьджык нылыслы зонмыд зэв ёна сьөлөм вылас воөма. Вывті телепит сы сайө петны. И пыр восьталөны пөдансө да видзөдөны – пузис эз на ваыс. Медся ичөтыслы верөс сайө петны абу окота, да оз и видзөдлы пөрт вылад. И, дерт, сылөн медводз и пузяс ваыд. Оз восьтав вевтсө да.

Водзті ме зэв жө ёна тэрмасьлі, өддзөдлыны видлі кадсө, медым тэрыбджыка мыйкө шедөдны. Оні ог. Мый шуөма лоны, лоас. Сэсса и тэрмасигад верман мыйкө гудыртыны, он сідз вөч.

Коркө ёна важөн нин Англияысь караб сувтөма Африка му дорө. Воөма сы могысь, медым босьтны татысь рабъясөс. Сэсса нуны да вузавны кытөнкө. Пищальяснад, дерт, англичанаыд өдйө венасны татчөс олысыястө. Томджык мужичөйясөс да зонъясөс, кинысө көртавласны да, катөдасны караб вылад, вөрзьөдчасны ва туйөд. Сы мында морт сюри вузавнытө, да англичаналы зэв нимкодъ. Босьтчасны гажөдчыны. Голя помас вотөдз юасны курыдтортө да ставныс унмовсясны. Рабъяс пөвстысь өти кыдзкө сяммас мездыны көрталөм кияссө. Сэсса ставныслысь разялас. Отувйөн уськөдчасны сургысь англичана вылад да ставнысө шыблаласны ваө. Мездөм войтырлы, дерт, нимкодъ лоө. Быдөн төдөны, мый африкаса олысыяс вермөны помся йөктыны да гажөдчыны. Со и сизьдөны-йөктөны, сьылөны-сералөны. Но нем виччысьтөг кыпөдчас ён бушков. И карабтө шыбитас ыджыд из вылө. Некод жө ловйөн оз коль. Вөлөмкө, рабъяс пөвстсьыд некод оз сяммы веськөдлыны карабнад. Сэтшөм ногөн жө и миян вөлі. Важ олөмсьыс, коммунизмө мунөмсьыс мездысим, а кытчө водзө шавксьөдны, некод оз төд. Нуөдысыс, кужысыс быттьө эз вөв. Муртса эг пасьмунөй. И өні на быттьө карабнымөс ён бушков дырйи моз өтарө-мөдарө шыблалө.

Сизимдас арөс со нин вуджөма лои. Весиг аслым оз эскыссы. Быттьө кутшөмкө мөд морт йылысь шуөны, сылы пө сизимдас сайө арөс нин. Мыйсяма олөм и олі? Коли сөмын тадзи мөвпавны бөрө исковтөм вояссө казтылігөн. Йигрөдлан, новлөдлан юрад кольөм кадсө да медся нин любөпырысь сувтлан челядьдырся вояс вылад. Тыдалө, ичөтдырыд – медся донаыс мортылдөн олөмас да некор тай, вөлөм, оз вун. Син водзө пыр и воөны ыджыдвидзса сэкся керкаясыс, йөзыс, Висер юыс, сиктдорса вөрыс. И, дерт, бать-мамыд, чой-вокыд да ёртъясыд. Менам батьөй – Анна Иван Пиле Васька Ветшеслав – чужлөма да быдмылөма Джиян грездын. Мамөй – Педөсь Иван Вась Людмила – Выльыбын дай. Батьлөн мамыс вөлөма Зулөбысь Ольөш Катя. Ыджыд мамөй быдмылөма Ыджыдвидзын. Сылөн кутшөмкө матысса на рөд,

**Пөшөкөнясьны – диал. вежнясыны.

Людмила Васильевна Попова да Вячеслав Васильевич Попов асланыс пиянкөд – Алексейкөд да Васькөд.

пöчыс ли, пöльыс ли, вöлöма Одыбысь. А ачым со быдмылі Макарсиктын, кодöс Ыджыдвидзсьыс торйöдö сöмын Прокö шор. Со и артмö, мый Висер вожыс дзонь-нас йитчöма менам рöдвужкөд.

Ылö кольöм кадыс гылалысь кор моз син водзын вуджрасьö. Ачымöс тöд вылö уськöда зэв на ичötөн. Сулалам Вась воккөд лабич вылын да видзöдам, кызди паччөр сэрöгын пукалöны пöчьяс. Мыйкö варовитöны. Быдмыштöм бöрын юасьлі мамлысь, көні ми вермим тадзсö сулавны? Висьталіс, мый Ликерья тьötкаясын. Асланым пö оланін эз на вöв, да сы ордын патеруйтім. Тайö серпас бöрас ичötдырся олöмöй вежöрын быттö вошлö, коставлö. Сöмын Опонась тьötка ордын лöсьöдлöм детсайдьыс вуджөр моз син водзö сувтö. Ыджыдвидзын кыпöдісны виль детсад, да сэтчö нуöдöмсö ясыда нин тöд вылö уськöда. Морт сизим и ветлім. Сиктас эськö челядьыд таысь унджык жö быдмис, но

пöчьясыс да ыджыд мамьясыс, тыдалö, гортас видзлісны. Миш нима детинкалөн майка водзыс вöлі косяссьöма, да зэв ёна вежöй петіс. Буретш кино вылö нулісны. Сэні кутшöмкö морякöс лыйлыны сувтöдісны да, мортыд лёкысь чашйис-косяліс визья майка водзсö. Морöссö водзлань чургöдöмөн оськовтіс лыйлысьясланыд. Оз пов со нинöмысь. Мишыд меным тайö моряк кодьыс жö кажитчис. Мыйөн ме сыысь омольджык? Эг дыр артась да лёкысь косялі виль майка водзсö гөгйöдз кымын. Зэв тшапа сэсса лунтыр ветлöдлі.

Сэки ми Макарсиктын нин олім. Кык-куим патера вежöм бöрын бать-мам ньöбöмаöсь важ керка. Öти посводз помын кык семья олім. Öтарö-мöдарö öдзöс посводзсянь вöлі. Шуйгавылас миян оланінным, веськыдвылас оліс Ирина пöч аслас Наталь нылыскөд. Васькөд, ыджыд воккөд, сэтшöма венö волам, да Ирина пöч сарайсьыс став косасö да черсö дзевлалас. Мед пö пöсьйивсьыныд öта-мöднытö он кералöй.

Челядьдырся ёртьясöй век жö син водзынöсь. Быдсямаыс вöвлі. Ворсам-ворсам да зыкö волам. Мöд асывнас бара нин öтлаынöсь. Коркö Васькөд кутшöмкö вуджан висьöмөн нёрпавны босьтчим. Весиг Висерса больничаөдз катöдлісны. Пöшти тöлысь олім. Мам уджаліс йöв заводын, да миянöс вайны вöв корöма. Тöвся көрöба доддьөн босьтны локтіс. Сиктнымöс адзди, да сьöлöмöй чеччыны кутіс. Сэтшöма гажöй бырöма! Öні, кор Ыджыдвидзö вола, тшötш жö сьöлöм пессьö, но оз сэтшöма, кызди сэкинас. Тыдалö, дзык на медводдзаысь вöлі янсöдчöма чужан сиктыскөд, да сійөн сэтшöма дзоля сьöлöмыд вөрзьялöма. А ёртьяслөн нимкодьыд! Петі ывла вылö, да ставөн менö кытшалісны. Кодкö гайка вöзйö козин пыдди, ассьыс медся ыджыд озырлунсö, кодкö пуысь вöчöм нагансö киö суйö. Дерт, недыр мысти бара венö воим, но кызди гажтöмтчöмаöсь вöлі меысь, некор оз вун.

Унатор на син водзын вуджрасьö ичötдырся олöм-вылöмысь. Сьöлöмöс шонтö, нюмöс перйö. И тшöктö шуны öнйя посни войтырлы, мед дырджык кыссяс налөн челядь кадыс да лоас шудаөн, югыдөн, нэм казьяланаөн.

Пыр виччыси вежөр көвьясьöм, а сійö эз и лолы. Шулöны, мортыс пö кымын водзö олö, сымын вежöраджык. Гашкö, кодлөнкö и сідз, но абу менам. Гашкö, сöмын наянджыкөн куті лоны да ог нин суйсы быдла? Но арлыдыс збыльысь морттö таялö. Пукала со да ассьым олöмöс казьяла. Быттö сöмын тайöс и коли вöчны сизимдас сайö арöса мортыдлы. Лючки сы вöсна, медым коркö, вояс кольöм бöрын, менам олöм дорö нинöм эз содтавны. Та вöсна видла

гижны ставсö кызд поэьö веськыдджыка. Ставсö эськö ог жö да. Сизимдас вит на öд лоас, сэс-ся көкъямысдас. Вочасөн жö колö ас йывсьыд висьтавнытö. Колökö, ог кө кув, сё арöсöдз на öддзöдчöмвивсьыд ола.

Коркö вель важөн лöсьöдлi аслым кыз тетрадь. Öтиласяньыс кутчыси гижны аслам, мукöд гижысьяс, нималана войтырлөн олöмысь тешкодь лоöмторъяс. Мöдарсяньыс көсии пасьявны, мый ме мөвпала, шуам, Геннадий Юшков, Альберт Ванеев да мукöд йылысь. Весиг Вячеслав Худяев йылысь, кодi сэки вöли Коми Республикаса министръяс сöветөн веськöдлысьөн. Тешкодь лоöмторъяс юкөныс пыр содiс, а мöдарас нинöм эг пасйы. Кутi мөвпавны, мый, гашкö, верма пöсьйивсьыд не сiдз пасйыны да. Сэсся уна во мысти тайöс лыддясны да пондасны мортсö донъявны менам пасйöд серти. А эг кө гөгөрво ме мортсö? Эг бура сяммы донъявны? Со и эновтчи. А ас йывсьыд гижны, чайта, стöчджыка артмас.

Кутi гөгөрвоны, мый мортыдлөн олöмыс вöсни сi вылын. И юрö воöны серпасьяс, кор менам вылöмöй вермис бырны. Медводз – сьökыда висьмылöмöй. Зэв на ичöt вöли. Öтнамөн гортын. Куйла вольпасын. И син водзын быттьö ыджыд сьöd ёкмьль гöгыльтчö мелань. Со дзик нин матын, регыд вылö каяс. Повзи да пасьтасьöмöс весиг ог помнит. Котöртi ывла вылö. Тöv вöли. Босьтчи мунны неыджыд ордымöд, паныд кодкö локтö. Вöлöма мамöй. Удж вывсьыс вöзйисьöма. Öлексей пö висян коли, да видзöдлыны ветла. Пыртöдiс гортö, градусник киняулö суйлис да тэрыба корсис лекарство кизьяс. Бöрас кутi юасьны сылысь, кутшöм сьöd ёкмьль ме вылö гöгыльтчö вöли? Температураыд пö зэв ыджыд вöли да, гашкö, вирыд пузис, да сийөн.

Сэсся мöд серпас сийöс панийö. Коркö патеруйтi Сыктывкарса Куратов улича вылын зым-видзысь керкаын. Ичötик жыр сöмын верми көртымавны кутшöмкö мужичöйлысь. Сылөн вöли газөн ломтысян плитка. Газыс неыджыд баллонын. Öтчид öзтi плиткасö да аддза, кызди биыс шланг кузяыс кутiс мунны баллонланьыс. Газыс, тыдалö, письтöма. Ог вермы тöд вылö уськöдны, кызди ставыс артмис, но ки улö веськалi ва ветьök, да öдийö пондi кусöдны бисö. Шудыд вылö öд кусi. Нöшта здук-мöд, и ме эськö лэбзи. Газыдлөн öд выныс ок ыджыд.

А машинанад мунигөн некымынысь жö муртса пасьмунöмöдз эг волы. Уна вотö ветлигьясад быдсяма шопер дорас пуксьывны ковмылис. Овливлис, мый дзик нин матын воча локтысь машинаыс. Но кызкö быттьö дiнтiыс мунигмоз боклань слöймас уйкнитны. Син куньялан здук быттьö мездас тэнö пасьмунöмсьыс. Та вöсна көсья, мед видзинныд ассьыныд олöмтö. Сийö зэв вöсни сi йылын кутчысьö.

Олi эськö эг мöдысь ассьым тайö жö олöмсö? Эг. Вывтi нин сьökыд корсюрö овлис да. Томдырйи веськодьджыка став вылас видзöдi и верми венны, водзö мунны. Öнi быдторйысь нин öдийö пузя, да юр висьны кутас. Со компартияысь вöтлöмöс гарышта. Кызь öкмыс арös на вöли сэк. Ълавлi да вежон кык кежлö удж вылысь вошли. А вöтлöмыслөн помкаөн лыддисны, мый ме палявлытöм вина юысь. Тöдчöда: во мысти уджысь орöдчытöг помалi Сыктывкарса университет. Партияысь вöтлöм мортыдлөн сэк став туйыс вöли пöдса. Но кызкö тай водзö йоткаси.

Тувсовъя серпас син водзö сувтö. Ътва дырйи сиктö волiсны нянь тыра баржаяс. Унджык мужичöйыс сэк гөрöны да көдзöны. Кодьяс прöстджыкось, локтöны кыр йылö, кытчö баржасыс нырсö сатшкас. Ъджыд лача кутöны сьöм нажöвитöм вылö. Мешökьяс сьökыдось, оз на весиг быд мужик вермы дыр новлыны. Та вöсна донсö сетöны быд петкöдöм мешökысь. Но вот: локтасын кыр йылö мужикьяс. Ми, челядь, сэнi жö. Окота тöдны, кутшöм мужиклөн пидзöсыс куснясьö сьökыд пызь мешök улас, а кодi кокниа петкöдлö. Но мужикьяс оз тэрмасьны кутчысьны ректысьны. Пукалöны, доньясьöны. Танi жö сельпоса веськöдлысьяс. Найö ассьыныс дон шуöны. Мужикьяс куражитчöны – ичöt пö. Медся ёна доньясьö Закар Степан. Ъджыд горөн шуалö, мый кольöм во пö вит көпейкаөн унджык мынтылинныд, а таво сiдз жö колö. Сельпосая тöдöны, мый баржа сулöдöмысь налысь штрап перьясны. Но век жö мыйкöдыра доньясьöны. Закар Степан пыр каттысьö на вылö. Мукöдыс, морт комын, бокынджыкось. Кодi сулалö, кодi пукалö. Быдөнлы жö окота, медем мешök донсö содтыштiсны. Но чöv олöны. Вомгорулас сöмын броткöны, гусьöнмоз, Закар Степанös ыззьöдöны.

Медбöрын сельпо пред Арсень Öньö скöрпырысь юөртö, мый мешökыслөн доньыс лоö кольöм вося мында. Мужикьяс вермасны босьтчыны ректысьны. Но сöмын пö

мед Закар Степан оз кутчысь. Мужикъяс первойсö зык кыпöдлöны. Мед пö тшöтш ректысьö. Но предöс он зырышт. Менам пö шуöма. Кöсьянный кö пö кольöм вося донсьыд уджавны, петкöдлöй, но Закар Степан мед матын эз вöв. И мый жö? Гозмöдön нин Закар Степанöс корöны мунны гортас. Сэсся мукöдыс босьтчöны вöляысь сыысь мездысьны. Бытьö эз сийö медся ёна кор, медым донсö содтисны. Асьныс чöв олöны-а. Öнi, кор сы отсöгön лои

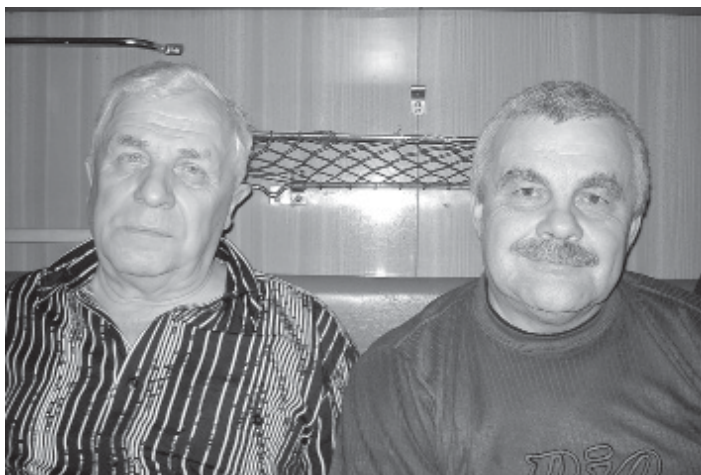

Алексей Попов да Александр Некрасов Лöзымса библиотекаын.

удждонсö кыпöдöма, мортыс оз нин ков. Закар Степан скöрысь ёрччыштö да юрсö лэдзöмön довгö гортас. Мукöдыс кутчысьöны ректысьны.

Тайö серпасыс пыр зилис öлöдны менö, мед эг некытчö суйсьы. Но эз век вермы öлöднысö. Ассьыд рутö он веж. Тöд вылö уськöда 1986 во. Олöмыс вежсьыштны мöдiс, виль тöв пöлыштiс. Сыктывкарса изэрд вылын паныд лои сэки том на коми гижысь Александр Некрасов. Муна пö партия обкомö, идеология кузя секретар дорас. Виль мортöс пö сэтчö пуктöмаöсь, Вениамин Савватъевич Осиповöс. Кöсья пö висьтавны, мый гижысьяслөн котыр, торйөн нин Геннадий Юшков, лёка уджалö том гижысьяскөд, быд ногыс оз лэдз ассьыныс туйсö писькöдны. Меным тадзи жö чайтсис. Александр Некрасов ёртлысь сямсö да русö уна вонад бура нин тöда. Сийö вермас сöмын висьтавны, кызди сийöс дзескөдöны. А меным нем виччысьтöг лои телепит висьтавны, мый став том гижысьыскөд омöля уджалöны, оз отсавны лэдзны небöгъяс, сöмын асьнысö славитöны. Меным эськö Некрасов дiнтiыс мунны, но эг тай. Ачым вöзйыси. Мися, кыкөн и пыралам. И пыралiм. Вениамин Савватъевич сюся кывзiс миянöс. Ми эг на слöймöй воны Печать керкаöдз, а танi тöдiсны нин обкомад пыралöм йывсьыс. Сэки ме уджалi «Чушканзi» журналын. Медся ыджыд редакторнас вöли Василий Егорович Кушманов. Корис менö ас дiнас да скöрысь шуис, мый оз ков вöли меным обкомас ветлынысö. Мися, колö. Мöд луннас гижысь котыр нуöдiс ассьыс правление, кöни видлалiсны том гижысьяс А. Поповлысь да А. Некрасовлысь творческой быдмöмсö. Но и сюрыштiс жö миянлы. Но медся лёкыс сыын, мый «Чушканзын» менам некутшöм гижöд эз кут шогмыны. Тiлямырся, вая Кушмановлы, а сийö оз и видзöдлы. Но шуö, лёка пö гижöмыд. Тадзи тöлысь кымын верми терпитны. Сэсся ковмис мунны. А том гижысьясыдкөд уджыс збыльысь вöрзис. Öткымынлы ыджыдджык чин сетiсны, кодсюрöс лэптыны мöдiсны. Но эз миянöс Öлексан Некрасовкөд. Ас кодьясöсджык, кывзысьысджыкъясöс водзлань йöткавны кутiсны. Найö, кодьяс ме кодсьö удж вылад эз и босьтлыны. Ковмис мунны да некымын во уджавны общежитиен воспитательöн. Оланiныс менам карас эз вöв, а сэнi быдса жыр сетлiсны. Та бöрын кык во стрелокалi вневедомственной охранаын. СМЗ-лысь эмбурсö видзи. Сэнi и гижи ассьым медводдза повесьтöс. Сэсся Öлексан Ульянов ёртöс индiсны «Югыд туй» газетö редакторөн. А сыкөд ми нэм лöсявлiм. Нинöм вылö видзöдтöг ёртасим. Сийö и босьтiс менö уджавны «Югыд туйö». Тайö вöли нин 1989 воын.

Сэсся во мысти бöрйисны «Войвыв кодзувса» редакторöс вежысьöн. Кык во мысти бара олöм налькъяс шедi. Ог весиг кут висьтавны, кызди да код вöсна. Но эз кö босьт штатнöй драматургөн Виктор Савин нима театрса директор Александр Куликов, бөр ковмис стрелокавны ли мый мунны. Сийöс ёна жö топöдлöмаöсь менö ас дорас босьтöмысь. Но Александр

*Владимир Тимин да Александр Ульянов.
Петрозаводскö финн-йöгра гижысьяслөн
международнöй конгресс вылö мунігөн.*

Александрович шуома, öнi пö абу нин важ каыд, да мортсö дзерöдны ог сет. Кык во мысти асьсö зырыштiсны. А меным ковмис мунны. Некытчö вöзйысьны эг мöд. Öти-кö, оз босьтны, мöд-кö, ковмас кодкö водзын кевмысьны. И пöшти дас во вöли творческой удж вылын. Дерт, гöлиник олöм семьялөн сэки пуксьылис, но кызкö тай бур гöтыр отсöгнад лои венöма. И бара жö аттьö Александр Ульяновы. Сійö муніс «Би киньын» главнöй редакторалöмсьыс да ас местаас вöзйис менö. И пыр на кутчыси. Наянджык лои ли мый ли? Мукöддырйиыс ачым аслым мустöм лола. Гораа весиг шула: «Тайöс нö мöй терпитан?! Тэ мöй нö татшöм коркö вöлін?!» Менам ыджыд мам коркö шулис,

мый лёксö ас пыткад кутны оз ков. Пет пö да кöть эжаас вачкав, петкöд пытшсьыд лёксö.

Тöда, мый нинöм нин оз вежсьы менам гижöмөн, но эжаас вачкалöм моз жö водзö висьтышта со мый. Олöмыс збыльысь зэв ёна вежсис. И меным чайтсьö, мый важсьыс лои босьтöма эз бурсö, а лёкджыкторъяссö. Сэсся öнi сы дорö содталöны оз жö бурсö, а лёксöджык, ковтöмсöджык. Колö эськö вöли важ олöмсьыс босьтны бурсö да содтыны öнiя олöмыслы лёсялана бурсö жö. Ог кут висьтавны став кузяыс. Быдлаын öткодь. Босьтам коми печатьсö кöть, кытөн ме матö ветымын во нин нокся. Гугсö и бансö тöда. Водзтi газетса уджалысьыд вöли ёна пыдди пуктанаджык. Районса газетсы редакторъяс вöлины партия райкомса бюроын. Республикаса газетъясыс редакторъясöс бöрйылисны КПСС обкомса членъясөн. Локтас вöли сиктö либö посёлокö газетын уджалысьыд, да ставныс тöдöны. «Чушканзын» гижöм критика серти вöчлисны партия райком да весиг обком бюролысь чукöртчылöмъяс. Мыжаясöс вöтлывлісны удж вылысь. Ошкасны кö вöли кодöскö газетад, ставныс жö тöдöны да пыдди пуктыны кутöны. Öнi жö газет дасьтысьысыд лоины ковтöмöсь. Юöрыс öд быд розьысь öнi паськалö. Та вöсна тиражъясыд чинöны. Водзтi, партия дырйи, оз жö позь вöли ставсö гижны. Эг чайтлы, мый перестройка бöрын бара веськалам цензура кабырö. Збыльысь шуа, мый партия кадö цензураыс вöли ёна слабджык.

Корöны быд ногыс содтыны тираж. А кызди содтан, кор газет да журнал лыддысьыс чиніс. Ёсь гижöдъяс оз петавны, да йöзыслы дышöдö лыддыны сы йылысь, кытчö да мыйла ветлöмаöсь чина войтыр. Шуа тай, мый тираж содтыны тшöктöны. Петан туйыс пö газет-журналлысь дизайнсö, тэчасногсö вежöмын. Чайта, мый лыддысьысь оз мөвпав сы йылысь, кутшöмджык газет-журналыслөн чужöмбаныс, а корсьö, мый позьö сэтысь лыддыны. Тöд вылö уськöда кольöм нэмся сизимдасöд вояс шөр. Солженицынлөн «Архипелаг ГУЛАГыс» кысь кийö ветлөдліс машинка вылын печатайтöмөн. Листъясыс нин бонзьöмаöсь, но йöзыс эз видзöдны и та вылö, и небöгсö лыддыöмысь мыждöм вылö. А öнiя выль ру йывсьыс мөвпалігөн чужис со татшöм серпас.

«Чарканыр грездын олысь-вылысь Сенька Даръялы рытладорыс вайисны выль газет. Карысь сійöс судзöдö. Эз кут лыддыны, гортгöгöрса уджыс уна на да. Час көкъямысын сöмын прöстмис да босьтiс кияс выль петассö. Дөрöм мыг кежсьыс нин вöли, да öддзöдчöмөн чеччыштiс юбка пыткас. Сэсся, мый ки улас сюри, кышаліс вылас да котөрөн уськөдчис суседка дорас. Котөртöмөн эськö сизимдас сайö арöса пöчыдлысь тэрмасьöмсö он нин вермы шуны да. Но кыз вермис, сiдз и тэрмасис юксьыны выль юörnас.

– Маръя! – суседкасö муртса эз весьöпöрт горöдöмнас Сенька Даръя. – Шуöны, мый шудыс таладорас абу. Сөрöм! Вöлöма на тай щассьöйд!

Маръя нинöм гөгөрвотöм синмөн дзоргис сы вылö. Зарни ёкмыль али мый сюрöма?

– Со, видзод! – кыскис гижом петассо зепсыс да паськодис пызан вылас. – Со кутшом шриптон гижомаось. Дзик откодьюсь юрнимьясыс. А сынодыс мыйта! Меню лов подом воли водито, да видзодли, и сэтшом кокниа лоловсьыны кутис.

Марья весиг кыв паньд шуны эз лысьт. Коть эськө нинюм эз потурайт Дарья висьталомысь.

– Со петас нимсо зэв кыза кыкысь визьон гогортюмаось, – водзо висьталис Дарья.

– Кулома кодкө али мый? – полигтыр юалис Марья.

– Он кө нинюм гогорво – ланьт, – вомалис Дарья. – Со важ петассо видзодлы. Кымын во миянлы лёк вкус вольом тувьялоны. Сталин дырйи кө, лыйлисны нин татшом ыджыд пакосьт вочомсьыс. Кодкө сюрюма жө бур морт, вежома ставсо. Оні и шриптыс оз веськыда сулав – поллоса пуктомаось. А сынодыс! На, исышт. И важ петассо исышт. Кодсо исалигон кокниа лоловсьо?

– Менам лолой оз на под, да ог и гогорво, – мыжа морт моз шуис Марья.

– Ме чайта, мый важ ноганас петассо вочигон миянлысь вкусьяснымос ена тшыкодисны, – эз весиг кывзы Марьялысь шуомсо да ассьыс нин висьталис Дарья.

– Гашкө, судю таысь колө сетны да? – мый юрас воис, сийос и брольснитис Марья, мед суседкаыс ног сёрнитны.

– Да, да! Судю и сетам! На важ петассо киад босьтлы. Страшно весиг босьтнысо!

– Страшно кө, ог и босьт. Зорвитчас кийн дай, – пыкис Марья.

– Тэ вай аски жө выль нога петас вылас гижодчы! – чорыда шуис Дарья.

– Ог и тод, – майшасис Марья.

– Кыдз он тод? Выль дизайна петас вылас колө ставлы гижодчыны.

– Мый нө сийю дизайныс? Кутшомкө выль сеян али мый? – юасис Марья.

– Лешакыс тодю, – шеныштит кинас Дарья. – Кывли тай кыськө, да кывийыс кажитчис.

Дарья котортис мод суседка дорас юксьыны нимкодью юорнас. Марья отнасон кольюм бoryн кутис мовпавны, мый вочны Дарьяыскөд. Йойюмома, тыдалю, да. Нинюм абусю сору. Пельшорлы юортны али мый? А гижодчынытө, гашкө, збыльысь ковмас да. Код тодас, мый татшомыд вочас. Он гижодчы, да керкатю шудысла отзас и быдөн.

Та кузя эжаас лои вачкюма. Шензьодю и сийю, мый оні быдөн зилью пыртны уджас кутшомкө выльтор. Оз весиг мовпыштлы, колө оз сийю. Мед сомын выльтор воли пыртюма-а. Сэсса та йылысь мед унаон тодисны, быд ногыс босьтчасны паськодны.

И бара чужис юрын серпас.

«Олисны-вылисны сиктын порысь гозья. Керкаыс зэв на топыда сулалю, некыти абу полостчюма. Пачыс шоньдсо зэв бура сетю и. Пюжасыд сэнй артмю и. Сомын тай керка вевтыс отилатй виявны кутис. Пиыслы веськыда эз висьтавны коран могсо. Но чукюстисны воыны. Сийю гортас пыригмозыс шуис, тиян керка пытшкын пю ставыс важнога. Тадзи овны оні оз позь. Колө кутшомкө выльтор пыртны. Пюль эськө гарыштит розя керка вевт йывсьыд, но пиыс эз весиг колювартлы***. Сийю ассьыс долис, кутшомкө выльтор пыртны кийыс лудис. И пачсо шуис разыны да модлаю сувтюдны. Оз пю колана ногон оні зымвидз. Соссю пуджис да збыльысь пачсо разис, модлаю тэчис. Сэсса быд ногыс снимайтис ассьыс выль вочюмторсо да бору усийысис. Выль пачыд тшынодю, пюжасыд шлячкун кодь артмю, шоньд оз сет. Норасыны босьтчисны порысь гозья та вылю пиыслы. А сийю оз эскы. Ме пю ассьым вочюмторлысь снимокьяссю интернетю пуктыли, да сы мында мортлы кажитчюма, сы мындаон пю «сьюломас» личкыштюмон лайк пуктомаось. А ти пю элясянныд, выльсьыс пыксянныд».

Гашкө, кодкө шуас, мый ме порысьысла нин бротка, ог гогорво нинюм да. Гашкө да. Миян поляяс, сэсса ай-мам броткылисны жю миян вылю. Ми пю ог лоий, да кыз бара овны кутанныд-а? Олим тай со. Асланым броткан кадюдз весиг. Но век жю меным кажитчю, мый водзитй йюзыс ония дорысь модджыкюсь волины. И син водзо сувтю во комын сайся Печать керканым, конй воли уджалюны коми да роч газет-журнал дасьтысьяс. Кутшом ена найю радейтисны Коми мусю! Со тапиктю горбыльтчыштюмон Геннадий Юшков. И юрю вооны кывьяс:

***Кюловартны – диал. пидди пуктыны, тод вылю босьтны.

...Меным шоныд чужан Коми му,
 И мен тырмӧ синва петтӧдз сійӧ...
 Со тэрыба пырӧ гижысь котырлӧн жырйӧ Юрий Васютов. И бара юрӧ воӧ:
 Эн на кӧ аддзыв тэ пӧртмасьысь войвыв,
 Коми му, другӧ, видзӧдлы лок!
 Владимир Попов син водзӧ сувтӧ жӧ, кодӧ гижис:
 Изъваыс му вылас ӧти,
 Ӧти и медмуса мем...

И мыйлакӧ казътывсьӧ Александр Алшутов. Роч гижысь, кодӧс лёк оласногсьыс Коми муӧ ыстывлӧмаӧсь. Диссидентӧн тай кодъясӧс нимтылісны. Кыз гӧлӧса, пашкыр тошка, видзӧдлас да быттӧ пыр-пыр мунас. Пукала ӧтчӧд сӧлӧн жырйын. Александр Некрасовкӧд Коми небӧг лэдзанын уджавлісны редакторъясӧн да ӧти жырйын пукавлісны. Варовитам. Пырис кутшӧмкӧ мужичӧй. Кывбуръяс пӧ вайи, рочӧн гижы, да Александр Алшутовлы петкӧдлыны тшӧктісны. Александр Яковлевич босьтис киас сылысь кывбуръяссӧ да зэв сюся лыддис. Сэсся самасис синнас мужичӧй вылӧ да юаліс:

Ыб сиктын Владимир Безносиков дорӧ волігӧн.
 1981–1982 вояс.

– Кӧні нӧ тэ эськӧ уджалан?
 – Кран вылын. Крановшик ме, – вочавидзис кывбур гижысьыд.

– Ме тай тіян кран йывсьыд нинӧм ог тӧд да ог кавшась, медым крановшикавны. А тэ нӧ мыйла нинӧм гӧгӧрвотӧгӧд миян уджӧ суйсян?!

Дерт, чорыджыка вӧлі шуӧма, но веськыда. Ӧні сы мында йӧз гартчӧны, кодъяс нинӧм оз гӧгӧрвоны, но суйсьӧны уджавны. Торйӧн нин уна татшӧмыс быдсяма веськӧдлысь пӧвстас.

Серафим Попов син водзӧ сувтӧ жӧ и. Тшӧтш жӧ виль кывбуръястӧ сылы вайлісны. Но мортыс мӧдджык вӧлі. Эз кӧсйы веськыда дойдавны йӧзсӧ. Ваясны сылы кывбур – лыддяс да босьтчас ошкыны. Вайысьыдлы любӧыс! Сӧмын на мышкыс саймовтчас, Серафим Алексеевич нин шуӧ:

– Лӧп. Бара лӧп вайисны.

Со тайӧ да мукӧд йӧзсьыс менам гажӧй бырлӧ. И зэв ёна. А ӧні пыран Печать керкаас. Дзик тӧдтӧм йӧз, уналӧн уджыс газет-журналкӧд абу йитчӧма. И некод вылӧ синмыд оз пысасьлы. Быттӧ ставныс ӧткодьӧсь... И меным телепит лои гижны на йылысь, кодъясысь зэв ёна гажтӧмтчи.

Вояс, косавлӧй вай бӧр

Менам Агни тьӧт, батылӧн ыджыджык чойыс, тшӧкыда шулывліс, олӧмыд пӧ ваӧ оз вӧй. Ме сэки эг на гӧгӧрволы, мый кӧсйис тайӧн сійӧ шуны. Сӧмын ӧні, кор нем виччысьтӧг аслам петасны тайӧ жӧ кывъясыс, босьтча мӧвпавны, мыйла и шуи. Вермас ӧд олӧмыд ваад вӧйны.

Тайё од кыз на и олан. Мукёдыс тай куласны, да найёс одйё и вунодасны. Быттьё эз и вёвлыны таладор югыдінас. Быттьё ваё дзумгысисны да оз и тыдовтчывны. А уналён олөмыс оз вун и миянёс энөвтөм бөрас. Быттьё ва веркөсөдыс кывтё. Сэтшөм ыджыд лөсас кольөма вежөрө да. Татшөмъяс лыдас пырө и коми гижысь Иван Григорьевич Торопов. Оз, оз да бара на дум вылө сійё усьлө. Төлысьнас көть өтчид, но бур кывйөн век казыштла, кор мыйлакө бара син водзё сувтөдла мыгөрсө, ёсь видзөдлассө, аслыспөлөс нюмсө... Нелямын во од төдлі Иван Григорьевичөс, да унатор йитчөма сукөд. Дерт, ставсө юрад кутны он вермы. Оні со пукала и зіля нетшыштны вежөрысь кутшөмкө лоөмтор. Быттьё мый вынысь көсья бөр косөдны вояссө көть нин казытылөмъясөн.

Армияын служитигөн.

Уна во сайын на, кор велөдчи ыджыдвидзса школаын, гортө вайисны «Войвыв кодзув» журналлысь выль петассө. Бать бөрын босьтчи видлавыны сійёс да пысаси «Ныв локтіс пармаё» повесьтө. Гижөма пө кутшөмкө Иван Торопов. Кузь гижөдъястө эг торъя радейт да көсий водзё листыштны, но мыйкө быттьё кутіс. Медводдза кывъяс и крукаси. Телепит лои водзё лыддыны. Сэсса эг и казьяв, кызди помөдзис вои. Весиг дөзми, кор зураси «водзё лоө на» кывъяс вылас. Мися, эз вермыны өти номерө сетны. Быд лөпсө суйөмаось да. Мукөд гижөдыс кутіс кажитчыны гажтөмөн да дзик ковтөмөн. Төлысь чөж лунъяссө лыддьөмөн виччыси, кор воас выль петасыс. Татшөм вөлі Иван Тороповкөд медводдза «паныдасьөмыс». Аскөдыс аддзыси ёна бөрынджык.

Коркө гарыштли нин, кызди артмис менам медводдза гижөдыс. Кузя выль пөв казытивны ог кут. Пасья сөмын, мый армияын служитигөн тайё лои. Ысті гижөдтө «Войвыв кодзув» журналө, да вочакыв воис буретш Иван Тороповсянь. Меным таысь көть лои и нимкодь, но гижөдсө лыдди зэв полөмпырысь. Мый нин, мися, гижөма мортыс, коді меным кажитчис дзик Ен кодьён. Од прөстөй морт оз сяммы татшөм бура гижны. Весиг эз дөзмөдны сылөн кывъясыс, мый быд анекдотысь пө висьтыд оз на артмы. Юрө самасисны сылөн дзик мөд кывъяс. Гиж пө, ёртөй, сы йылысь, мый тэнө медся ёна вөрзёдө. Сөмын пө сэки бур гижөдыд артмас. И куті мөвпавны та йылысь. Телепит лои шензёдны тайё мортсө. Мед оз думайт, мый ме ог сяммы гижнысө. Со и артмис сэсса «Армияө ветлан арлыд» висьтөй. Медводдза гижөдсө кө ыстылі веськодьпырысь, тайёс мөдөді полөмөн. Од гижи веськыда Иван Григорьевич ним вылө. Зэв жө ёна тіпкысь сьөлөмөн вості сысянь дыр мысти воөм вочакывсө. Нимкодь лои, кор лыдди, мый тайё висьтсө неуна шыльөдыштөм бөрын шуөма сетны журналас. И корөма гижны водзё, эн пө энөвтчы, тэнад пө артмас. Татшөм эскөдөм бөрад нө кызди он гиж? Но збыльысь, вөлөм, колө гижны сөмын сійёс, мый тэнө медся ёна вөрзёдө тайё кадас. Мукөд гижөдсө шуисны артмытөмөн да эз йөзөдлыны быдса кык во... Но та йылысь бөрынджык.

Армияысь воөм бөрын пыри «Войвыв кодзув» журнал редакцияө, коді сэки вөлі Орджоникидзе уличывса 10 номера керкаын. Иван Григорьевичкөд аскөдыс нин төдмаси. Тайё вөлі нелямын сайө арөса мужичөй, коді кадысь кадө вештавліс кимөдзнас синъяс вылас усьлысь юрсисө. Синъясыс вөліны зэв жугыльөсь. Ёна сёрөнджык нин висьтавлісны, мый тайё паныдасьөм водзвылас сылөн олөмын лоөма зэв ыджыд лектор. Висьтаси, коді ме, да мортыдлы зэв нимкодь мыйлакө лоис. Дыр эз лэдз бөр муннысө, пыр юасис. Ог нин төд вылө вермы уськөдны, мый йылысь варовитім, но петі редакциясыс рытгорулас нин. Юрын бергаліс сөмын өти мөвп: колө водзё гижны. И оні лыддя, мый став гижөдөй чужис-артмис сөмын Иван Григорьевич өтсөгөн. Од эз кө сэки сійё бур кывсө шу да эз ышөд водзё гижнысө, гашкө, эг сэсса и босьтчыв да. Колөкө, дугді гижнысө и сы бөрын, кор кык во лыддылісны шогмытөмөн ставсө, мый вайлі журналас. Но Көрткерөсса «Звезда» газетын уджалігөн гижы «Виль во водзвылын» висьт, кодөс эг нин сэсса лысьт ыстыны «Войвыв кодзулад». Но Иван Тороповсянь бара юөр воис, мый аддзөма тайё висьтсө районса газетсыд да вөзйөма лэдзны журналас. Ме

быттьо виль пөв ловзи. Кытысь аддзёма висьтсө, өніөдз на ог төд. Но казялөма тай кыськө да бара на зильөма ышөдыштны менө, медым эг энөвтчы гижан уджсьыс.

Том гижысьяслөн семинар вылө медводдзайсь веськалі армияысь локтан вося сентябрын. Льөмьюын сійө муніс. Сыктывкарсянь «Москвич» теплокодөн сэтчө воөдчим. Мунігас төдмаси том морткөд, коді семинар вылө жө мөдөдчөма. Сөмын на пединститут помалөма зонмьд. Тайө вөлі Анатолий Ракин. Өні сійө филологияса доктор нин. А сэки гижис кывбуръяс. Льөмьюын нин төдмаси Иван Белыхкөд, Раиса Старцевакөд, Алексей Одинцовкөд да Иван Тарабукинкөд. Бөръяыс вөлі миян дорысь ёна ыджыдджык арлыда. Вылыс Максаковкаын оліс. И, дерт, локтісны и миянөс гижнысө велөдысьясыс. Василий Леканов, коді сэки веськөдліс Коми гижысь котырнас, Геннадий Юшков, коді сөмын на неважөн петөма творческөй отпускө. Сөмын гижан уджөн мөвпыштөма овны. Таөдз босьтчылөма уджавны «Югьд туйын», но энөвтчөма. Турун да вурун, куйөд петкөдөм да йөв лысьтөм йылысь помся гижигад пө кывбурьястө верман вунөдны. Газетыс пө пыдөстөм мешөк кодь, да пыр виль гижөд корөны. Творчество вылас пө кадыс некидз сэсса оз ликмы. Локтіс и Иван Торопов. А Владимир Ширяев буретш оліс гижысьяс дачаас да миянөс овмөдаліс кутшөмкө керкаясө. Ме веськалі жырйө, кытчө бөрынджык воис и Иван Григорьевич. Меысь шуда мортыс сэсса эз нин некод вөв. Сөр войөдз варовитлім сыкөд. Эг куш гижөм йылысь, дерт.

Луньяснас мөд сөрнияс мунлісны. Алексей Одинцов, көть комын сайө арөса нин сэки вөлі, велөдчис на пединститутын. Студент мортыд миян дорысь варовджык да пыр зілис мыйкө юасьны нималана гижысьясыдлысь. Иван Торопов дорө сибаліс и.

– Иван Григорьевич, ті өд зэв нималана морт, да ставөн тіянөс төдөны. Кутшөм мөвпяяс шымыртөны, кор казяланнды, мый тіянөс төдмалісны?

Иван Торопов весиг шай-паймуныштіс. Сэсса век жө вочавидзис:

– Кыдзкө быттьо весиг абу лөсьыд таысь.

– Кодкө ёна миянөс төдас, – ас кежсьыс нурбыльтыштіс Геннадий Юшков.

– Кыдзи оз төдны? – сы дорө нин шыасис Алексей Одинцов. – Ті жө сэтшөм нималана гижысьяс!

Василий Леканов сөмын мудера вашъяліс. Владимир Ширяев мыйкө тяпкөдчис да дыр эз суюсьы сөрнияс. Но медбөрын эз вермы кутчысьнытө да чөвтис жө:

– Гижысьыд өд абу ыджыд начальствоыд, мед миянөс төдны. Найөс со төдөны.

Меным тайө ставыс вөлі дзик гөгөрвотөмөн. Некидзи эз эскыссьы, мый татшөм вежөра, ыджыд сяма войтырсө оз төдны. Меным збыльысь кажитчыліс, мый найөс ывла вылас петігмозыс жө йөзыс кытшалөны да ошкөны гижөдъяссьыс.

Текстъяснымөс видлалісны ставөн. Быдөн зілис ассьыс мөвпсө шуны. Ме вайи неыджыд висьт. Радейтчөм йылысь, дерт. Иван Торопов босьтчис донъявны сійөс.

– Өлексей, тэ коркө нывкөд орччөн мунлін? Сыкөд, коді тэныд кажитчө? – юасьны мыйлакө тайөс кутіс Иван Григорьевич.

– Овлывлө.

– Кыдзи сэки тэ осьлалан?

– Тэрмасьтөг.

– А мыйла нө эськө тэ висьтад гижан, мый ныла-зонмаыс шавксьөдөны? Оз радейтны али мый өта-мөднысө? Шавксьөдөны өд тэрмасьтөмөн, кор нин өта-мөд вылас дөзмытөдз олөны.

Тадзи кымын водзө видлаліс висьтөс. Но эз жө сөмын велөд. Казявліс и бурсө миян гижөдъясысь. Олөма мортыс, Иван Тарабукиныс, вайөма вөлі «Ме лоа апичерөн» висьт. Важ олөм йылысь сійө. Кыдзи өти морт велөдө пиыскөд шыпасьяс, мед грамота төдіс да быдмөм бөрас апичерөн лоис. Зэв шмоньпырысь мортыд гижөма. Иван Торопов вак-вакөн серөктіс, кор воисны Ш шыпасөдз. Писө велөдысь айыс шуө, тайө шыпасыс пө чожыдлөн улыс пиньяс кодьыс. Вомсө кө пө осьтлас, уліас торйөн-торйөн чурвидзысь куим пинь и мыччысыс. Татшөм пө и Ш шыпасыс. Семинар чөжыс сэсса Иван Григорьевич тайөс казтьывліс. Олас-олас да бара на юалас Тарабукиныдлысь, кутшөмджык Ш шыпасыс. Ме Иван Григорьевичөс тадзи шензьөднытө эг сяммы да гусьөн весиг вежалі Тарабукиныдлы. А висьтыс сэсса сылөн петаліс

«Войвыв кодзув» журналын. А менам эз шогмы. Уджышт на пö сы вылын, шуисны.

Тöд вылö уси коми гижысьяслөн съезд, мунис 1973 воын. Сы вылö корис волыны Иван Григорьевич. Кад нин пö гартчыштны став гижысь пöвстас, кывзыны, кутшöм тöжд-могөн найö олоны. Зэв нимкодпырысь локті. Думысь кöсйи тöдмасьны ме кодь арлыда том йöзкөд. Некодöс торъясö эг на тöд да. Неуна тöдсакодь вöлі Александр Некрасовкөд. Сійö велöдчис университетын да воис студентъяскөд тшöтш. Найöс вайöдіс Евгений Александрович Игушев, кодöс неважөн на корöмаось велöдны коми студентъясöс. Таөдз уджалöма Изьва районса школаын. Том войтыр пöвстын вöліны и рочөн воровитысьяс. Öти зэв сёрниа. Кывйыс сöмын и печласьö. Некод пö ме моз бурасö гижны оз куж. Кияс кутö аминь кыз кабала ёкмыль. Матыстчис и ме дорö. Висьтасис, мый шуöны Сергейöн, мамö пö эськö коми, но кывсö ог тöд. И вöзйис лыддыны висьтсö. Мися, кор нö бöрсö сетны колö? Коль пö аслыд, менам татшöмыс уна на. Вежон мысти кымын босьтчи лыддыны сылысь висьттö. Кутшöмкö йöз вошöмаось вөрö. Зэв шыльыда гижöма мортыд ставсö.

Иван Торопов.

Сэсса джөмді лыддынытö. Вои сэтшöмторйөдз, мыйысь юрсиöй сувтіс. Сэки зэв на сук вöлі. Мортыд гижö, мый думайтöны йöз, кодъяс босьтчöны сёйны ассыныс ёртсö, кодöс тотшкöмаось, медым тшыгла не кувны. Зэв öдйö шыбиті гижөдсö. Сэсса сійöс зэв ыліті кытшлавны куті.

Бөр коса съезд дорас. Пукси, медым гижысьясыдлысь сюсь сёрниассö кывзыны. Орччöнмоз зэв тöдса чужöма мужичöй шлапнитчис. Көмкотыс дзикөдз көтасьöма, поводдяыс ульсов вöлі да. Газетъясысь снимокъяссö аддзылі да дыр мысти тöдікодь. Василий Степанович Журавлёв-Печорский. Ылісянь воöма да ёна мудзöма ли мый, вугравны кутіс. Сöмын кор доклад вöчысьыс бурыйсь либö лёкысь шуліс сылысь нимсö, востыльвліс синсö да видзөдлывліс шуысь вылад. Кузь сёрнисыд унаöн мудзисны да кост дырйиыс эз пырны залад. Но кор кывсис, мый со тайö морт бöрас пö пондас сёрнитны Иван Торопов, ставöн люзьöбтім-пырим бөр. Иван Григорьевич сёрнитнытö кужліс. Кыті колö – гөлөссö горзьөдлас, кыті колö – лöньджыка шуас. Костъяс на вöчавліс недыр кежлö, медым кывзысьыслы лои гөгөрвоанаджык. И сёрнитіс сы йылысь, мый медся ёна вөрзьөдö коми йöзсö. Тайö съезд дырйиыс зэв тöждысьöмөн висьтавліс коми парма йылысь, дивитіс найöс, кодъяс помся кисьтöны-жуглöны сійöс. Зэв сюся кывзі сійöс. Ачым сэки көрткерөсса «Звезда» газетын на уджалі да унаысь гижлывлі вөр лэдзысьяс йывсьыд. А öні быттö донөдöм из вылö пуксьылі. Босьтчи выль ногөн мөвпавны налөн удж йывсьыс. Ми жö зэв кыпыда ошйысьлім, мый вөр лэдзысьяс пөрөдісны да петкөдісны ок уна кубометр вөр. А мөвпыштлыны кө, öд найö мянлысь нэмөвöйся озырлуннымöс бырөдöны. А ми со ошкам найöс таысь. Ог и мөвпыштолй сы йылысь, мый пөрөдчигас ставсö жуглöны. Чайта, пукалысьяс пöвстысь уналы ётшкисны Иван Тороповлөн шуасьöмъясыс.

Иван Григорьевич кужліс кывтö шуны. Аддзыліс медся лөсяланасö. Тöд вылö уськөда журнал редакцияын öти аддзысьлөм. «Войвыв кодзув» сэк вöлі нин Печать керкаын. Серафим Поповлөн пенсия вылö петöм бöрын медыджыд редакторнас индісны Иван Тороповöс. Сыысь öприч редакцияын вöліны Владимир Ширяев да Егор Рочев. Локті öтчыд Көрткерөссянь карö, аддзи кад кежавны журналö. Пыри, а сэнi собрание мунö. Кöсйи нин бөр уйкнитны-петны, да Иван Торопов кутіс. Пукушт пö да кывзышт. Регыд нин помалам сёрнисö. Вөлөм, буретш Владимир Ширяевöс гындöны-дивитöны. Некымын лун абу мыччысьлöма удж вылас да. Ширяев оз жö чөв ов. Воча на янөдысьясыдлы паныд тшетшкö. Сійö вöлі неыджыд тушаа, косньöд мортөн. Сёрниыс көть лөнь, но кывъясыс ёсьсь.

– Володя, казялас кө кодкө ыджыд чинаяс пөвстысь, вөтласны өд тэнө журналсьыд. Кытчө сэсса мунан?

– Эн майшась. Ог вош. Грузчикавны кута! – водзсасьö Владимир Архипович.

– Кутшөм нө тэ грузчикалысь, Володя?! Тэнад жö мышкуыд нин абу кольöма.

Ме сюсьджыка видзөдлі Владимир Архипович вылө да нюмді. Косіник мортыдлөн мышкуыс збыльысь абу. Мешөксө пуктыны некытчө. Ширяев, тыдалө, гөгөрвоис жö да водзөсö эз чепсась.

Иван Григорьевичөс эг өтчыдысь аддзыв зэв жугыль чужöмаөн. Бара, буракö, кутшөмкө лоөмтор сьөлөмсö парсыштöма. Öтчыд, сизимдасөд воясö на, пыри редакцияс. Торопов арся лун кодь букуш. Эз кут видзны ас пыткас мөвпъяссö да юксис. Вөлөм, морттö зэв ёна вөрзөдöма öти лоөмтор. Гожся войö виöмаөсь том зонмös. Сöмын на школа помалысьöс, коді вөлөм нывкөд мунö карса улич вывті. Пуртөн бытшкöма дзескыдінысь петөм мужичöй.

– Мортыслөн жö олөмыс сөмын заводитчö! Мыйла нө тадзисö вöчис? – эз дугды майшасьны да ышлолаліс Иван Григорьевич.

Недыр мысти «Войвыв кодзув» журналын петіс сылөн очерк. Тороповыд ветлөдлөма судö, көні мыждöмаөсь морт виысьтö. Зильöма гөгөрвоны, мыйла тадзисö артмöма. Сэсса некымын во мысти йөзөдіс и «Чужин кө мортөн» роман. Тайö лоөмтор подув вылас жö артмөдöма ыджыд гижөдсö.

Мөд татшөм жö лоөмтор. Пыри өтчыд журналö да эг су сэтысь Иван Григорьевичөс. Командировкаö пö муніс, томдырся кутшөмкө ёрт пö ылісянь воöма да. Вежон мысти кымын бөр бергөдчис Иван Григорьевичыд. Кытшовтöма ёртыскөд сиктъяссö, көні найö коркө вөвлөмаөсь. Сьөдöдыштöма весиг.

– Мыйла и ветлі?! – бара майшасис сійö. – Эг кө тайöс ставсö төд, бурджык эськө вөлі. Гашкө, и эз...

И босьтчис дженъыдика висътавлыны, мый аддзылөма. Öтияс пö юсьöмаөсь, мөдъяс гөльлунас пөдöмаөсь. Татшөм олөм пö али мый колö овны? Ме виччыси, кор Тороповлөн тайö ветлөм йывсьыс выль гижөд петас. Но некыдз эз мыччысь. Тыдалө, гижысь мортыд абу зильöма ставсö пösыйылысь вöчны. Арталöма, мурталöма вель дыр. Гашкө, ветлөмсяныыс дас воысь на дырджык кольөм мысти гижис «Вошөм гортö мунан туйыс» повесътсö.

Пенсия вылө Иван Григорьевич петіс нем виччысьтөг. Уджалан арлыд на вөлі эськө да. Но мөвпыштöма гортас гижны. Мед пö кадыс унджык та вылө лоис. Но вывті унасö сэсса эз нин и гиж. Олөмыс вежсис, и выляс, тыдалө, эз велав. Кор тай вывті дзескавліс олөмыс, öти аддзысьлігөн Иван Григорьевич юксис мөвпъяснас:

– Пуксям сёйны, да өд весиг нянь шөрөмсö пызан вывсьыс босьтны ог лысьт. Друг да кодлыкө оз тырмы? Со өд мый выйөдз вайөдісны.

Война кадся челядьдырыс сылөн некор эз вушйыв вежөрсъыс, да Иван Григорьевич пыр поліс кодөскө пайкны. Көть ачыс тшыгъялас, а мед матысса йөзыс тшыгсö оз тöдны.

Чайта, кор ачыс казяліс, мый оз нин вермы сэтшөм пösьлунөн гижнысö, эз и кут гижны. Видліс кывбуръяс тэчны да эновтчис жö. Мукөдыслөн арлыдыс ли мый таялө да, оз жö нинөм артмы, но пычкысьöны-гижöны, мый юрас воас. Иван Торопов тадзи вöчны эз понды. Мый вермис, сійöс слөймис водзтіджык шунысö, а кывйөн печласьны, тыдалө, эз көсйы.

Медбөръяысь паныдасьлөмыс ськөд вөлі, кор дасьтысис пасйыны көкъямысдас арөссö. Гөтырыскөд, Клавдия Степановнакөд, кыкөн нин и олісны. Пөльөн шуысь пö эськө олө жö да, но гожөмнас кытчөкө мунöма. Пукалім да öнйя олөм йывсьыс варовитім, важсö ёнджыкасö казътылім. Иван Торопов кыскис вижөдөм снимокъяс. Öтиын вөлі батыс, коді война вылын усьöма. Пуксис да босьтчис кывбур лыддъыны:

*Талун, батьö, меным комын нель нин –
Буретш сымда, мыйта вөлі тэн,
Кор войналөн сатөк йыла молльыс
Морös кудтö бытшкис тэнсьыд – дзен.*

– Кодлысь нӧ кывбурсӧ лыддянный? Некор на водзті тайӧс эг кывлы да, – юасьны босьтчи сылысь.

– Ачим гижлі, 1967 воын «Войвыв кодзулын» йӧзӧдлісны.

– И ӧніӧдз на юрад кутанныд?

Иван Григорьевич эз вочавидз, водзӧ пондіс лыддьыны тэчлӧм кывбурсӧ.

*...Сӧмын менам дойыс век оз быр на,
Кыдзи тӧвся Сыктыв вылысь ры:
Кодкӧ ӧмӧй кылас тэ моз бура
Менам сьӧлӧм вӧрзьямлысь быд шы?*

Тадзи помаліс сійӧ кывбур лыддьӧмсӧ. Сэсся дзумгысис аслас мӧвпъясӧ, да водзӧ сёрниыс некыдз эз ладмы. Недыр мысти янсӧдчим.

Та бӧрын сыкӧд пырмунігмоз некымынысь паныдасьлім на. Но дыр сёрнитӧм эз нин артымв. Гижӧдсӧ окота помавны сылӧн жӧ кывъясӧн. Кодкӧ ӧмӧй кылас тэ моз бура менам сьӧлӧм вӧрзьямлысь быд шы? И оз сӧмын менсьым, а став коми войтырыслысь, коми пармаыслысь, кодъясӧс зэв ёна радейтіс Иван Торопов.

Тундраса Ёгор

Гижысьястӧ, кодъяс мунӧмаӧсь нин миян дорысь, мыйлакӧ казъ-тыштлам медсясӧ сӧмын тшупӧда пасьяс дырийыс. Ёгор Рочевлы со колян вося май тӧлысьын эськӧ кӧкъямысдас вит тырис. Тайӧ визув синъяса, шмонлив мортыс меным и гӧгрӧс пастӧгыс унаысь юрӧ волӧ. Сы йылысь ме тӧді гижан уджӧ босьтчытӧдз на. Зэв окотапырысь лыддьылі висът-повесьтъяссӧ. Но асьсӧ медводдзаясь аддзи «Войвыв кодзув» журналӧ пыралігӧн. Пукала, варовита сэтчӧс уджалысьяскӧд. Виль гижӧдтор вайи, да нимкодъ, мый бӧр эз бергӧдны. Воссис ӧдзӧс, да медводз воськовтіс зэв ыджыд пон. Бӧрсяныыс ичӧт тушаа мужичӧй. Пукалысьяс кукань ыджда понсьыд эз повзъыны, а менам морӧс улӧй вель ёна топавліс. Мися, татшӧмыд кӧ оқыштас... Понкӧд пырысь мортыс и вӧлӧма Ёгор Васильевич Рочевыд. Бӧрас висъталісны, мый олӧ медсясӧ дача вылас да гаж пыдди понсӧ кутӧ. Сэсся пӧ и керкасӧ на понйыс видзӧ. Некодӧс оз лэдз пырнысӧ. Коркӧ пӧ Ёгорыс вежон кежлӧ кытчӧкӧ ветлӧма да дача вылас абу волӧма. Локтӧма, да понйыс весиг сійӧс оз вӧлӧм лэдз. Вунӧдӧма, тыдалӧ, вежоннад.

Ёгор Рочев.

Та бӧрын Ёгор Васильевичкӧд аддзыси Кӧрткерӧсын. Районса газетын уджалігӧн индылісны веськӧдлыны небӧг радейтысьяслӧн котырӧн. Сэкся кадӧ быдсяма колана и ковтӧм котыръяс вӧліны. Ме тай кызъ гӧгӧрӧ вӧлі пыра-а. Он эськӧ ас окотасыд сэтчӧ суйсы да. Тшӧктӧны вӧлі. Кыдзи районса небӧг радейтысьясӧн юралысьӧс менӧ партия райкомсянь тшӧктісны ветлӧдлыны карсянь воӧм гижысьяскӧд. Локтісны Юрий Васютов да Ёгор Рочев. Мӧд асывнас ӧтисӧ ыстісны Лӧкчим вожӧ, а Юрий Константиновичкӧд ми кытшовтім Кӧрткерӧссӧ. Некымын организацияын аддзысьлӧмыс муніс. А рытнас йӧзсӧ корисны воыны ӧтувъя аддзысьлӧм вылӧ. Ёгор Васильевич Лӧкчимсьыд та кежлӧ воис жӧ. Аддзысьлӧмсӧ паніс Кӧрткерӧс районса партия райкомысь мӧд секретарыс, Юрий Александрович Лобанов. Сэкся кадӧ гижысьыдлӧн районад волӧмыд лыддьыссис зэв ыджыд лоӧмторйӧн. Ӑні татшӧмыс со абу. Та вӧсна лоӧ неуна кежыштлыны Ёгор Рочев йылысь сёрниысь.

Бӧръя вояснас ме кытшовті пӧшти дзоньнас Коми мусӧ да казялі тайӧс. Мукӧдлаас весиг быттӧ корысь моз ветлӧдлан. Сӧмын Изьва районын мекӧд паныдасьлыны кадсӧ аддзис

сэтчос юралысьыс, Любовь Ивановна Терентьева. А мукөдлаас, тыдалө, весиг эз төдны, мый локтөма гижысь. Өткымын школаө пыран, да некод весиг оз виччысь. Ковмө аслыд вөзйысьны. Торйөн нин сьөлөмө парскис Кебра школаө волөмөй. Пыри сэтчө, некод оз паныдав. Шемөса сулала коридорас. Сэсса воссис кутшөмкө класслөн өдзөсыс. Мычысис нывбаба, тыдалө, велөдысьыс, да гораа шуис, дерт, рочөн:

– Выступающий, закодите!

А сэкся кадө, шуа тай, гижысьясыд вөліны зэв дона гөсьтъясөн весиг районөн веськөдлысьяслы. Со чукөртчисны көрткерөсса олысьяс ыджыд зал тырыс. Юрий Александрович Лобанов паськыда вашмунис да юасьө, көні нө пө Ёгор Рочевыс. Лөкчимсянь пө юөртисны, мый сійө сэтшөм ёна воөма сьөлөм выланыс да бөрсө мунны оз вөлөм лэдзны.

Кужис Ёгор Васильевич йөзыдкөд варовитны. И кывйыс сюрліс сэтшөм, мый он көсйы, да нюмыд петас. Тайө аддзысьлігас сійө бара жө гажөдыштис войтырсө. А мөд асывнас колө вөлі мунны районса сикт-посёлокъясө. Локті гөстиничаас, медым накөд сэсса мунны. Чолөмаси, юаси, кыдзи-мый узисны.

– Бура узьысис, – вочавидзис Ёгор Рочев. – Олөмыс вежсис да.

– Мыйөн нө вежсис? – окота вөлі төдны меным.

– Вежон сайын алимент мынтөмысь мыні.

Сыктыварө овны вуджөм бөрын Ёгор Васильевичкөд пөшти быд лун паныдасыльвлім. И өні, кор сійө абу нин, унаысь гаж бырлө. Окота бара аддзысьлыны, но кадтө тай он бергөд. Ичөтик мыгөра мужичөйөс кө казяла ывла вылысь, бара на Ёгор Васильевичкөд өткодялышта. Сійө өд эз ыджыд и вөв. Ичөт пон пө тай век кутю.

Сылөн ичөт мыгөр йылысь со мый юрө воис. Гижысь Елена Васильевна Козлова бур нянь вылад топыд тэчаса. Коркө празник вөлі, гашкө, кодлыськө нимлун сөйим. Йөктыны тай уськөдчисны-а. Синмөс чөвтлі джодж шөрын йөктысьяс вылад да шемөс босьтліс. Быдөн кыкөн йөктөны, а Елена Васильевна өтрасөн катласьө шылад улас. Мися, сэтшөма гажмөма али мый нө? Сэсса бокөнджык бергөдчис, да сы сайсянь мычысис Ёгор Рочевлөн мыгөрыс. Ичөтик мортыд, вөлөм, Козлова саяд оз и тыдав. Дзоля улысь Ёгор Васильевичлы тэчаса нывбабаяс сьөлөм сертиысджык вөліны.

Ёгор Рочев дыр кад томөн асьсө лыддис. Ар ветымын нин вөлі матысмө, и кодкө ывла вылын дядьөн шыөдчөма, да быгалөм чужөмөн «Войвыв кодзулө» пырис.

– Ачыс өд шуысьыс меысь на пөрысьджык, – ропкөдчис Ёгор Васильевич.

Дерт, сійө вөлі укшалькодь. Оз тэрмась некытчө. Көтөртөм тай сылысь эг аддзыв-а. Сэтшөм жө вөлі удж вылас. Быттө дышпырысь вөчө. Но гижас кө мыйкө, то оз лёка. Тэрмасьтөгыд көть оз өдийө сод, но бура артмө. Сійө пырджык ас пыткас моз оліс. Та вөсна и йөзсө юр вежөрас кутны эз вермыв. Ме сійөс во вит нин вөлі төда, а быд паныдасигөн на вылысь юасяс, коді ме сэтшөмыс. Коркө «Югыд туй» газетө уджавны сійө пыралөма. Төлысь-мөд нин мырьсө, но мыйлакө оз радейт жырыын пукавны. Тундраад быдмөм мортыдлы дзескыд сәні, тыдалө. Со и ветлөдлө коридорөдыс, кор мукөдыс пызан сайын зунясьөны. «Югыд туйын» сэк медся ыджыд-нас вөлі Александр Васильевич Сажин. Сылы и босьтчөмаөсь няргыны-элясьны мукөд уджалысьыс. Ми пө гижам-ноксям, а Рочев коридор кузя тапикасьө.

– Ёгор Васильевич, миян өд уджалан кадад пырджык пызан сайынөсь войтырыс. А тэ пө коридорын медсясө, – топөдөма Рочевөс Сажиныд.

Мөдыс синсө читкыралөмөн вель дыр видзөдөма начальник вылас, код веськөдлөм улын төлысь-мөд нин мырьсө, да юалөма:

– Кытыськө ме тэнө аддзылі, но ог вермы төд вылө уськөдны, көні паныдасылім.

Таысь эськө абу на тодмышкалөмаөсь да. Бөрынджык нин ковмөма «Югыд туйсьыд» муннысө. Гожөм заводитчигөн ыстөмаөсь Рочевөс командировкаө. Изьва районө пө ветлы да вай сэтысь гижөдъяс. Тэ пө войвылын чужин-быдмин, сэтчөс районса йөзыслысь олөм-вылөмсө бура төдан, сямман лыддяна гижөд вөчны. Вежон кымын абу вөлөма карын Ёгор Васильевич. Локтөм бөрас вель дыр виччысьөмаөсь лыддяна гижөдтө. Сэсса абу вермөмаөсь вишкыны да топөдөмаөсь Рочевөс. Вай нин пө мыйкө. Та дыра ветлігад миян журналистъяс додь тыр гижөд

вайлоны. Лун-мод мысти Ёгор Васильевич сетас гижодтö. Лист вылö пасйыштöма: «Модлапöлын бакісны мосьяс. Тыдалö, Изьваö гожом воöма». Со и став гижодыс. Та бöрын, тыдалö, и лоöма мунны мортыдлы. Бур, мый «Войвыв кодзулö» уджалысьöс буретш корсьöмаöсь, да сэтчö ина-сис. Эз ковмы томдырйиыс моз стрöитчанинын рöбитны.

Тундраыс Ёгор Васильевичлы нэм чöжыс вöлі сьölöмсö да ловсö шонтысьöн. Весиг маличаөн кар кузя тапикасьліс гежөдика. Оліс сійö бөрья кадсö Моровоса дачаас да öти төвса лунö сёрмöма автобус вылад. Көдзыд, да малича пасьталöма. Мунö подөн карлань. Некод оз сувт да босьт, коть эськö кисö кыпöдлас жö да. Медбöрын повтöм мортыс сюрöма жö, пуксьöдöма орччөн. Юасьö: кытысь татшöм тешкодь паськöма мортыс. Ме пö тундраысь. Лэба вöлі самолётөн да уси. Öнi пö аэропортö тэрмасы, мед мөдö сöвны да водзö лэбны...

Тундраад Ёгор Васильевич зэв радейтліс ветлыны. Öтчид бара веськалöма чужанинас. Пуксьöдöмаöсь даддьö öтнассö. Тэрыба мунігад и пөрöма, усьöма лым пытшкас. Сыкөд орччөн туплясьöны водка дозьяс, кодьясöс тшöтш жö даддяд пуктылöмаöсь. Куйла пö и муртала, мый водзö лоö. Мела пö, дерт, оз бергөдчыны, а со водкаысла бытöн локтасыны. Казяласны, мый абу да. И збылысь, недыр мысти бергөдчöмаöсь водзын мунысьясыд. Зэв пö сюся гөгөр видзөдöмөн первой сулеяссö чукөртісны, малалісны, жугалöмаöсь абу, сэсса пö сöмын ме дорö шыөдчисны, дойми эг усигас.

Уна во чöж гижысьяслөн Лёмьюса керкаыс вöлі патератöм поэт-прозаикьяслы юр сюянінөн. Öти кадö сэні олісны и Николай Белых гозья, Пётр Шахов, Удораысь Сыктывкарö овны вуджөм Юрий Васютов. Весиг керка дорас пуктасьяс да картопель быдылісны. Медсясö Белых гозья тайөн ноксьылісны. Керка дорас вöчисны градкодьöс да картопель вөдитісны. И воöма татчö гөститны Ёгор Рочев. Пукалöмаöсь, варовитöмаöсь бурпöt. А Рочевыд ывла вылö петöма да мыйкö дыр оз лок. Кодкö мунöма корсьны да казялöма сійöс картопель му вылысь. Водз гожом вöлöма, неважөн Белых гозья пуктысьöмаöсь. Рочев копыртчöма да картопель кöйдыссö мусьыс лукйö. Сы пыдди семечки көдзö. Корсьны петысьыд и юалöма, мый нö пö ду-ран.

– Белых гозья картопель петöм виччысьöны. А сы пыдди семечки быдмас – шензьöмыд налөн лоас, – челядь моз нимкодьясьö Ёгорыд. Ачыс мудера читкырало синьяссö. Тыдалö, син водзас сувтөдöма нин Белых гозьялысь шензьöмсö, кор аддзасыны, кыдзи картопель кöйдысысь вермис семечки чепöсйыны.

Висьталі нин тай, мый Ёгор Рочев ачыс медсясö оліс Моровоса дача вылас. И тшöкыда висьтавлывліс, кутшöм озыр урожай босьтлö град вывсьыс.

– Таво тулыс теплицаö öгурцы пукті, – öтчид ошйысис сійö. – Зэв бура дөзьöриті. Сэсса мыйлакö дыр кад чöж эг вермы дачаö веськавлыны. Вои коркö сэтчö, да ёна и шензи. Менам теплица стеклöясыс жугласьöмаöсь, пöвьясыс чегласьöмаöсь. И мыйкö сьöда-еджыда визьяс сэні мыччасьöны. Матыстчи, да вомöй калькмуніс. Арбузьяс вöлöмаöсь. Öгурцы кöйдыс пыд-диыд, вöлөм, меным арбузлысь вузалöмаöсь. И со мый ыджда быдмöмаöсь, весиг теплицасö пасьвартöмаöсь.

А лыддысьысьяскөд аддзысьлігөн зэв ёна радейтліс висьтавны армияс служитöмсö. Пушкиаяс пö видзим. Төвнас пö лым толаас тулуп сүйöмаöсь. Часөвöйяссö вежлалігөн пö сулалысьсö тулупсыс перьясны да выль мортöс дзумгасыны. Сулала пö öти төвса войö тулуп пытшкад. Орччөн пушкалөн сьыліыс тыдалö. Служитан пом нин матысмö, а ни öтиысь на эз мойвилы лыйны пушкасыс. Петі пö тулуп письыд, матыстчи пушка дорад. Кытчö и лыйнысö? Видзöда пö, да енэж шöрас дзик гөгрөс төлысь сюсьялö. Сэтчö, мися, и лыя. Камөбті-луйи. Весьöпөрөмөн, котөрөн локтісны командирьяс да пакöсьт вöчөмсьыд гауптвахта вылö дзум-гисны. Быдса дас вит лун пö сэні видзисны. Мездмöма пемыд дырйи. Петöма дзескыдінсьыд, енэжö видзөдлöма, а сэні төлысьыд джынъя нин. Кык вежон öд кольöма. Менам пö нимкодьыд, веськавсьöма төлысяд да... Ставныс сералöны, а Ёгор Рочев нумъявтөг, зэв сьölөмсяныыс мөд тешкодьтор йылысь нин босьтчö висьтавны...

Ёгор Васильевич чужлöма тундраын. Сэтчöс комиыдлөн сёрниыс абу сыктывдінсалөн кодь, кодöс босьтöмаöсь литературной кыв пыдди. Та вöсна Рочевлы вель дыр кад ковмис вела-

ны гижны сідзи, медым висьтъясис шогмылісны йёзөдөм вылө. Кор нин лоис нималанаён, эз кут ёнасө жуглыны юрсө. Ошыбкаясис гижөдъясас мыччысылсны. Шуан вөлі та йылысь, да вочавидзас: «Корректорыс нө мый вылө? Мед вежлалө, сылы тшөтш жө колө сёйнысө». «Ая-пия» кыв Рочев век гижліс өтлаын. Тшукөдасны вөлі сылы да бара дөжныштасны, мый визь пыр өд тайө гижсьө. Ёгор Васильевич вензыны босьтчас. Мыйла пө найөс визьнас торйөднысө? Ая-пиаыс өд зэв матысса рөдвуж. Найөс пө некызди оз позь торйөдны.

Со лои неуна казтыштөма тайө мортсө, да сьөлөм вылын кокнялыштис. Бытьтө бара на аскөдыс варовыштөма лои.

Тайө бара коді...

Алексей Попов, Валентина Иванова, Виктор Кушманов. 1993 во.

Комын во нин кольөма, кызди ветлім перымса комияс дорө, а ставыс на син водзын. Виктор Савин нима драмтеатр 1993 вося январын петіс кузь туйө – мөдөдчис петкөдлыны спектакльяссө Кудымкарын. Водз асывнас на вөрзёдчим. Автобусын веськалі пукавны Виктор Кушмановкөд. Муртса петім Сыктывкарысь, а ме нин куті каитчыны ськөд орччөн лоёмсьыд. Викторлөн вөлі мода: кор мыйкө сьөлөмсянныс босьтчө висьтавны, тапнитө пельпомад. А туйө петөм войтырыд кыпид руаось. Торйөн нин долыд вөлі Виктор Кушмановлы.

– Кывзы, Олексей, коркө чайтлін эн, мый Кудымкарө ветлан? – юасигмоз пельпомө сьөкыд кисө пуктыліс Виктор.

– Эг, дерт...

– И ме эг. А со мунам, – бара кыпөдіс кисө Кушманов да тапнитіс нимкодъысла пельпомө.

Мися, татшөм кө кыпид руа лоас Кудымкарөдзыс, пельпомөй шом кодьөдз сьөдөдас тапкөдөмсьыс. Колө, мөвпала, автобус мөдар бокас пуксьыны. Шуйга кинас, гашкө, оз сэтшөм вынөн шлапкөд. Бөрө колины Лөзым, Паджга, Гаръя. Тыдавтомөн мышку сайын, төвса көдзыдас кынман, коли Ыб. Межадор

дінті төвзис автобусыс да воис Визинө. Чуклөмө кежан туй дорас на Виктор мыйкө жугыльтчис. Визин бокті мунігөн паныдасьө шойна. Кушманов пөрччис шапкасө да пернапасасис.

– Бать тані куйлө, – нурбыльтіс сійө.

Бать йывсьыс сійө эз торъя радейтлы казтывны. Мамыслы, ылі Донысь ыстөм нывбабалы, век бур кыв аддзыліс. Сөмын тай водз кольөма таладор югьдсө сійө. Викторлы да Ким вокыслы ковмөма сэсса детдомын овны. Батьыс кувсьылөма сөрөнджык. Вермас лоны, мый мөдысь на гөтрасьлөма. Коркө 1986 воын, овны вөлі некытөн да, медасьлі уджавны сэкся ЛПК-са общежитиеө воспитательён. Жыр сетісны весиг. Воспитательён жө сэні зіліс Галя Кушманова. Висьтасис, мый Викторлөн чойөн лоө. Ме бөрынджык Кушмановлы та йылысь висьтавлі, но мортыд мыйлакө веськодямоз кывзіс. Тыдалө, эз торъя рөднясьны. А Галяыс Викторсьыд ар дасөн томджык. Тайөн и чайта, мый батьыс мөдысь на гөтрасьлывлөма да та вөсна Виктор көдзальштөма сы дорө. Тадзи тай кажитчыліс-а.

Автобусным кежис Койгортлань. Мыччысис Поёл. Виктор эз нин тапкөд пельпомө, а сөмын мый йылысь кө мөвпаліс. Поёлыс зэв кузя нюжөдчөма. Тані коркө и Виктор Кушманов овлөма. Сиктсьянныс некымын верст сайын коркө вөлөма Ниашор посёлок, кытөн Виктор чужлөма. Тайөс и гарыштис орччөн пукалысьыд:

– Ни өти керка нин сэні абу. Волі коркө да. Со эстөні, рас саяс сійө сулавліс.

Ог тѳд, мый йылысь Кушманов мѳвпаліс. Гашкѳ, водз кувсьѳм мамсѳ казтыштіс, коді колис квайт арѳса Викторѳс, да сылы ковмис кѳкъямыс во чѳж овны детдомын. Колѳкѳ, челядьдырся ѳртъясыс син водзас сувтлісны. Зѳв ѳна вѳлі найѳс донъялѳ да. Торйѳн нин Ким воксѳ.

Койгорт район вуджѳм бѳрын веськалім мѳд муѳ. Перымса комиясѳс да миян республикаѳс торйѳдѳ нелямын гѳгѳр километр. И быдлаын дзескыдінъяс тшѳтѳмаѳсь-кыпѳдѳмаѳсь.

– Со ѳд кыдзи миянѳс янсѳдѳны, – броткѳдчис Виктор Кушманов да бара пельпомѳ шлапкис паськыд кисѳ. – Мед ѳта-мѳд дорѳ ог вермѳй воыны. Коді нѳ лысьтас пукалысь йѳз пѳвстѳдыд муннытѳ? Мудера жѳ вѳчлѳмаѳсь...

Кудымкарѳ воим асывнас нин. Овмѳдчим гѳстиничаѳ. Мѳд луннас ме да Виктор босьтчым паныдасьлыны йѳзкѳд. Кѳні библиотекаын, кѳні школаын. Бура кужис сійѳ сѳрнитны лыддьысьысьяс водзад. Ме вылѳ ѳнасѳ эз и видзѳдлыны. Кывбур гижысьлы да лыддьысьлы, дерт, кокниджык. Кузь висьттѳ ѳна-ѳ кывзасны? Сьѳлѳмсянь петысь кывбурыд морттѳ ѳнджыка вѳрзьѳдѳ. Рытнас, гѳстиничаѳ бѳр веськалім да, Виктор другысьѳн юаліс:

– Тѳдан он, мый медся повзьѳдчанаыс таладор югыдас?

Ме эг и тѳд, мый вочавидзны. Тайѳс и шуи. Ачым мѳвпала, мый нин сѳтшѳм повзьѳдчана сѳ аддзѳ Кушмановыс. А сійѳ чѳв олѳ, кыв оз шу. Сѳсся висьталіс жѳ:

– Кадыслѳн мунѳмыс. Олѳмыслѳн ѳдыс. И сійѳ, мый мѳдысь сѳсся татчѳ, олѳмас, он нин веськав.

Менѳ тайѳ чуймѳдіс. Викторлы сѳк муртса ветымын нѳльѳд арѳс вѳлі. Ставыс на водзын. Но, тыдалѳ, мыйыськѳ майшасьѳма нин. Кѳть эськѳ та бѳрын дас ѳти во на оліс. И сьѳлѳм вылас сѳки эз элясьлы. Сѳмын гусьѳнмоз лекарство кизьястѳ вомас шыбитлывліс жѳ. Ми ѳд сѳки кыкнанным театрас уджалім. Ме драматургѳн, а Виктор Витальевич литературнѳй юкѳнѳн веськѳдліс. ѳти жырийын кык во пукавлім. Дерт, быдторйыс вѳлі. Ставсѳ висьтавыны он вермы. Менѳ шензьѳдліс ѳтитор: сылѳн пызан вылас век куйліс кабала, кытчѳ мортыд дугдывтѳг мыйкѳ пасьявліс. Кывбуръяс, дерт, медсясѳ лѳсьѳдавліс. Мукѳд листыслѳн апасыс эз вѳв, сѳтшѳма визьйѳдлѳма колана строка либѳ кыв корсигас.

ѳні мѳвпала, зіля тѳд вылѳ уськѳдны, кор дзик первойысь паныдаси Викторкѳд. Сылысь гижѳдъяссѳ, дерт, тѳдлі, но медводдзаысь асьсѳ аддзи 1973 вося январын. Корлісны гижысьяслѳн кутшѳмкѳ чукѳртчылѳм вылѳ. Альберт Ванееев мыйлакѳ сѳрнитігас крукыштіс Кушмановѳс. Меным Альберт Егоровичыд вѳлі Ен кодьѳн, да эг чайт, мый кодкѳ паныд лысьтас сылы кыв шуны. Но эз сѳтшѳм мортѳн вѳв Виктор Кушманов, медым чѳла кывзыны ас йывсьыс омѳльтана шуѳмсѳ. Пыр жѳ и чеччис да воча крапкис:

– Тѳ, Альберт, ачыд он куж гижнысѳ! Менѳ дивитѳм дорсьыд велѳдчы бурджыка кывбурьястѳ тѳчны!

Виктор Витальевич збыльысь вѳлі веськыда синмад шуысь мортѳн. И та вѳсна сыысь неуна полыштісны, коркѳ и гусьѳнмоз крукыштісны. Со и Коми Республикаса народнѳй поэтлысь нимсѳ сетісны сѳмын кулѳм бѳрас нин, кѳть эськѳ корлісны та йылысь ѳна водзынджык. Виктор ѳтчыд весиг шмонитыштіс на:

– ѳлексей, тѳ вылѳ, гашкѳ, некод на кывбурѳн норасьѳм эз сетлы, а меным паныд гижлісны.

Руыс мортыдлѳн вежласяна вѳлі. Мукѳддырийыс зѳв лабутнѳй, мелі тѳ водзын. А овлывліс, мый скѳрджыкѳн, быдторйѳ пысасьысьѳн лолывліс. Гашкѳ, та вѳсна и дзескыдінас веськавліс да. Мездмѳм бѳрас Викторлы некытѳн вѳлі овнысѳ. Паныдасис ѳти рытѳ кар шѳрын, киас акань кутѳ. Мися, кытчѳ нин мѳдѳдчин? ѳти ѳрт дорѳ пѳ узьны вѳзйысьыны муна. Сылѳн ичѳт ныв эм, козин со босьті. А мѳдысь весиг ог тѳд, код дорѳ пырны... Во-мѳд тадзи ветлѳдліс Викторыд, кытчѳдз неыджыд оланін эз сетны. ѳна бѳрынджык, кор пондіс корны паськыдджык патера, вѳзйисны Морозов улич вылысь. Но эз босьт. И дзик сы вѳсна, мый тайѳ керка весьтас машина таяліс сылысь бур ѳртсѳ, артист Иван Витовичѳс. Ог пѳ вермы ме сѳні овнысѳ...

Виктор Кушманов уна гижѳд ас бѳрсяыс колис. А мыйта на йѳзѳдтѳмыс! Сійѳ здук-мѳдѳн вермыліс ичѳтик кывбуртѳ лѳсьѳдны. Коркѳ пукалам ѳти пызан сайын некымынѳн. Миян пѳвстын вѳлі и Степанов ова мужичѳй. Зѳв радейтліс дарьясьнытѳ. Виктор нем виччысьтѳг босьтчис лыддьыны сѳмын на «пѳжалѳм» кывбур:

*Вы видели Степанова?
Трезвого, не пьяного...
Трезвого, не пьяного?
Значит, не Степанова...*

Медся ёна сералис Степановыд. Коть Виктор Кушманов гижис рочён, но ставыс сылён вöли коми оласнога. Руыс быд кывбурын комилён. Коть эз гиж, но коминад зэв бура сёрнитліс.

Уна бурыс и лёкыс öшйывліс сы вылө. Детдом бöрас водзö велөдчыны позянлуныс эз вöv, да Виктор пырис уджавны вөр лэдзысьён. Та бöрын стрöитчанінын во-мөд кынөмпөт пер-йис. Кывбуръяссö босьтчис йöзөдны том кадас на. Медводдзаыс петіс 1960 воын «Молодёжь Севера» газетын. Гижан уджö топыда кутчысьöмыс и вежис сылысь олан туйсö. Вöлі журналистөн «Молодёжь Севера», «Красное знамя», «Голос строителя» газетъясын. Зэв бур, сьölөмтö вөрзёдана, гылыд кывъя гижөдъяс петавлісны сы перö улысь. Та вöсна Викторöс тшöкыда ыстывлісны гижны бур йöз да кутшöмкö ыджыд лоөмтор йылысь. Казьтывліс, кыдзи бөрйысьöмъяс водзвылын партия обкомсянь мөдөдлөмаөсь дасьтыны депутатпу йылысь статья. Медся рөспута кадас. Нинөмөн пö он письт ылысса вөрпунктö. Сетöмаөсь ичөтик вертолёт. Кык морт и төрö. Вертолётчыкыс коми морт вөлөма. Кыпөдчöмаөсь, да мыйкö моторыс босьтчöма джөмдавын. Мир туй шöрас и пуксьөдöма вертолёттö.

– Петіс вертолётчыкыд кабинасыс, ме куритчыны чеччи, – казьтывліс Виктор. – Видзöда да, восьтіс мортыд көрт лэбачыслысь нырсö, моторыс весиг тыдовтчис. Аддзис, тыдалö, нелючкитö. Кутшöмкö проводъяс тай кыкис да пиньнас топөдавын кутіс-а. Меным вертолёт моторыд зэв аслыспөлөсөн кажитчис. Пиньөн проводъястö топөдөм бöрад кын сьölөмөн пукси. Но öд нинөм эз ло. Бура воим урчитöминас. И бöрсö тшөтш жö.

Газетса уджыс эз косьты поэтлысь кывсö. Унатор аддзылөмыс, олөмсö бура төдöмыс отсалісны сылы гижны выль кывбуръяс, висьтъяс. 1965 воын Виктор Кушмановлөн петіс медводдза небөг. Ставсö сійö слөймис йöзөдны олөм чöжнас дас сайö книга. Зэв төдчанаөн лои Кулөмдін районса Бадьельйыв грездысь война вылын усьöм 112 Уляшев йылысь повесыт, сы серти вöчлісны весиг кино, кодöс петкөдлісны татчöс телевидение пыр.

Викторлөн гижөдъясысь век öвтіс чужан му дорö муслунөн, радейтчөмөн, войвывса вөрванас нимкодьясьöмөн да сы вöсна төждысьöмөн. Кывбур-висьтысь öприч гижліс и пьеса-яс, найöс пуктылісны Виктор Савин нима драма театрын. В. В. Кушманов – Коми Республикаса народнöй поэт, сылы сетöма «Коми Республикаса культураын заслуженнöй уджалысь» ним. Ыджыд сямсö мортыдлысь пасйöма Иван Куратов да Виктор Савин нима государственнöй премиясьөн.

Коть кулөмсяныс уна во нин коли, но некыдзи ог эскы, мый сійö абу мян пövстын. Пыр кажитчö, мый аддза Викторöс Бабушкин улич бокин сулалысь кыз тополь дорысь, кодöс кутлытөг оз вöлі прöйдит. Либö Печать керка коридорөд мунігөн другысьөн мыччысяс да важ моз шуас:

– Тайö бара коді? Кельчи али ёді...

Но оз тай со. Коли сöмын казьтивны, бур кыв шуны тайö енбиа морт йывсьыс. Коть нин нима луньяс дырйи. И кывбуръяссö выль пöv лыддыны.

Петыр Сане

Кыдзкö дзик на абу велалөма гижны Александра Мишарина йылысь, кор сійö ачыс эз нин ло. Век на чайтсьö, мый омөлиник вöтын сійöс гуалім да колльөдім. Век на син водзын важся Сандраыс, кодöс уна во төдлі да вылө донъявлі. Сійö вöлі меысь некымын арöсөн ыджыд-джык, да ичөтдырсö ог сэтшөм ёна төд вылө вермы уськөдны, коть эськö сылөн классö унаысь пыравлі. Сыкөд велөдчис Макарсиктысь жö Олексей, кодкөд ёртасьлім. Сы дорö моз и кежавлі налөн классö. Саня нинөмөн мукөдсьыс эз торъяв. Коть эськö ачыс сэсся бöрас нин öти кывбурын пасйыліс, мый сійö öнөдз на вильыш нывка, кутшөмөн дзолядырйиыс вöлі.

Школа помалом бõрын классыс разалис, да Мишаринаос во-мод мысти аддзи Ыджидвидз сиктса клублон сцена вылысь. Кутшомкõ тай праздник вõли-а. Концерт дасьтомаось и быдõн. И со нуõдысьыс юõртис, õни пõ тиян водзõ пентас педучилищын велõдчыс Александра Мишарина да лыддяс ассьыс кывбурсõ. Ми ставõн вомнымõс паськõдõм татшõм шензьõдана юõр вылад. Кызкõ эз эскыссьы, мый кодкõ миян сиктысь вермас гижны кывбурьяс да весиг «Войвыв кодзулын» йõзõдчыны. Тадз тай нуõдысьыс висьталис-а. Кутшõм кывбур вõли, дерт, тõд вылõ уськõдны ог нин вермы, но зев топыда ставõн кекõначасны.

«Войвыв кодзув» журнал редакцияын. 1991 во.

Кызди ачыс Петыр Санеыс бõрыннас висьтавлис, кывбурсõ гижõма да абу на лысьтома некодлы сетны. Дерт, медводз мõвпыштлõма ыстыны «Войвыв кодзулõ», но полõма. Медбõрын тай мõдõдõма жõ. Абу аслас нимõн кырымасьõма, а нывьёртыслысь ним-овсõ пунктõма. Сэсся уна лун виччысьõма педучилищеса õтувья оланинõ пошта вайысьсõ, мед нывьёртсьыс водзджык слõймыны босьтны воча гижõдторсõ. Мыйлакõ тõдõма жõ: журналса уджалысьяс гижасны. Коркõ и казьялõма «Войвыв кодзувсянь» пасйõда письмõ. Восьтома, а сәни шыõдчõмаось сы дорõ нывьёрт нимнас да корõмаось пыравны сёрнитыштны. Кывбурсõ ошкõмаось и. Бара жõ полгтыр мунõма редакцияд да сõмын сәни висьталõма ассьыс збыль ним-овсõ.

Коли некымын во, и Александра Мишариналõн чужис ыджидкодь кывбур, кодõс вунõдны сэсся эг вермы. Миян Ыджидвидз сикт йылысь гижõма да.

Юрõ самасисны кывьясыс.

*Бара, бара чужан сиктõ вои,
Видза олан, менам Ыджидвидз.
Бара воõн верстьõджык ме лои,
Он тай кадтõ кут да видз...*

Кадтõ збыльысь бõжõдыс кутны он вермы. Ләбисны вояс. Ачым нин лои гижысь кодьõн, но Сандралы моз кывьясыс сидзи и оз сюрласьны. Кызкõ зев нин бура сйõ сяммылис аддзыны аслас кывбурьясõ зев лõсялана кывьяссõ. Босьтам кõtь нин «Сувтны эськõ пельсьõн». Чайтсьõ, Сандраысь õтдор татшõм сьлõмтõ чепõльтана кывбур аслас радейтõм йылысь некод оз сяммы лõсьõднысõ.

Да. Олõмыд пõ тай ваын оз вõй. Торйõн нин Сандралõн. Век кута казьятывны. Уна во сайõ кольõм паньдасьлõмьяссõ тшõtш и. Кызди сйõ кызь сайõ во олис Сыктывкарса медся зыка общежитиелõн зев ичõтик жырйын. Некыз ог вермы шензьынысõ миян олõмõн веськõдлысьяс вылõ. Зев õд лада асьныс жыкруйтõны. А мый наысь коляс уна во мысти? Казьятлõмьясас, шуа. Дзик нинõм. Унаõн-õ õни шуасны, кодõ вõли партия обкомса секретарнас Виктор Савин олгõн да гижигõн? Ас пайысь ме ог тõд-а. Савинсõ тõда, а кодõ сәки Коми мунас веськõдлис – ог. Уна коми гижысьлõн дыр кад эз вõв бур оланиньд. Чайтõны, мый зыка общежитиеыс налы тырмымõн. Быттõ татшõмсяма оланиньн чужлисны Пушкинлõн гижõдьясыс, Лев Толстойлõн «Война и

мирыс»? Но тайо мөд сёрнио вуджөма лои. Сэсса Александра Мишаринылы дырөн сетисны жө өти жыръя патера – кухняон и быдөн. Мортыд уна вонад сэтшөма вөлөм велалөма овны дзескыдинад, мый вильлао вуджөм бөрын, гашкө, төлысьыс дырдзык оліс кухняас. Жыръяс пө ог лысьт петны – вошөмысь пола.

Тшөкыда гарыштывла, мый ютөм мужикыд кодзөм кань кодь. Сылы нинөм нин быттьө оз ков. Дугдан виртө вежыштывны, да олөмыс дубджык лоө. Водзті гажадзык вөлі. Кутшөмкө праздник, гашкө, нимлун бөрын юр тай вөлі потө-а. Велькөдны, дерт, нинөм вьлө. Өдзөсө тотшкөдчисны, да дзөран юрөн жө Александра Мишарина пырис. Лекарство жө корсьө, медым ньөбөм висьөмсьыс мынны. И мөвпыштім довгыны Печать керкаө. Сэні йөзыс унджык гартчө, сурас кодлыськө удждысьны. Миян керкасянь сэтчөдз, гашкө, куим верст. Автобус вьлө пуксьынысө некоднанным нин ог лысьтөй. Сьөлөм чечыштөмысь полам – топөдасны да. Мөдөдчим велькыд туйөд. Неыджыд вөр ді пыр. Ме водзынджык тапикта, Сандра бөрсянь тірликтө. Быттьө синтөм гозъя корны петөмаөсь. Туйыс буретш шойна дорті мунө. Сандралөн эбөсыс бырны кутіс, босьтчис шуавны:

– Өлексей, ме вай кутшөмкө гу бокө водыштли. А тэ ветлы. Удждысян да бөрсө локтігөн видзөдлы жө менө. Ловъя кө – юрөс велькөд. Кулөма кө – мунас тыртышт дай. Оз нин ков кладбище вьлө нуны йөзөс корсьны.

– Эн жө вод. Кыдзкө өд мунам.

И водзө мөдөдчим. Александра Петровна кызкө век серамсорөн висьтавліс таладорсьыс аслас мунөм йылысь. Карас олігөн некымынысь шуліс:

– Өлексей, ме кө кула, то Ыджыдвидзө катөд. Машинатө медавны сьөмыд уна ковмас. Рөскөд эн вөч. Вай кызкө кусыныт ли мый ли да мездорад ну автобус станцияөдзыс. Сэсса билет ньөб да аскөдыд орччөн пуксьөд. Быттьө ловъя на. Ловъя мортсьыд озджык уна босьтны. Билет донсө вештан дай. Сідз и катөд Ыджыдвидзөдзыс. Пассажирөс моз.

Но Сандра эз кут буса карын таладор югыдінсьыс мунөмсө виччысьны. Ыджыдвидзас овны кайис. Сэтчө и гуалім. Кутшөмкө гөжөмө став семьяон ветлім оз вотны Чуб ты дорө, коді шойна сайын. Бөрсө мунігөн сувтлім, медым видлыны Петыр Санейс. Зэв мичаинын куйлө. Дзик мамыс да Агни чойыскөд орччөн. Найөс сійө медся ёна радейтліс. Помнита, кызди шогсис, кор муніс таладорысь Сава Анна. Тадзи мамсө сиктын төдлісны. Сане казтьывліс, кызди школаас велөдчигөн география урок дырйи велөдысьыс юөртөма, талун пө пондам төдмасьны саваннаон. Ставныс вашмунөмаөсь да Мишарина Саня вьлө видзөдөны. Тэнад мам йылысь пө босьтчасны висьтавлыны. А кор лёк висьөм шашаритчис Агни чойыслы, Петыр Сане шогысла весиг сьөдөдліс. И со өні бара өтлаасьөмакодь лои мамыскөд да чойыскөд. Пөлинө, вуні висьтавны, мый аскөд нинөм вайнысө эг путьмөй. Кыдзкө нем виччысьтөг лои Санелөн гу дорө кежөмыс да. Сьөрысь сөмын корөсь нөб. Сэтысь и босьтім гоз-мөд ньөр да сатшким муас. Эг на слөймөй вешыны, кызди зэрны кутіс. А енэжас быттьө некутшөм зэра кымөр оз тыдав.

– Сандраыд бөрддзис, – шуис Анна Александровна, воклөн гөтырыс.

– Куш киён матыстчим, да сійөн. Весиг водкатө эг кисьтыштөй, – шмонитышті ме.

Но Сане, тыдалө, абу шог синваон бөрддзөма. Шонді мыччасьө со. Регыд и дугдіс зэрнысө.

Өтнад олігөн, гажтөмысла ли, мөд майшасьөмла ли, Петыр Сане винанад ышмывліс. Дерт, эз торъя ёна. Вөлі кө кутшөмкө мог сы водзын, то он вермы тшөктыны юнытө. «Йөлөгаын» на ми гөтыркөд уджалім, и нывъясьномөс тшөкыда видзлывліс. Асьсө Сандра бабөн налы тшөктыліс шуны. Куратов нима музейса уджалысьяс казтьывлөны, кызди өтчыд рытйысьөмаөсь да пуксьөмаөсь пасйыштны. Сане пыксьөма, абу пуксьөма накөд. Меным пө Өлексей Поповлысь да Ларисалысь нывъяссө колө видзны мунны.

Но өні син водзө мыйлакө сувтөныджык сылөн гажа юрөн лоөмторъясыс. Гашкө, сы вөсна, мый юыштөм бөрас Сане вөлі варов да визув. Садь юрнад абуджык сэтшөм, лөня оліс. И став серам петкөдланторъясыс вөліны сөмын вирсө вежыштөм бөрын. Гашкө, кодкө шуас, мый Александра Мишаринылысь юөмсө куш гарала. Но век жө висьтышта, кызди пырис сійө гижысь котырө, Владимир Тимин дорө. Тыдалө, висьысь юрсө велькөдөм могысь сьөм корсис. Удждыны.

– Владимир Васильевич, вай мезды.

– Абу менам, Саня, сьомыс, – вочавидзё Тимин.

– Кула өд. Мөдарьюгыдас веськала да дзик пыр жө тэ вылө нора-ся. Шуа, мый Тимин эськө вермис на мездыны, но эз тай со.

Владимир Васильевич азыма серөктіс да гуся зепсыыс сьом кыс-кис.

Петыр Сане аслас кулом вылын унаысь серавліс. Кыдзкө шмонитөмөн видзөдіс сійө таладор-сыыс мунөм вылас. Висьтавны кө нин Петыр Санелөн унаысь «кувсьылөм» йылысь, ковмас гарыштны сійөс Ыджыдвидзё «гуавны» катөдлөмсө. Ачыс эськө өти гижөдын тайөс пасйыліс жө нин. Но мөд ногөн. Помканас сэтчө радейтчөм скойис.

А вөлөма со кызди. Ачыс Санеыс меным висьтавліс.

Өтчид кутшөмкө мужиккөд зыкө воөмаөсь. Ыджыдвидзса жө пө тай сійө-а. Нимсө эз висьтав. Мортыд дзикөдз лөгасьөма Сандра вылад. Мунөма да Ыджыдвидзё звөнитөма, Сандрайд пө кувсис.

– Зэв нин пемыд вөлі, – висьталіс Александра Петровна. – Куйла крөвать вылын. Өдзөс друг гурйыв воссис. Игнасьнытө вунөма да. Кодъяскө пырисны. Кыліс Агни чойлөн гора гөлөсыс. Кытөн нө пө нин Санеыс? Моргө нуөмаөсь али мый? Ме синмөс восьті да гораа шыа-си. Локтысьяс муртса эз весьөпөрны. Тэ пө ловья али мый? Ловья, дерт, шуа. А миянлы пө юөртісны, мый тэ куломьид. Со и воим покончаөс гортө катөдны. Сө лешак тай!

Сандраөс пасьтөдөмаөсь да турки-таркиөн петкөдөмаөсь. Пуксьөдөмаөсь машинаө. Гортө пө ветлам. А то мамыд шогысла йөймас. Агни чойыс кайигчөжыс броткөма. Ковмис пө тіян йөйталөм вөсна быдса машина медавны. Ыджыдвидзё воөмаөсь да кык чой гортланьыс веськөдчөмаөсь.

– Сане, керка дорө воам да, тэ коть сьывны горөд ли, мый ли, – велөдө Агни чойыс. – А то пыран да мамтө йөймөдан. Өшинь пырыс мед первой аддзылас. Тэнсьид сюзь буксөм кодь сьылөмтө кылас да.

Сідзи и вөчөма. Сандра лөкгоршөн сьывны горөдөма. Налөн керка өшиньө чужөмьяс ляксьөмаөсь. Керка тырыс нин йөз чукөрмөма да. Пөчьяс пернапас чөвталөны, томджыкьяс шензян синьясөн дзоргөны. Покончаыс пө сьылө-локтө. Лөня оліс, а кулом бөрас со кутшөм лоөма.

Вель дыр сэсса гортас чеплялөмаөсь. Төдмалөны, збыль ловья абу Петыр Санеыс. Сэсса выль йөз на дорө пыр воөны, мамыскөд шогсө юкны. Коді чериняня локтө, коді көвдум да шаньга вайө. Пызан тырыс сөян. Покончаөс вошйөдны дасьтөмаөсь.

– Ловьядырйи тай волі, да некод эн мыччысьлөй. Кысь нин черинянь вайны, – ропкөдчө на Сандра. – Кулі, да со мындаөн чукөрминныд. Стопка коть покончаыслы лишалас оз?

Мөд асывнас бара на керка тырыс йөз чукөртчасны. Оз өд ставныслы здукөн кывсы Александра Мишариналөн ловзьөм йывсыыс юөрыс. Коді пырө, Сандраөс аддзө да пернапас чөвтө. А «поконча» өшинь дорын тытвидзө, вайөм пөжасөн чөсмасьө. Сылөн воча вокыс, Микита Миш Иван, со локтө. Пельпом вылас зыр пуктөма. Сандралы гу кодйыны мөдөдчөма. Сане өшиньө таркөдө:

Александра Мишарина Алексей Поповлөн нывъяскөд – Настякөд да Сашакөд. Поэтлөн керка кильчө вылын Ыджыдвидзын.

– Ваньё, пырав!

Мөдыд казялөма сійөс да муртса гатшөн картофель му вылас абу усьома.

Куим лун гортас олөм бөрын Сандра туйё петөма. Абу, дерт, шойналань сетчөма. Карё бөр вөрзёдчөма мунны. Одыбсянь локтысь автобусын мунысьяс кывлөмаоьс нин сылөн «кувсьылөм» йылысь да сералёны:

– Сане, өкмысөд лунсө пасйыны волан жё?

– Вола. Нелямынөдсө тшөтш жё и, – вочавидзёма Мишарина.

Со тадзи кымын збыльысьсө вөлөма.

Менам эм тетрадь, кытчө пасйивла аскөд да мукөдкөд лоөмторъяс йылысь. Тешкодъжыкъяссө медсясө. Лёксө нө мый пасьялан? Со 1996 во заводитчан кадся гижөд.

«Талун Сандра Мишарина шуис:

– Таво менам куим пөвста юбилей. Аслым ветымын арөс тырас. Комын во гижан уджлы. И нөшта кызь во тырас сысянь, кызди медводдзаысь ветлі вина юөмысь бурдөдчыны.

Мися, топыда ковмас пасйыны юбилейастө. Торйөн нин бөрьясө.

Эн нин пө сёрнит, – шуё Мишарина. Öні на пө син водзын, кызди ме вои бурдөдчанінсьыс. Вежон ог ю, мөдөс... Төлысь нин коли. И зэв гажтөм кутіс лоны. Олөм абу олөм кодь. Оз некыдзи гижсьы и. Ас вылө пө сэтшөм ыджыд лөг чужис.

Дзикөдз йөймөмысь повзёма Сандра да котөртлөма лавкаө коньякла. А юнысө оз жө лысьт. Ёна, тыдалө, бурдөдчанінад повзёдлөмаоьс: юан кө пө, кувны верман. Лун джын доз вылад видзөдөм бөрын век жө восьтас. Бурджык пө кувны татшөм олөм дорсьыд. Кисьтас зэв ичөтик румкаө. И бара вель дыр сы вылө дзоргас. Полө и колө. Медбөрын тэрыба гулькнитас да водас крөвать вылө. Кияссө морөс бердас топөдөмөн жмутвидзө. Час джын пө дитшвидзи. Бытьтө морөс пытш шонавны кутіс, а кувны ог кув. Мөд румка чипнитөма. Бара крөватьө нюжөдчөма. И бара ловья. Доз джынсө бырөдөм бөрын век жө звөнитлөма бурдөдчанінад. Ме пө юи да локтөй менө спаситны. А сэсянь юасьоны, вермө оз на кок йылас сулавны. Верма на пө. Сідзкө пө, лок татчө.

– Сэки меным и юрө вартіс. Ас кокөн кө корөны локны, то, сідзкө, оз повны, мый кула, – висьталө Сане. – Сідзкө, весь повзёдлөмаоьс. Неуна бара юышти да мөдөдчи бурдөдчанінад. Сэні выль пөв сэсса бурдөдісны...

Дерт, сійө оз пыр ю. Но кор садь, гортсьыс оз петав. Пыр мырсьө-гижө. А гортад олігөн тай нинөм сэтшөмыс оз лолы».

А со Петыр Сане йылысь мөд пасйөд. «Талун 1998 вося январ 25 лун. Ветлі Сандра Мишарина дорө рытйысьны да пыр жө пукси пасйөдъяс вөчны. Пыригмоз Сандра босьтчис гөститөдны. Картофель весалис, видзөдө да, горт помас вый чир абу. Гос корсис, да эз жө сюр.

– Часлы, ме яя шыд пуи, – нимкодь лои Мишарины. – Порсь выйыс, көнкө, вылас кайыштис.

Сійө зіля көвтыштис кынмыштөм шыд вылысь васө да сы вылын босьтчис жаритны картофельсө. Ме пөт вөлі да эг видлы. Ачыс тай тьякөдчигтырйи зэв чөскыда паняліс-а. Сэсса пырис төдса мужик. Ыджыдвидзсянь воөма. Вайөма быдса картофель мешөк. Санелы гортсаясыс мөдөдөмаоьс. Агни чойыс письмөын пасйыштөма, эг нин пө эськө көсйөй, мисьтөм чужөмлы, ыстыны да, но век жө небзёдчим. Сандралы нимкодь лои. Сэсса зумыштчис. Гортө пө дивитана письмө буретш көсья вөлі ыстыны. Эг пө слөймы чөвтнысө. Кыкөн вель дыр восьтім клеитөм конвертсө, мед оз косясь. Сандра гижис мөд письмө да бөр клеитім. Та бөрын ме веськөдчи гортө, а Сане тшапа кокъяссө пукталігтыр төвзис пошталань».

Кор Петыр Сане вуджис овны чужан-быдман сиктас, ме пөшти быд волігөн кежавлі сы дорө. Кор гөтыркөд, кор челядькөд, кор кутшөмкө ылі муысь воөм гөсьтъяскөд. Гажа юраөн сійөс эг сулы. Пыран, да век тшайник пузьодас, мый керка пытшкас сёяныс эм, ставсө пызан вылас лэптас.

Весь абу олөма. Ыстас вөлі Сыктывкарө выль гижөдъяс. А ме сылы сьөмтор вайыштли, гижөдъяссьыс гөлиник гонорарсө. И өтчыд со мый лоис. Петыр Санеөс муртса немортөдз эг вайөдөй.

Пыртім Ларисакөд Санелы гонорар, «Коми муо» гижасьомысь. Бура дыр варгөм бөрын петім бөр, а машина дорас мунігөн понъясөн пөгибө воим – сөмын кокад и кутчысьоны. Шенасигтыр кызкө воөдчим машина дорөдз и друг казям – Ларисалөн сумка-ыс абу. Гөтыр шуо: «Олексей, звөнит телепонад, сумкаас вөлі менам сотөвөй, да мед шыасяс... Колөкө, пон вомын нин, шенасигад кисьыд мыніс да!» Звөниті да ачим пель чошкөдөмөн бөр Санеяслань муна – өти пон өд некөн абу, и телепон некөн оз шыась.

Лариса Попова, Алексей Попов, Александр Ульянов.

Вои Санеясө, пыри: диван помас пөрөм сумкасьыд телепоныс тайкө нин чеччыштас, лөз би коялөмөн сөмын равзө... Босьті телепонтө, кусөді. Друг кыськө аминь пыдйысь Санелөн гөлөсыс кылө:

- Кутшөм лешаксө нин сэні новлөдлөны?
- Тайө ме, Олексей. Көні нө ачыд?
- Гөбөчын, картофель мешөкъяс сайын куйла.
- Пет.
- Кытчөдз сумкатө посводзө он петкөд, ог пет!

Петкөді, гөбөч өдзөссө восьті. Видзөда: Санелөн өтар киас гонорар сьөмыс, мөдар киас мыйлакө паспортис. Чужөмыс быгалөма, синъясыс быттьө мыйкө корсьөны – өтарө-мөдарө сідзи и шыблассьөны:

- Сумкатө петкөдін?
  - Мый нө лоин?
- Сійө бара:
- Сумкатө петкөдін?

Кызкө лөньөді жө сійөс.

Пуксис Сане пызан саяс – чуңьясыс сөмын таркакылөны пызан помас, кокыс нөшта ёна легө: «Пукала тіян мунөм бөрын, вайөм сьөмтө виль пөв лыддя. Оз жө, мися, унасө убөлитны – вом-горулын бротка. Друг диван помын кодкө шыяс кутіс сетавны, да өд дзик сідзи, кызди тай өнія киноясад. Видзөдлі сыланьө: пөрөм сумка, а пытшкас мыйкө аминь югыд би коялө да равзө. Юрын вирдыштіс: тайөясөс тай менө бырөдны мөдөдөмаөсь. Сьөмыд, тыдалө, «Коми мусалы» жаль лөөма, да взорвитны көсйөны! Ывлаас петны эг нин гөгөрво. Мый веськаліс киө, кватиті и гөбөчө чепөсйи. Мөвпала: «Картофель пыртлан өшиньөд удита петны. Паспортнад, йөйма кө, гашкө, төдасны, коді ме...» А гөбөч өшиньыд ывласянь вөлөм игана, да збыльысь төкөттьө эг весьөпөр. Картофель мешөкъяс сайө воді, юрөс киөн тупки: мый лоны, мися, ло... Олөмөй ставна-нас син водзті вирдыштіс, быттьө абу и овсьылөма».

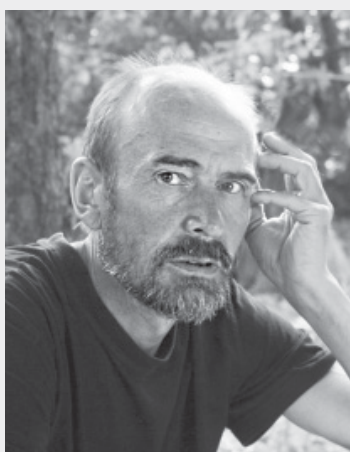
Сөри жө эськө да. Эз дзик тадзи вөв. Санеыс эськө збыльысь повзьөм чужөма, но паччөрас кайөма сөмын вөлі.

...Бөрынджык кывлі, Петыр Санелөн воча вокыс карысь волөма, пондылөма сотөвөй телепон козьнавны, да мөдыс кинас и кокнас пө шенасьны босьтчис: «Кызкө татөг нин ола!..»

Сане дорө кежавлігъясө унаысь шмонитлім, мый ми Ыджыдвидзас кык гижысь, да кызд бара кулөм бөрын кутасны нимъясымөс ас сиктсаяс видзны-а. Тэ, мися, Сане, татчөс школаас велөдлін, да тэнсьыд нимтө сылы сетасны. Та вылө Сандра сөмын мудера вашмунліс. Эн пө вай йөйтав. Менсьым ним сетасны. Виччысь. И со ковмө виччысьны...

Зырянские штудии

Анатолий
ПАНЮКОВ

Анатолий Васильевич

Панюков. Родился

12 июня 1962 г.

в с. Важкурья

Корткеросского района
Республики Коми.

Учился на филологи-
ческом факультете

Сыктывкарского госу-
дарственного универси-

тета, прошёл аспиран-

туру в Институте рус-
ской литературы РАН

(Пушкинский Дом),

где в 1999 г. защитил

диссертацию на соиска-

ние учёной степени кан-

дидата филологических

наук. Ведущий науч-

ный сотрудник секто-

ра фольклора ИЯЛИ, до-

цент. Имеет более 110

научных публикаций.

Литературный путь до-

вольно скромный. Его

поэтические произведе-

ния печатались в ряде

литературных изданий.

Опубликовал самизда-

товский сборник стихов

«Зеркало для дождя». Год

назад выпустил песен-

ный альбом «Семь бу-

мажных драконов».

Назад в будущее: убийство князя Василия Вымского

Возможно, в метатексте многовековой истории Российского государства пятидесятилетнее наместничество вымских князей (1451–1502 гг.)* могло бы вообще затеряться, если бы не ключевая роль именно этого хронотопа в определении будущей, евразийской судьбы России. Отсюда, с Перми Вычегодской, в эти годы было совершено шесть крупных походов великокняжеских войск, связанных с покорением зауральской Югры и окончательным присоединением пермских земель – а вслед за ними – и Новгорода к Москве. Князья Вымские управляли краем, ходили вместе с московской ратью «воевать Югорскую землю», участвовали в походе на Казань. И, видимо, не случайно на всём пространстве России остался единственный населённый пункт с символическим названием Княжпогост, и на гербе Княжпогостского района изображена шапка Мономаха – символ древнего центра страны, которого удостоены только бывшие столицы великих княжеств.

Тем не менее, на уровне местной истории именно Княжпогост не оставил ни одного исторического свидетельства: неведомо, кто его основал, неведомо, жил ли там кто-либо из вымских князей. Этот парадокс абсолютно прозрачной этимологии и абсолютно тёмной истории на протяжении пяти веков выполнял и продолжает выполнять аттрактивную роль в формировании локальной истории. Однако из всего спектра имеющихся на сегодняшний день фольклорных, литературных и околонучных ретроспекций на тему вымского княжества только один сюжет обладает всеми признаками исторической достоверности – это сюжет об убийстве князя

*В 1451 г., после подавления «Шемякиной замятни», Великий московский князь Василий Тёмный, укрепляя свою власть, назначает московских наместников в города, отобранные у противника. «Правити пермской землей Вычегоцкою» в качестве московского наместника был отправлен князь Ермолай; о его дальнейшей судьбе нам ничего не известно. Его старший сын Михаил возглавляет династию Пермских князей, а младший Василий (около 1435–1480 гг.) после смерти отца становится вторым вымским князем. О князе Василии Ермолаевиче мы знаем, что он в 1465 г. возглавлял отряды вымичей и вычегжан в походе устюжского войска под предводительством воеводы Василия Скрыбы в земли Югры, а в 1480 г. погибает от рук вымичан (сюжету о его гибели, собственно, и посвящена наша статья). Князю Василию наследовали сыновья Фёдор и Пётр. Пётр Вымский погибает в 1499 г. при штурме Пелыма во время очередного зауральского военного похода. В 1502 г. князь Фёдор Васильевич был сведён с Выми и отправлен наместником в Пустозерский острог, где через несколько лет умирает, и род вымских князей пресекается.

Василия Вымского. Помимо того, что в фольклорной традиции бытуют предания об этом событии с чёткой фиксацией места убийства (место могут показать и сейчас), факт убийства князя в 1480 г. зафиксирован в письменном источнике XVI в. – Вычегодско-Вымской летописи [1] (далее – ВВЛ). Таким образом, у нас есть уникальная возможность сопоставить фольклорную и историческую версии этого, надёжного по аргументации, события местной истории и попытаться понять, как оно пережило пять столетий. Начнём с последнего источника.

ВВЛ начал вести в конце XVI столетия (т. е. спустя 100 лет с момента рассматриваемого нами события) основатель Усть-Вымской Архангельской пустыни Мисаил; после его смерти летописные записи были продолжены устьвымским благовещенским попом Евтихием. Изложение событий доведено летописцами до 1619-го: в этом году вологодский архиепископ Макарий запретил вести летописи «малым попам», т. е. священнослужителям низких рангов. Какое-то время летопись хранилась в Усть-Выми, а потом в Окваде. В 1813 г. её по распоряжению вологодского епископа Евгения отослали в Вологду, где рукопись бесследно исчезла. Однако перед этим вологодский семинарист А. Шергин снял с летописи копию, которая в течение многих лет находилась сначала во Введенской церкви в Окваде, затем в частных руках, а с 1915 г. – в Усть-Вымской Благовещенской церкви. В 1927 г. эту копию обнаружил в Усть-Выми начинающий писатель и краевед П. Г. Доронин и сделал с неё список. Впоследствии шергинская копия так же где-то затерялась, а Доронин спустя 30 лет подготовил текст летописи по своему списку к печати, и в 1958 г. она была опубликована. Летопись написана на русском языке, охватывает период с 1178 по 1619 г. и, по всей видимости, была известна достаточно узкому кругу лиц.

Согласно ВВЛ, князь Василий Ермолаевич Вымский решил построить на Выми возле Турьи новый укреплённый городок, но был убит взбунтовавшимися местными жителями. В погодной записи за 1480 г. сообщается: *«Лета 6988 почал князь Василей Вымской город на Выме на Турею строити, а вымичем не любо тое городок строити: пошто нам этот городок и на кого, и посекли вымичи Василья князя на смерть»* [2].

При целом ряде спорных моментов, выявленных исследователями в тексте ВВЛ [3], описанное событие подтверждается целым рядом косвенных свидетельств. Достоверно известно, что в 1481 г. князя Василия уже не было в живых, хотя нигде больше не упоминается об убийстве. Так, в первое описание Перми Вычегодской 1481 г. Ивана Гаврилова попали сысольские угодья, отданные Пыелдинскому монастырю сыновьями князя Василия на поминование родителя; о них говорится в «Жалованной грамоте» великого князя Ивана Васильевича жителям Перми Вычегодской 1484/85 г. [4]. Достоверность этой записи придаёт и точное описание произошедшего убийства. По мнению Б. Н. Флори – первого исследователя ВВЛ – летописец пользовался источниками XV в., в частности, не дошедшей до нас Пермской владычной летописью, которая велась в Усть-Выми при епископе Филофее (1471–1501 гг.) [5]. Таким образом, погодная запись за 1480 г. могла быть зафиксирована во владычной летописи в хроникальном порядке, а уже оттуда была переписана в ВВЛ.

Эти аргументы придают историческую правдивость и фольклорным произведениям, дошедшим до нас. В отличие от краткого сообщения ВВЛ, устные предания о князе Василии достаточно детально описывают это событие, и в целом летописное описание гибели князя входит в сюжет народных преданий о князе.

Согласно основному сюжету предания, весьма точно подтверждающему запись летописи, князь Василий был убит в местечке, которое и теперь называется «местом убийства Василия»: *«Тая Турьяас вёлма коркё историяыс, вот. Мыйке, тае вёлма московскöй*

пограничной отряд тая, пограничной округ. И тани вёлёма турецъяс ли мый ли, вот сие Туръясё нимсё пуктылёмаось. А сја бёрти татчө кольёмаось. Видзөд, тан вёлөм олөны, Княжпогостас – погостсө шуёны, сэни князьыс вёлөм олө, а татчө вёлөм кутшөмкө Вась – царь ли, тоже князь ли, татчө стрөитчыны Васьыс көсйөма, вот. Сэни Кар яг выйим, шуёны «Кар Яг». И Кар ягас сја заводитлөма стрөитчыны, вот. А йөзыс, сылөн, важөн өд вёлөм, видзөдлы, прөмысляйтөны, сыыс и нажевитчөны вёлөм, а тати прөмыса вёлөма. И мед сја купеческөй, сја князьыд овмөдчис, прөмыссө некодлы йөзыслы кыйнысө некыдзик вөли. Ная эськө гөля куччисны олны, сја весьтө куччис экплатируйтны, и вот сја Васьсө вийөмаось сэтчө шор дорас кыччикө, и вот сие «Васьөс вийөм» и шуёны, а ягсө «Кар ягөн» вексө шуасны. Кытчө көсйыллөма стрөитчыны. А зэв мича ягыс сэни: тшак петө, гоб весиг петө. Ми сэтчө частө воывлам, вуджавывлам, Кар ягө вуджавывлам гобла. А сие шор дорыс мыйкеыс да устье Пожегыскөд против Васьөс вийөмны» (Эта история в Турье была когда-то. Турья была московским пограничным постом, пограничным округом. И были здесь турецы что ли, поэтому и название Турья дали. И потом они здесь и остались, здесь жили. А в Княжпогосте – погост так называют, там жил князь, а сюда пришёл какой-то Василий – то ли царь, то ли князь, здесь он хотел построить город. Там есть местечко Кар яг (букв. 'бор, в котором стоял город'). И в Кар яге он начал строится. А прежде ведь, сам посуды, промышляли охотой, на этом и жили. А места здесь богатые для промысла были. И вот если бы этот купеческий, этот князь поселился, то народу и промышлять было бы невозможно. Стали бы они бедно жить, он бы стал их эксплуатировать. И вот, этого Василия убили где-то у этого ручья. И ручей стал называться Васьөс вийөм 'убийство Василия', а бор – Кар ягом всегда называют. Это место, где он хотел город – кар построить. Бор там красивый, там грибы всегда растут, даже белый гриб. Мы туда часто ездим, на другой берег, за грибами. А это место у ручья напротив устья Пожега, где Василия убили) [6].

При всей схожести описываемого события – убийства Василия Вымского, сюжет предания имеет чётко выраженный «оттопонимический» характер: есть точное место строительства городка – Кар яг, есть точное место убийства – ручей Васьөс вийөм – недалеко от городищенского бора. Кроме того, народные предания передают множество деталей и подробностей об этом событии, которых нет в ВВЛ:

«Олөмаось татөни Турьяас Василий Вымский. Олөма тысячи шөссот сорок втором году. Вёлөм татөн, Лав местаын керкаыс, Василий Вымскейыслөн, Турьяын, Лав местаын. А этия Кошлөн керкаыс весьыс вёлөм яг. Весьыс тати яг вёлөма, Турьяыс, весьыс яг. И Кош Вань керка местаад вёлөма кузнеча сэтэни, Василий Вымскейыслөн. И Василей Вымскейыс мунас налог өктыны, сборъяс, этия, кудз шуасны, крестьяналысь. И Весьлянаө каас, Василей Вымскейыд. Весьлянаысь непосильной налог өктө сја. И бёрти крестьянаыс сэн бунтуйчасны, Василей Вымскейыдлы. Крестьянаяс бунтуйчасны и вөтөдасны сыелы, Василей Вымскейтө. Вөтөдасны, и татче Жигановкаад чуть оз во, Васьөс вийөм. Пожеге воугад, Жигановка оз во сэтче, но, Пожег вом дорө, сэтөн нель кымын километра оз во, Васьөс вийөмө сиес вөтөдасны, весьлянской крестьяна, и сэтэн селы вияснi, кераласнi из вылын, киласэ кераласнi. Из вылын. И сја век, немсэ, и өни век Васьөс вийөм и Васьөс вийөм. Сја местаис и сја весь участкис Васьөс вийөм» (Жил тут в Турье Василий Вымский. Жил он в 1642 году. Был у него здесь дом, на месте избы Лава. А место, где дом у Коша, всё это было лесом. Кругом был бор. И на месте дома Кош Ваня была кузница у Василия Вымского. И пойдёт Василий Вымский налог собирать, сборы, как сказать правильно, у крестьян. И в Весляны поднимется Василий Вымский. В Веслянах он непосильный налог брал. И крестьяне, в конце концов, взбунтуются и догонят его. Догонят, и здесь, до Жигановки не доходя, там километра четыре не дойдёт, есть местечко Васьөс вийөм, перед Пожегом.

У устья Пожега. Там его догонят веслянские крестьяне и там его и убьют, на камне порубят, отрубят ему «мужское» – «киласэ кераласні из вылын». И это место от веку и сейчас ещё называют *Васьёс вийём* – «убийство Василия». И это место, и участок вокруг называют *Васьёс вийём*. А там в Жигановке, жили уже, не город, но жили, а там на бору, хотели строить город. Туда все уже ходили и строить начали уже, по указанию Василия Вымского, город. Там уже жили местные, туда вот и похоронили, и там Савельева (<Э. А. Савельева – руководитель археологических раскопок – прим. авт.>) нашла всякие вещи, горшки и всякие приборы, подтверждающие, что там уже жили, в Жигановке. В верхнем конце Жигановки. А тот бор, он ещё выше, на горе, и берег там высокий, настоящий. А бор тот ещё выше, где город. Ещё чуть выше. Кар Яг – очень большой бор! И теперь все *Кар ягом* называют, там грибы растут. Выше Жигановки, *Кар шор*, *Кар Яг*. Место *Васес вием*, а ниже по течению этот Кар Яг, вот там он наметил строиться. Он всё уже наметил, всё, мол, здесь город будет. Вот потом его самого и убили там. Чем потом всё это завершилось, я не знаю. Так ничего и не сделали там) [7].

Даже при беглом сравнении летописного текста и устных преданий их органическая взаимосвязь кажется очевидной. Устные предания развивают и детализируют тот же сюжет, в основе которого лежит реальное историческое событие прошлого. В этой исторической действительности сама взаимосвязь устной и письменной традиций предстаёт как абсолютно очевидная историческая реальность (назовём её **Реальность 1**), соотносимая с хронологией: в 1480 г. происходит убийство князя, спустя 100 лет это событие фиксируется в ВВЛ; параллельно с этим, устная традиция не только сохраняет память об этом событии, но и фиксирует его топологию в местной топонимике (точное место убийства, место строительства городка), благодаря чему в мельчайших деталях сохраняет и транслирует на протяжении 5 веков предания о князе Василии. После публикации текста ВВЛ в 1958 г. эти две версии – фольклорная и летописная – взаимоподтверждаются и далее уже сосуществуют как единый исторический нарратив.

Однако есть одно объективное противоречие, не позволяющее принять **Реальность 1** за достоверную и единственно возможную. Дело в том, что чётко зафиксированный на местности «город» устных преданий никак не может быть «городом на Турею» летописи, поскольку он не имеет никакого отношения к вымским князьям. Этот археологический памятник, получивший название «Пожегское городище», сегодня имеет довольно точную датировку [8]. Городище расположено в местечке Каръяг, напротив устья р. Пожег, правого притока Выми, на 4 км выше с. Турьи (и на 2 километра ниже ручья *Васьёс вийём шор*). Археологические исследования позволяют уверенно говорить о том, что это был укреплённый древнерусский (новгородский) стан дружинников XII–XIV вв., переросший в торговоремесленный и военно-административный центр края. Городище перестаёт функционировать в конце XIV в., вероятней всего, погибает в одной из вооружённых стычек с московскими войсками, и его уже не существовало к моменту прихода на Вымь Стефана Пермского, т. е. к 1380 г. (за 100 лет до смерти Василия Вымского).

Мотив «строительства города» по исторической логике должен быть связан с Княжпогостом, который находится ниже с. Турьи на 50 км, и расположен примерно на середине пути между сёлами Усть-Вымь и Турья. «Княжеский погост» впервые упоминается в жалованной грамоте великого князя Московского Ивана III епископу пермскому Филофею (1490 г.), т. е. этот населённый пункт возникает при жизни князя Василия. Но ни ВВЛ, ни какой-либо другой исторический документ не сообщает о князе-основателе погоста, да и едва ли летописец мог назвать Княжий погост «городом на Турею».

Возникает явное противоречие между летописным фактом и устными сюжетами, и

само собой напрашивается вопрос: а где же тогда был город, который хотел построить Василий Вымский в 1480 г., и был ли он в исторической действительности.

Чтобы прояснить общую картину, возвращаемся назад в будущее, к фольклорной традиции XX в., и обнаруживаем один удивительный факт.

В 1946 г. в той же Турье, где бытовали приведённые выше предания, был записан вариант сюжета, в котором вместо князя фигурирует местный герой-богатырь Василий – *Ён Вась* (букв. 'Сильный Василий'). Согласно этому сюжету, именно богатырь Василий решает построить город в местечке *Кар яг*, но погибает от рук коварных веслянцев: *«Он жил в Кони, этот богатырь Василий. Жил он один, очень сильный человек. У него был серый конь, большой, громадный. И был он богатым. От Турьи выше по реке есть маленькая речка под названием Пожег. На другой стороне устья Пожега, выше по течению, место называется Кар Яг. Там, оказывается, он, богатырь Василий, хотел один построить город. А место на бору очень красивое и ровное. Вот однажды он дал в долг денег веслянским мужикам. Веслянцы обещали за это город построить. Но веслянцы не пришли на работу. Трижды он просил вернуть долги, но веслянцы не вернули. Пошёл он в страдную пору к должникам. Взрослых в это время никого не было, все были на сенокосе. Он пришёл в Весляну. И за то, что долги ему не вернули, он все их дома разрушил. Пришли веслянцы со страды, а дома разрушены, все развалены. Собрались веслянцы, посоветались и решили убить Василия. Излучиной убийства – «Виём кётшас» называют место, где они это сделали – там от излучины была дорога, ведущая в гору. Туда к дороге пришли веслянцы, все с копьями. Богатырь Василий стал подниматься по этой горе, по этой дороге. А место было лесистое, мелкий ельник. Набросились веслянцы со своими копьями и закололи его, свалив с коня. Человек двенадцать напали. Сбросили с коня и убили там Василия. Большой камень там ещё есть у дороги, на нём и разрубили его всего на куски. Потом соседи спохватились: «Ох ты, наш Василий уехал и не приехал. Жив он или нет?» Только это сказали, конь его и прискакал сам. Вымь переплыл. Соседи и пошли, человека четыре. А дорогу знают, где он ездит. Пошли, забрались на гору и нашли – разрублен весь. Вот они потом труп его зарыли, похоронили. А его хозяйство всё осталось» [9].*

Опять же очевидно, что перед нами два варианта одного и того же предания с целым рядом совпадающих деталей и с общей топонимической привязкой. Но куда девался образ князя?

Здесь мы, прежде всего, вспоминаем, что приведённые выше устные предания об убийстве князя Василия зафиксированы в 1981 г., т. е. уже после публикации текста ВВЛ (1958 г.). И, вероятно, совсем не случайно в последнем тексте предания о князе просвечивает «летописная стилистика» (перед нами не просто предание, а своего рода «погодная запись за 1642 г.» – дата, возможно, каким-то образом связана с историей таможни в с. Турья). Кроме того, в эти самые годы именно на этом участке Выми велись активные археологические работы, и если не сам сюжет из ВВЛ, то образ князя Василия Вымского мог быть занесён в устную традицию и археологами.

Чтобы быть беспристрастным, сделаем вновь один шаг назад, переместимся к началу XX в. и ещё раз утвердительно скажем, что **ни в середине прошлого века, но и в его начале устная традиция не знала о вымском князе Василии.**

Этот факт подтверждается и разысканиями известного исследователя (этнографа, археолога, фольклориста и лингвиста) Алексея Семёновича Сидорова, которому принадлежит и честь открытия Пожегского городища в 1920-е гг. В своих археологических разысканиях А. С. Сидоров всегда опирался и на полученные от местных жителей сведения; в данном случае – он к тому же несколько лет (1913–1915 гг.) до этого работал сельским учите-

лем в д. Кони и не мог не знать местного фольклора. Итоги его археологических разведок на Выми были опубликованы в статье «Памятники древности в пределах Коми края» [10]. Вот что пишет А. С. Сидоров о Пожегском городище (он назвал его Турьинским по близости к этому селу) в 1924 г.: «С одним из ручьёв, впадающих в р. Вымь в трёх километрах выше данного городища, *Vases vийõм шор'ом*, связано предание о богатыре Василии: Василий хотел здесь устроить город (в современном смысле), и он исполнил бы, конечно, своё намерение, если бы его не убили Веслянцы (он был захвачен ими хитростью)» [11].

Очевидно, А. С. Сидоров здесь пересказывает сюжет, близкий к варианту, записанному в 1946 г.; во всяком случае, никаких других версий, как-то связывающих это предание с вымскими князьями, он не приводит, хотя там же упоминает о существовании преданий о князьях, живших когда-то в Турье. Более того, отталкиваясь от известной ему погодной записи Архангелогородской летописи за 1465 г. о походе Василия Скрябы в Югорскую землю, в котором участвовал князь *Василей Вымский Ермолаевич*, А. С. Сидоров первым выдвигает предположение о возможной связи названия *Vases vийõм шор* и, соответственно, предания о богатыре, с именем князя Василия Вымского [12] (то есть первым вводит в интеллектуальный оборот эту версию). В последующей, неопубликованной работе 1937 г. «Археологические памятники Вымского района Коми АССР» [13] А. С. Сидоров ссылается на те же источники и повторяет это же предание, добавляя к нему мысль о русском происхождении вымских князей: убийство чужеродного богатого русского князя более соответствует сюжету. Более того, основываясь на полученных им археологических данных, А. С. Сидоров связывает само Пожегское городище со временем деятельности вымских князей. Так, он предполагает, что остатки хорошо оборудованного жилища (наличие остатков болгарского замка) в центре городища могут быть связаны с княжеской резиденцией – т. е. в точности предсказывает появление записи ВВЛ за 1480 г.: «Почал князь Василей Вымской город на Выме на Турею строити...» (Отметим ещё раз, что в 1927 г. П. Г. Доронин уже сделал копию ВВЛ, и, наверняка, он был знаком и с самим А. С. Сидоровым, и с его работами, но по каким-то причинам ещё 30 лет молчал об этой рукописи).

Итак, перед нами возникает следующая хронологическая последовательность: в 1480 г. происходит убийство князя Василия, которое зафиксировала ВВЛ; устная традиция по каким-то причинам создаёт и транслирует предание о местном богатыре *Ён Вас'е*, но к 1981 г. возвращается к исходному образу князя Василия. Такой «двойной бриколаж» устной традиции уникален, но, видимо, вполне возможен, учитывая активное внедрение в повествовательную традицию исторических сведений. Но он не даёт ответа на самый первый вопрос: где этот «город на Выме на Турею»? Ведь совершенно очевидно, что ВВЛ не должна говорить о Пожегском городище, к которому чётко привязаны народные предания. А если это не тот город, то и место убийства *Васьõс вийõм шор*, явно привязанное к Пожегскому городищу, так же не имеет отношения к убийству князя Василия. Чтобы как-то увязать фольклорную и летописную версии события, нам необходимо внести коррективы в **Реальность 1**. Итак, что мы имеем:

В **Реальности 1** (место события нам неизвестно) происходит убийство князя Василия, которое спустя 100 лет фиксируется ВВЛ. Устная традиция сохраняет память об этом убийстве, но в соответствии с повествовательными канонами заменяет образ князя на более привычный образ местного героя-богатыря Василия; далее это предание приобретает топонимическую привязку (место строительства города в *Кар яге* и место убийства у ручья *Васьõс вийõм шор*), создав новую **Реальность 2**, имитирующую **Реальность 1**. Далее, спустя 500 лет, в 1980-х гг. в устную традицию из ВВЛ возвращается исходный образ князя Василия, а в историческом дискурсе место **Реальности 1** прочно занимает его имитация.

Как только мы принимаем такую последовательность развития устной традиции, вынуждены задаться вопросом: если реальное место убийства неизвестно, то какой хронотоп воссоздают топонимические предания? Ответ напрашивается сам собой: устная традиция буквально воспроизводит запись ВВЛ: «город на Турею» чётко соотносится с реально существовавшим местом городища в *Каряг*; а далее спонтанно возникает и место убийства. Образуется временная петля, не поддающаяся рациональному объяснению: устные предания не могли возникнуть без записи ВВЛ, а запись летописи подтверждается только устной традицией.

Этот парадокс можно снять, если только выдвинуть в качестве «истинной» **Реальности 3** обратную последовательность: в местечке *Васьёс вийём шор* происходит убийство местного жителя *Ён Вас'я*, в устной традиции возникает топонимическое предание об этом событии; случайно оказавшееся рядом место городища втягивается в сюжетную канву, etc. Какой-то вариант устного предания попадает в двуязычную прицерковную среду, образ *Ён Вас'я* идентифицируется с образом Василия Вымского; далее уже сюжет об убийстве князя Василия обретает новую датировку и попадает в ВВЛ. Спустя 400 лет «квазиистория» летописи воспринимается устной традицией, и возникает та самая **Реальность 1** с ретроспекцией на событие 1480 г. Именно **Реальность 4** воссоздаётся на основе народных преданий, она транслируется современной фольклорной традицией, но в ней уже нет даже отголосков о богатыре *Ён Вас'е*.

В такой версии развития сюжета об убийстве остаётся одна «случайность» – это совпадение имён двух героев. Несомненно, имя Василий на Руси занимало второе место по популярности (после имени Иван; даже в нашем тексте четыре *Василия*) вплоть до XIX в.; в истории православия известно более 30 святых покровителей имени Василий, что отражено и в святцах. С большой натяжкой этот тезис можно спроецировать и на вымских коми, 100 лет назад принявших православие, и объявить совпадение имен *Ён Вас'я* и князя Василия случайным, но вполне возможным. Однако, уже зная по опыту чреватость подобных допущений, стоит ещё раз вернуться к истокам и внимательно проанализировать топонимическую основу сюжета.

Топоним *Васьёс вийём шор* 'ручей убийства Василия'

PRO. Связь топонима с местом смерти человека – явление весьма распространённое, мотив гибели конкретных людей характерен и для «ситуативных», т. е. отражающих связанное с географическим объектом событие, топонимов, и для широкого спектра топонимических текстов. Коми топонимия здесь не является исключением. Близкие к анализируемому *Васьёс вийём шор* и по структуре, и по семантике названия зафиксированы, например, в микропонимии Прилузья: ойконим *Малань вийём дзиб* – букв. 'гора, на которой убили Малания/Маланью'; гидроним *Вийсьём шор* – букв. 'ручей, где произошло убийство' [14]. Для сложносоставных коми топонимов глагольные (причастные) конструкции такого типа – явление абсолютно исконное и распространённое [15]. Кроме того, топоним чётко привязан к городищу и явно имеет нарративное происхождение, т. е. представляет собой «свёрнутый» в топоним микросюжет, неотделимый от стоящего за ним события.

CONTRA. *Васьёс вийём* фигурирует в вариантах *Виём кётшас*, *Васьёс виём*, *Васьёс вием шор*, *Васьё вийём шор*, и окказиональное *Васим вием шор* – т. е. при чёткой привязанности убийства к ручью сам апеллатив *шор* здесь явно вторичен. Учитывая то, что общим элементом для всех вариантов является слово *вийём/виём/вием*, логично предположить, что первичным здесь был гидроформант *виям* 'проток по низине, образуемый в половодье, полон' (в летнее время обычно остаётся небольшой ручеек; *виям* < *виявны* 'течь тонкой струйкой, капать'), в результате деэтимологизации ставший частью собственно названия. Это соотносится и с топографией местности, и «вписывается» в общий гидрокон-

текст (чуть выше *Васес вийём шор* в Вымь впадает ручей *Ыджыд ёль* – букв. 'Большая лесная речка'; ниже – безымянный ручей *Шор* и ручей *Каршор*). Апеллятив *виям* встречается по всей Вычегде, включая бассейны Сысолы и Выми, весьма распространён в микротопонимике Усть-Вымского района в силу сложности гидрорельефа Вычегды на этом участке. Апеллятив *виям* обычно входит в структуру состава сложносоставных топонимов в качестве коннотатора, поэтому есть смысл продолжить реконструкцию гидронима '*проток Васес/Васьёс*'.

На сегодняшний день микротопонимика республики исследована очень слабо, поэтому наши выводы могут показаться недостаточно аргументированными. Тем не менее, нам удалось обнаружить несколько параллелей.

Прежде всего, отметим гидроним *Васем*, связанный с глубоким местом на Вычегде ниже устья Выми между д. Тьдор и с. Айкино. По местному преданию, записанному в 1978 г., *Васем* соединялся с болотом *Кутшпозъя* и составлял старое русло Вычегды: «*Важен вёлы сийёс шуоны насколько ва берегыс вежсема, ва перекаат. Перекаатыс вёлы мян вот та-тысянь кык километра, вот вёлы, öнi кöны Кутшпозъяыс, сiя вёлы старöй ваыс, Эжва. И сiя Старöй Эжвасö шуоны: бөр воас кор сэтчö перекаат, сэк лоö вöлись кутшöмкö важся олöм, и важся притчаыс мян не тöдны, мый вöлöма назначениеыс? И вот Кутшпозъяыс вöлöма важся берегыс. И вот ты улад, шуоны тай Васем – но, сiя Васемеыс тоже Важ Эжва, зэв джуджыд, безмернöй. Высота оз тöдны, край, некоторöй берегыс даскöкъямыс метров, мерайтлывлöмась, сiйö тöдöны. А сэсся оз тöдны глубина. Джуджыд и сьöд ва. А Кутшпозъяыд вöлöма важ Эжва*» [16] (Раньше называли, вот насколько уже берег реки изменился, был перекаат. Перекаат был от нас в двух километрах, был он там, где теперь <болото> Кутшпозъя, это была старая река, Вычегда. И про эту старую Вычегду говорят: когда обратно на этом месте появится перекаат, только тогда жизнь прежняя вернётся, но старые притчи нам не знать, что она означала. И вот тогда *Кутшпозъя* была старым берегом реки. И вот ниже озера, называют место *Васем* – вот этот *Васем* тоже старая Вычегда, очень глубокая (старица), безмерная. Глубину не знают, в некоторых местах у берега восемнадцать метров, измеряли когда-то, знают. А дальше не знают о глубине. Глубокая и тёмная вода. А *Кутшпозъя* <болото> было старой Вычегдой). Идентифицировать это место на карте нам пока не удалось; вероятно, речь идёт о небольшом заливе на правом берегу реки, соединяющем озеро с рекой.

Далее на Верхней Вычегде мы обнаружили близкие к искомому *васес* топонимы *Васевойт* (урочище близ с. Аныб) и *Васёвгöплек* (урочище, с. Деревянск) [17]. Как нам удалось выяснить, ороним *Васевойт* связан с местом на берегу реки ниже села Аныб, а также с обозначением рыбной тони – небольшого залива на реке Вычегде; по убеждению местных жителей, никак не связан с именем *Василий*, хотя они и затрудняются объяснить происхождение данного названия. Вероятно, этот ороним так же состоит из двух гидронимических апеллятивов *васе(в)* (вариант приведённого выше гидронима *васем*) и *войт* 'сырое, глухое место в пойме реки, поросшее кустами черёмухи и смородины', но в данном конкретном случае формант связан не с поймой реки, а с низиной у крутого берега, поросшей кустарником. Этот залив связан с цепью руслообразных озёр, вероятно, некогда представлявших старицу реки Вычегды. Таким образом, формант *васе/васев* можно соединить со значением 'залив, связанный с озёрами старичного происхождения'. Соответственно, другой верхневычегодский гидроним *Васёвгöплек* так же состоит из двух гидроформантов: *Васёв* и *гöплек* < *гоблек* 'омут, глубокая яма на дне реки или озера' [18]. К сожалению, в современной традиции так же пока не удалось восстановить его точное местонахождение.

Таким образом, слово *Vases* в названии *Vases вийём шор* – явно восходит к апеллятиву с формантом *ва* ‘вода, река’. Лексемы *васем*, *васе(в)*, *васёв* и *васес* сложно подвести к одной форме, поэтому этимологических версий может быть несколько:

а) *ва* + *сён* ‘ложбина, лощина’ (< общепермское ‘залив в долине реки’, ‘протока’); здесь же вариант *сёнмас* ‘ложбина в долине реки, заливаемая в половодье водой’. Этимологически с коми *сён* может быть связан удмуртский гидроним *сюм* ‘маленькое продолговатое озеро около реки’ [19], ‘залив’, ‘затон’ [20], более близкий по форме к *Vасем*. Кроме того, и водоём *Vасем*, и оронимы *Vасевойт* и *Vасёвгöплек* связаны с небольшими, но глубокими местами, близкими к понятию ‘залив’; здесь же вариант *Vасес вием кётшас* (< излучина на реке, залив, куда впадает *Vасес вием шор*), встречающийся в одном из вышеприведённых преданий;

б) *ва* + *сю* ‘рот, полость, горло’ (лексема, ныне утратившая самостоятельность; см.: [21] > ‘устье, горловина (водоёма)’;

в) *васин* < *ва* + *син* ‘ключ, источник’, ‘окно на болоте, трясине’;

г) *ваасем/ваасе* ‘заполненный/заполняемый водой’ > *васем/васе*; etc. Как бы то ни было, гидроформантное происхождение слова *васем* не подлежит сомнению, а антропонимическое осмысление этого реликта – результат вторичного народно-этимологического осмысления.

Итак, перед нами возникает ещё одна **Реальность**, которая будет выглядеть следующим образом:

1. Гидроним *Vасес виям* ‘проток из водоёма-*васес*’ (возможно, исходная форма была другой – *Vасем виям/Vасёв виям*) под воздействием вошедшего в местный ономастикон имени *Вась* ‘Василий’ деэтимологизируется в гидроним *Vасес вийём шор* ‘ручей, где убили Васю/Василия’.

2. Под воздействием оказавшихся поблизости антропогенных микролокусов (площадка бывшего городища-*Кара*, бор *Каряг*, ручей *Кар шор*) возникает сюжет об убийстве строителя города Василия, связывающий два соседних локуса – место городища и место убийства.

3. Далее, уже по устойчивому сценарию, один из вариантов этого топонимического сюжета попадает в прицерковную среду и идентифицируется с именем князя Василия Вымского.

4. Сюжет об убийстве князя Василия фиксируется в ВВЛ.

5. Сюжет об убийстве князя Василия из ВВЛ во второй половине XX в. «возвращается» в устную традицию и сливается с преданиями о богатыре *Ён Вася*, замещая главного персонажа на князя Василия.

6. Предания об убийстве князя Василия внедряются в научный дискурс.

Здесь стоит отметить, что встречающиеся во многих исторических исследованиях тезисы о том, что убийство князя было вызвано «боязнью последующего усиления феодального гнёта» или «боязнью за свои угодья» – это почти дословные цитаты из народных преданий, приведённых выше.

Вывод: в исторической действительности никакого строительства «города на Турею» не было, и вымичане не убивали князя Василия Вымского, как не убивали и богатыря *Ён Вася*. Сюжет об этом историческом событии имеет чисто фольклорные корни и возник в результате народно-поэтического осмысления случайно оказавшихся рядом топонимов.

P.S. На этом наше детективное расследование можно завершить, однако, поставив точку в уголовном деле, мы вынуждены вернуться к собственно фольклористическому анализу.

Дело в том, что в сюжете об убийстве есть мотивы, которые сложно «вписать» в традиционный для коми преданий поэтический набор. Если мотив коллективного убийства героя местными жителями вполне характерен для подобных сюжетов и может иметь общий архетип «смены поколений» (с коллективным убийством связана гибель едва ли не большинства героев коми преданий), то сам способ убийства (жестокое расчленение тела на камне, отрезание половых органов) – абсолютно чуждый не только для коми, но и для других финно-угорских и русской повествовательных традиций (конечно, при желании можно высмотреть здесь космогонический архетип «расчленения Первотела» и дать волю буйной фантазии). Уникальность мотива «расчленения тела» может быть объяснена или как отражение действительного, не придуманного события (от этой версии мы уже отказались), или как отражение каких-то скрытых от нас истоков именно такого «жестокого» сюжета. Поэтому есть необходимость ещё раз вернуться назад, к исходной точке.

При более глубоком проникновении в культурный контекст к мотиву «расчленения тела на камне» устных преданий можно подобрать несколько топографических «закрепок»: это и камень на месте убийства, о котором говорится в одном из преданий (№ 3); это и множество камней на самом городище, оставшиеся от укреплений; кроме того, в общий топонимический дискурс мог быть вовлечён и ойконим *Изкар* (букв. 'каменный город') – урочище на другой стороне Выми, которое, по предположению А. С. Сидорова, тоже может быть связано с найденным археологическим памятником. Этот ассоциативный набор не может перебить другого неотвязного ощущения, возникающего при сравнении летописного и фольклорного текстов. Это ощущение того, что носители устной традиции просто взяли и сделали буквальный перевод древнерусского текста ВВЛ на русский – а далее – на коми язык: фраза *посекли насмерть* в значении 'убили' вызвала ассоциации с *рассеканием* на мелкие части (например, коми *сечка* < рус. сечка 'инструмент для сечки, резки капусты для закваски' и др.), а также с набором «камнесечных» образов (*сечь* 'высекать кремнём огонь', 'высекать скульптуру, обрабатывать камень'). Более того, в этом же лингвосемантическом ключе можно говорить и о фразе *почал городок строить*, которая трансформировалась в мотив «одиного (> богатырского) строительства». Далее, при сопоставлении с другими «городищенскими» сюжетами, распространёнными в повествовательном фольклоре коми, нетрудно заметить, что не только мотив жестокого убийства Василия, но и мотив строительства города – а если быть точнее – мотив недостроенного города, выросший на основе топонима *кар* 'город', столь же уникален для исторических преданий. Традиционно такие локусы включены в состав сюжетов об исчезнувшей чуди – соответственно, в местной истории фиксируется момент гибели таких городков-*каров*. Пожеское городище находится в окружении «чудских» мест: в двух километрах ниже Жигановский могильник и поселение, рядом с *Васес вием шор* – Ыджыдъельский могильник. Оба этих места в устной традиции устойчиво связаны с представлениями о местопребывании чуди, тем не менее, сюжет предания о Василии никак с ними не связан.

Таким образом, перед нами возникает очередной соблазн ввести в последнюю **Реальность 5** логически требуемую «временную петлю»: запись ВВЛ каким-то образом всё-таки проникла в устную традицию и внесла «коррективы» в сюжет предания, в исходном варианте которого не было «деталей», связанных с мотивами строительства города в одиночку и жестокого убийства с расчленением. При этом устная традиция почему-то пренебрегла «княжеской» версией и приняла её только спустя 400 лет.

Литература и источники:

1. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Выпуск 4. С. 257-271.
2. Там же. С. 262.
3. Анализ целого ряда уникальных сведений летописи, начиная с титула «от роду Вереиских», см.: Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218-231; Вершинин Е. В. Статус князей Вымских и Великопермских как правителей (административный аспект присоединения Северного Приуралья к Русскому государству) // Культурное наследие Азиатской России: Мат-лы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 122-124; Мухин В. В. Ещё раз о пермских князьях // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 104-106; Вершинин Е. В. И ещё раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 285-305; Корчагин П. А. Из ранней истории Перми Великой: князья Пермские и Вымские // Филолог / Интернет-журнал Пермского государственного педагогического университета. Пермь, 2011. Выпуски №№ 13, 14. URL: <http://philolog.pspu.ru/module/magazine>. (Дата обращения 7.06.2012)
4. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 246.
5. Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись... С. 231.
6. Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ: А0696-8 (далее – ФФ ИЯЛИ). Записан Ю. Г. Рочевым в 1981 г. от М. А. Жилиной 1931 г. р. в с. Турья Княжпогостского р-на РК. Отредактированный текст на коми языке опубликован в: Коми легенды и предания / Вступ. ст., сост., примеч. и перевод Ю. Г. Рочева. Сыктывкар, 1984. С. 35-36, № 23.
7. ФФ ИЯЛИ: А0697-10. Записан Ю. Г. Рочевым в 1981 г. в с. Турья Княжпогостского р-на РК. Данные об исполнителе не зафиксированы.
8. Савельева Э. А., Кленов М. В. Пожегское городище / Серия препринтов «Научные доклады». Коми научный центр УрО РАН. – 1992. – Вып. 278. – 34 с.
9. Записан Г. А. Фёдоровым в 1946 г. от В. А. Кучменева (68 лет) в с. Турья. На коми языке опубликован: Коми легенды и предания. С.51-52, № 36.
10. Сидоров А. С. Памятники древности в пределах Коми края // Коми му – Усть-Сысольск, 1924. № 7-10. С. 58-60.
11. Сидоров А. С. Памятники древности в пределах Коми края. № 8. С. 59, прим. 20.
12. Там же. С. 59.
13. Сидоров А. С. Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.). 1937 (машинопись) // Архив ИИМК РАН Фонд № 35, оп. 2, № ед. хр. 9. Л. 53.
14. Мусанов А. Г. Географические названия Лузско-Летского бассейна Республики Коми. Сыктывкар, 2006. С. 72.
15. Мусанов А. Г., Понарядов В. В. Причастия в коми топонимах (на материале топонимии верхнего Прилузья) // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Материалы международной научной конференции (17–19 мая 2000 года). Сыктывкар, 2000. С. 482-484.
16. ФФ ИЯЛИ: К382. Записан в 1978 г. Н. Д. Бараксановой в д. Тыдор Усть-Вымского района РК от А. Е. Коняевой.
17. Сорвачёва В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966. Вып. 10. С. 236.
18. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачёва. Сыктывкар, 1961. С. 81.
19. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 252.
20. Удмуртско-русский словарь: ок. 35000 слов / Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык. С. 406.
21. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 273.

Арт-факт

Людмила
КОЧЕРГАН

Людмила Ивановна Кочерган – выпускница исторического факультета СГУ им. Питирима Сорокина (1986). Более 30 лет работает в музейной сфере, с 2006 года – заместитель директора Национальной галереи Республики Коми. Куратор от НГРК ряда выставочных проектов центральных и федеральных музеев, фондовых и персональных выставок. Автор монографии «Жизнь на сломе эпох: коми архитектор А. В. Холопов» (2012), альбома-буклета «Василий Игнатов. Стиль и этно» (2020).

Живописные этюды В. Г. Игнатова

К вопросу формирования индивидуального стиля художника

Одним из интереснейших феноменов в изобразительном искусстве Республики Коми является творчество Василия Георгиевича Игнатова. В основе феномена – талант и труд, связавшие в единое целое его уникальную индивидуальную манеру письма с главной темой творчества – этническим своеобразием материальной и духовной культуры народа коми, особенно её древних пластов. Разработка темы и стиля в творчестве художника тесно взаимосвязаны, вместе с тем последнее поступление произведений В. Г. Игнатова в Национальную галерею Республики Коми позволяет по-новому взглянуть на стилевые поиски художника.

Речь идёт о коллекции произведений, переданной летом 2022 года дочерью художника Н. В. Пинаковой. Её значительную часть составляют этюды, большей частью – натурные, написанные маслом пейзажи, о которых нет упоминаний ни в одном из исследований, посвящённых художнику. Да и зрителям они практически незнакомы: только единицы из них упоминаются в каталогах ранних выставок. Между тем художник писал пейзажи с натуры на протяжении всей жизни. Именно они способны сдвинуть нас с устоявшейся точки зрения на творчество В. Г. Игнатова.

Самый ранний из этюдов «Зима. Сыктывкар» датирован 1948 годом. Предположительно, это начало года – в это время В. Г. Игнатов находился в Сыктывкаре. В 1947 году, после окончания Московского областного художественного училища памяти 1905 года, он вернулся на родину, был назначен директором Коми республиканского художественного музея, открывал его первую экспозицию – выставку художников Коми АССР, но, проработав несколько месяцев, уехал, вновь поступив учиться.

Можно также предположить, что местом написания был Кировский парк с видом на улицу Кирова: в зимние месяцы именно на той стороне садится солнце, а угол здания похож на один из деревянных павильонов, которые в те времена находились в парке. Работа очень живописна, к её достоинствам можно отнести вырисовывающуюся глубину пространства, наполненность его лучами заходящего солнца, с отблёскиваю-

щими на снегу голубыми тенями. Работа «дышит воздухом и светом» – этому мастерству учил преподававший в училище В. Н. Бакшеев, сочетавший в своём творчестве традиции русского реалистического пейзажа и импрессионизма. По воспоминаниям Н. П. Игнатовой, супруги художника, Игнатов был одним из его любимых учеников. Распознав в нём талант видеть и чувствовать самые разные градации цвета под воздействием света и тени, В. Н. Бакшеев настоял на выдаче ему рекомендации для поступления в вуз.

Сходные ощущения восприятия природы и передачи чувств на холсте вызывает этюд «Деревня Лисинцево» 1955 года. Лисинцево посвящена далеко не одна работа в переданной коллекции, это родина супруги Василия Георгиевича – Нины Петровны (в девичестве Хомутовой, в 1995 году они отметили золотой юбилей). В годы Великой Отечественной войны недалеко от деревни дислоцировался Первый прожекторный полк, в котором служил В. Г. Игнатов, здесь он и познакомился со своей будущей женой. Родители Нины Петровны жили в Лисинцево и после войны (в настоящее время – Ново-Фоминский район Московской области). Игнатовы всей семьёй часто посещали эти места, художник по возможности использовал свободное время для этюдов.

Этюд 1955 года наполнен неброским обаянием подмосковной природы. Зритель, вслед за художником, словно поднимает взгляд от расстилающейся перед ним заросшей дороги, останавливает его на одиноких деревьях, упирается им в покосившийся дом и устремляет его вдаль, выхватывая полоску леса и растворяясь дальше в высоком бездонном небе. Вечернее солнце романтично освещает белые облака, скользит по траве, «перепрыгивая» через длинные тени. Ощущение наполненного светом воздуха может даже вызвать желание вдохнуть. Для передачи такого впечатления художник использует сложную палитру: присматриваясь, можно увидеть смешение цветов в каждом мазке, подобранные индивидуально, они и создают подобный эффект.

Умение передать состояние природы и тонкую лирику вызванных им чувств можно увидеть в работах художника, выполненных в Крюково в 1958–1960 годы. Это ещё одно место в Подмосковье, которое встречается в его этюдах.

В. Г. Игнатов родился в многодетной семье в селе Зеленец Усть-Сысольского уезда: он являлся старшим и единственным сыном, у него было шесть сестёр, на протяжении всей жизни помогал отцу с матерью и сёстрам. В 1950-е годы родители В. Г. Игнатова переехали в Московскую область, в деревню Крюково, построили дом, в котором художник стал часто бывать. Крюково в те годы представляло собой посёлок, включавший железнодорожную станцию (по железной дороге, соединяющей Москву и Санкт-Петербург) и несколько деревень, в настоящее время этот район входит в черту Москвы, в Зеленоградский административный округ.

Интересны три этюда с изображением зимы: возможно, именно эти виды побуждали автора взять в руки кисть, отсылающие к его родному северу и Республике Коми. Хотя не всегда с первого взгляда видно то, что «зацепило» художника. Этюд «Крюково» 1958 года – самый зимний, с шапками снега на крышах, а по погоде – оттепель, с сырым влажным воздухом, спустившимся к земле серым небом, слегка осевшим снегом. Мягкая и спокойная цветовая гамма оживает благодаря буквально нескольким ярко-тёплым пятнам и мазкам.

Этюды 1960 года представляют время встречи и прощания с зимой – «Подмосковье. Крюково» и «Уголок. Март». Картина первого выпавшего в Крюково снега, у которого ещё нет сил спрятать осенний наряд деревьев и который вскоре растает, а вся его задача сводится к тому, чтобы наполнить воздух тишиной – знаком, предвещающим природе долгий зимний сон. И небольшой выхваченный фрагмент с видом на дом, в котором мартовские солнечные лучи заряжают теплом и светом всё вокруг: сами постройки, тянущийся вверх ствол дерева, небо, кажущееся бездонным, отражающееся голубизной на снегу.

Ещё две работы 1970 года – «Городская улочка» и «Солнечный день» – можно отнести к этой же линии передачи свежести чувств. Этюды показывают, что с годами свежесть мировосприятия не только не притупилась, но и приобрела более сочное звучание. Насыщенность пейзажей светом и воздухом здесь дополнена праздником цвета – ощущением, что колорит, впитав солнечный свет и тепло, стал «живым», способным передать эмоциональный настрой зрителю. Красочный слой в этюдах неплотный, виден проглядывающий сквозь краску холст. Мазок – местами пастозный, уверенный и ритмичный, а местами создаётся ощущение, что кисть только слегка прикоснулась к холсту.

Ритм мазков в сочетании с передачей световоздушной среды хорошо виден в этюде «Коми село» 1972 года. Можно предположить, что работа написана в местечке Тентюково, где художник останавливался чаще всего у родной сестры, приезжая в Сыктывкар. Расположено оно на высоком берегу реки, там открывается красивейшая панорама лесных далей с извилистой Сысолой, впадающей в Вычегду как раз у этих мест. В настоящее время Тентюково входит в черту города, и деревянных строений там практически не сохранилось. Представить, как выглядели эти места в советские годы, можно не только по произведениям В. Г. Игнатова, но и других коми художников.

Этюд привлекает внимание характером наложения мазка: он ровен и спокоен в изображении водной глади реки, голубых далей и освещённой заходящим солнцем стены дома, смешан и переменчив там, где взгляд выхватывает удалённую конфигурацию облаков или лесных массивов, уверен и точен в лепке первого плана, прежде всего, холмистой, неровной местности, поросшей травой, с расположенным на отшибе домиком и корпусом стоящей неподалёку или проезжающей машины.

Все рассмотренные этюды восходят к классической русской школе пейзажа, с присущей ей лирикой повествования, чувством внутренней наполненности красотой и любви к миру. Авторская экспрессия не переступает каноны реализма, бережно сохраняя и передавая в изображении, прежде всего, свежесть восприятия.

В традициях русского реализма выполнены и натурные портретные зарисовки В. Г. Игнатова. В творчестве художника живописных портретов немного: самые известные – это изображения В. В. Полякова (1948) и Р. Н. Ермолина (1981). Среди переданных произведений есть несколько этюдов с изображением людей, которые выполнены во второй половине 1950-х годов в Доме творчества художников в Майори (Юрмала). Этюды отличаются верностью натуре, невозможной без способности художника увидеть человека таким, какой он есть, с отражением внутренних характеристик во внешнем облике. На одном из портретов изображён Дмитрий Степанович Залидеев (1880–1965) – матрос-артиллерист (комендор) крейсера «Варяг», самого известного корабля Русско-японской войны, в самом её начале принявшего бой и затопленного в бухте Чемульпо.

Между тем становление В. Г. Игнатова как художника было связано с его выходом за границы реалистической школы письма. Выбирая тему будущего произведения и размышляя о том, как её воплотить (в его записях это воспроизводится фразой: сначала – что, потом – как), он очень органично чувствовал необходимость единства содержания и стиля. Взяв за основу предмета изображения уникальное своеобразие и самобытную культуру коми народа, художник начал работать с формой и цветом.

Одной из особенностей игнатовского стиля является утолщённая цветочиния. Автор использует её и как контур изображённого предмета, и как решение цветового пятна, у которого появляется свой внутренний рисунок. Искусствовед В. В. Кублицкий, характеризуя творчество В. Г. Игнатова, сравнил такую манеру письма с текстурой дерева: если поперечный срез ствола дерева взять за основу цветового пятна, то акцентами в нём станут его годовые

кольца. В записях самого художника встречается слово «иней», которым он оперирует в поисках стиля, отсылая к ажурности рисунка, созданного морозом и находящимся в воздухе водяным паром.

Если обратиться к истории развития изобразительного искусства, то приём смешения линии и цвета появился на рубеже XIX–XX веков, когда начались эксперименты с формой – от её размытости у импрессионистов до утрированности у постимпрессионистов и экспрессионистов. Упрощая и уплощая форму, художники – экспрессионисты и постимпрессионисты – вкладывали в неё больший философский смысл, стремясь постичь суть материальных предметов и происходящих явлений через рефлексию собственных ощущений. Пристальное внимание В. Г. Игнатова вызывало творчество Винсента Ван Гога, об этом свидетельствуют его дневниковые записи и рабочие заметки, связанные с размышлениями над высказываниями французского художника.

Индивидуальная, легко узнаваемая сегодня авторская манера письма В. Г. Игнатова складывается на рубеже 1960-х – 1970-х годов. Целостно она зазвучала в серии «Яг-Морт» 1969 года, хотя проба состоялась двумя годами раньше, когда на XVI выставке произведений художников Коми АССР, посвящённой 50-летию Октября, В. Г. Игнатов представил три живописные работы, воспевающие подвиг Домны Каликовой. В переданной коллекции есть ещё более ранняя работа, в которой появляется этот приём, – «Автопортрет» 1964 года. Автопортрет поражает сочетанием уверенной лепки лица с помощью отдельных мазков и линейного решения цветowych пятен оставшегося изображения, вкуче создающими достаточно цельный образ.

Не умаляя значения решения В. Г. Игнатова о необходимости соответствия предмета изображения и авторской манеры письма, отметим, что стилевые поиски художника начались практически сразу после окончания вуза.

Первые два года В. Г. Игнатов работал на студии «Союзмультфильм», оформлял детские книги, преимущественно сказки, и мало чем выделялся среди начинающих художников, может, только увлекательной манерой подачи иллюстративного материала в сочетании с хорошей академической школой. В такой манере решены и его дипломная работа – сказка народа коми «Яг-Морт» (Лесной человек), и диафильм по коми сказке «Девочка с веретёнцем» 1958 года. Национальный колорит в них отчасти решён только в костюмах героев: художник, бывая на родине, скрупулёзно изучал материальную культуру коми, часто бывал в Республиканском краеведческом музее Коми АССР.

В эти же годы начинаются поиски художником собственного стиля в пейзажных натуральных этюдах, которые он создавал, не будучи ограничен рамками профессиональных обязанностей. На наш взгляд, они были связаны, прежде всего, с собственным мировоззрением художника и отражали его внутреннюю чувственную рефлексию на окружающий мир.

В 1956 и 1958 годах В. Г. Игнатов побывал на Кавказе, откуда вернулся с папкой натуральных пейзажных зарисовок, выполненных акварелью. К акварели в эти годы художник обращался часто, ею он работал в мультипликации, кроме того, она наиболее непритязательна в дороге и удобна для путевых зарисовок. Ряд этих работ представляет виды, пропущенные сквозь авторское восприятие так, что реальный зрительный образ дополняется воображаемыми контурами форм. Примером такой работы может служить этюд «Горы на Кавказе». Её рассмотрение с близкого расстояния сводит созданный художественный образ к отдельным пятнам, мазкам, замкнутым очертаниям, а взгляд, брошенный в перспективу, открывает глубину пространства, локальные цвета при этом смягчают свои контурные контрасты, гармонизируя выбранный цветовой ряд.

В ещё большей степени авторская рефлексия восприятия выражена в этюде «Без назва-

ния» 1958 года. Отражение ясного летнего дня воплотилось в залитых солнечным светом контурах стволов деревьев. Их вертикальный чередующийся ритм выстроил пространство чащобы, в котором перемежаются самые различные цвета древесной коры: от привычного коричневого до сиреневого, бирюзового, всевозможных оттенков голубого. Зелёный в этом раскладе, символизируя листву, формирует глубину пространства. Уравновешивают вертикальный солнечный ритм жёлтые вкрапления, привязывая тянущиеся вверх деревья к земле, поросшей травой и цветами. За импровизированной полянкой рисунок становится ещё более условным, отодвигая пространство далее вглубь.

Приём уравновешивания вертикали как ритма деревьев в лесу и вкраплений (точек) как горизонтального ритма земли получил дальнейшее развитие в этнотворчестве художника: извилистые стволы деревьев в ряде работ становятся олицетворением безбрежной пармы, вместо цветочных точек появляются единичные рисунки, символизирующие цветы, дары леса, знаки языческой магии.

Ещё большая подборка этюдов сохранилась с поездок В. Г. Игнатова в Крым в 1976–1978-е годы. Следует отметить, что к акварельным этюдам художник относился как к рабочему материалу, не представляя их публике. В то же время он бережно хранил их все годы, что указывает на значимость этих работ для самого автора. Возможно, именно в них содержатся находки, которые стали ключевыми в творчестве художника.

По аналогии с вышеупомянутым этюдом «Без названия» можно привести крымский этюд «Тёмные деревья» 1976 года. В нём автор точно так же использует приём солнечных контуров деревьев. Однако складывается впечатление, что источник их освещённости не находится извне, и это не солнечный свет, пробивающийся сквозь листву. В такой постановке деревья приобретают собственное звучание, выраженное в цвете. Пространство при этом становится замкнутым, уводящим перспективу не вглубь изображённого, а куда-то за его пределы. Без глубины пространства горизонтальный линейный ритм не только уравновешивает вертикаль, но даже задаёт вектор произвольного движения взгляда.

Крымские этюды В. Г. Игнатова удивительны по степени достоверности передачи ощущений. Акварель «Дождь в Крыму» 1975 года – это квинтэссенция состояния дождя где-то на пересечении человеческой души и природы. По сути, работа решена в вертикально-диагональных ритмах: и если диагональ олицетворяет движение (души или ветра), то вертикаль подобна стекающим каплям, очищающим и проявляющим то, что казалось скрытым. Цветовая гамма неброская, тёплая, художник работает слегка расплывчатым пятном, без очерчивания резких контуров, но с использованием вертикального цветового штриха, подчёркивающего тонкую лирику чувств.

В крымских этюдах отразились и находки художника, связанные с передачей ощущений в ритмах произведения. Так, например, в работе «Деревья в Крыму» (1974) сочетаются горизонтальный (ветки деревьев) и наклонный ритм (стволы). Перед нами не что иное, как мгновение застывшего ветра, передающее всю полноту его силы и движения: от наклонённых стволов до выравнивающихся параллельно земле веток, с небольшим очерченным оазисом относительного покоя в глубине деревьев. Этот же ритм – небольшого наклона стволов деревьев, никак не связанный с бушующей стихией, в этюде «Крымские сосны» (1975) наделяет лес какой-то тайной, превращая его в пространство, где правят свои законы, отличные от человеческого социума.

В этюдах художник находит и решения соотношения ритмов и общей композиции, придающие изображению целостный и завершённый характер. Так, например, в этюде «Деревья в Крыму-2» (1974) композиционные акценты ставятся на трёх составляющих: невысоком дереве с аккуратной формой обильной кроны, раскидистых ветвях крупного дерева, которого не

видно целиком, и несколько углублённом фоне зелёного массива с проглядывающим сквозь него голубым небом. Используя, как и в предыдущих работах, приём цветового штриха, автор из его ритмов создаёт настоящую полифонию, в которой каждая часть композиции приобретает собственное звучание, формируя общее впечатление многомерного, гармоничного, самодостаточного пространства.

Не менее узнаваемым элементом игнатовского стиля является присущий ему колорит: и в части звучности цвета, и в отношении цветовых ключей, на основе которых строится отдельное произведение или серия. Самыми известными, пожалуй, стали работы, где доминируют синий и зелёный цвета. Колористические ключи художник также ищет в природе, названиями ряда крымских этюдов служат различные цвета, есть среди них и «Сине-зелёный колорит Крыма» (1976). Цвет художник, прежде всего, видит в природе, замечая самые разные его оттенки, в зависимости от степени освещённости или присутствия рядом других цветов. В то же время в цвет художник вкладывает и смысловое содержание. Возможно, выбор сине-зелёного колорита связан с соотношением синего неба и зелёной листвы, способных олицетворять через свет, солнце и растущую зелень саму жизнь на земле.

Можно предположить, что размышления художника о создании цветового ключа воплотились в этюде «Голубые горы Крыма» (1976). Работа поражает достоверностью передачи цветовых ощущений, внутренней экспрессией открывающегося вида и авторской созерцательностью – ощущением, подобным тому, когда «душа внемяет природе». Голубой цвет здесь стал именно ключом: уподобленный лазури неба, он оттеняет дали с полосой горных хребтов, спускается на землю, вкрапливаясь в лесные массивы, проблёскивает сквозь листву деревьев. Каждый голубой штрих важен в этом колорите: уберечь его – и цветовой строй нарушится.

Максимального звучания цветовая гамма В. Г. Игнатова достигает в 1980-е годы. К этому периоду относится и большое количество этюдов маслом, полученных галереей в рамках последней передачи. Работы показывают, что в эти годы художник не прекращает стилевых поисков, которые обогащаются новыми находками.

В работе «Подмосковье. Крыши» художник как бы примеряет к маслу то, что уже нашло выражение в его крымских этюдах акварелью. Прежде всего, здесь видна чёткая организация трёх ритмов, выраженных через направленность и экспрессивность мазка. Спокойная горизонтальная гладь неба сочетается с чередой повторяющихся мазков крыш, их упорядоченности противостоят импульсивно изображённая крона деревьев, выводящая пейзаж из умиротворения и делающая его живым. Художник использует ставшую для него привычной удлинённую, линейную форму мазка, но, в отличие от акварели, мазок маслом более фактурен, и это повышает его выразительность. Сочность приобретает и цветовая гамма: замес ей даёт жёлто-золотой, сконцентрированный в образе осеннего дерева и эхом отдающийся в пространстве.

В небольших набросках «Осенний лес» и «Осень. Этюд» 1982 года В. Г. Игнатов меняет характер мазка: он становится пастозным и приобретает форму пятна, а не линии. Предметом изображения для художника являются осенние деревья с их праздничным нарядом – настоящим буйством цвета. Рассмотрение этюдов вблизи расщепляет изображение до относительно самостоятельных форм-пятен, однако при взгляде, брошенном вдаль, как бы сквозь изображение, появляется пространственный объём с угадываемыми контурами предметного мира и звонким звучанием цветовой гаммы. Возможно, именно эта «звонкость» цвета, настраивающая на определённые эмоциональные состояния и отражающая «нерв души» природы, и есть то, что пытался передать художник в восприятии красоты открывшихся видов.

В этой же манере создана и серия чертановских этюдов. Самые первые из них датированы 1982 годом, когда семья В. Г. Игнатова впервые переехала в отдельную квартиру. До это-

го они жили в коммунальной квартире, где занимали одну комнату. Квартиру дали на юге Москвы, в новом районе Чертаново. Это один из «спальных» районов, активно застраивавшийся в эпоху панельного домостроения, посредством которого пытались решить проблему обеспечения квартирой каждой советской семьи. В те годы получение квартиры от государства было настоящим праздником, быстрорастущие дома-коробки вселяли уверенность в улучшение благосостояния большинства людей.

Чертановские этюды – одни из самых «мажорных» в наследии В. Г. Игнатова. Присущая ему лирика в восприятии природы в них поменялась на жизнеутверждающее начало. Радостная по эмоциональному восприятию цветовая гамма, уверенный, сочный, чаще пастозный мазок, слегка завуалированный объём пространства, свет и воздух – именно такими приёмами художник передаёт своё впечатление о строящейся Москве. Используя низкую точку зрения, иногда практически от земли, ему удаётся привнести в столь небольшие этюды ноту эпичности.

Приверженность В. Г. Игнатова этюдной работе основывалась на советской художественной школе, которую он прошёл, этюды предшествовали созданию основного произведения. Они отражали непосредственное впечатление от того, что художник собирался перенести на холст, – образ природы, человека, предметного мира и пр. В процессе написания этюда натура изучалась, а верно схваченное впечатление открывало её истинную суть. Это было сродни озарению: воспроизведённое на холсте, оно делало образ живым, воспринимаемым не только зрением, но и всем комплексом чувств, которыми обладает человек.

Для В. Г. Игнатова «этюдные прогулки» были одновременно и отдыхом, и работой, дающей ощущение неразрывной взаимосвязи человека и природы. Художник умел удивительно «схватывать» пространство, раскрывая даже в небольших этюдах его глубину. Речь идёт о серии малых этюдов 1980-х годов, размеры которых не превышают 12 на 25 сантиметров, среди них – «Весна» (1982), «Лето» (1982), «Дорожка в лесу» (1985), «Этюд» (1989). Без явно выраженной линейной перспективы, посредством, с первого взгляда, беспорядочных мазков, он создаёт виды русского приволья с опушками леса, или, наоборот, лесную дорожку, выходящую на простор где-то вдали. А сколько много ощущений может нести в себе цвет: зной жаркого дня, шум деревьев, окутывающий тело летний ветер, лесной воздух с запахом прелой коры, который хочется вдохнуть всей грудью, разливающееся весеннее тепло на фоне молодой зелени деревьев с жёлтым цветочным покровом.

Самые интересные сопоставления можно провести по наиболее поздним из включённых в переданную коллекцию этюдам. Выполнены они в 1988–1989-е годы, в них художник как бы акцентирует внимание на тех направлениях в искусстве, которые ему были интересны и с позиции использования приёмов художественного мастерства, и с точки зрения самого мира.

Так, например, в работах «Ушедшая осень» и «Первый снег» (обе – 1988) В. Г. Игнатов воспроизводит традиции реалистического пейзажа с подчёркнутой лирикой чувствования состояния природы, с небольшой экспрессией цвета, практически не выходящей за рамки реалистической картины, с ритмичным, уравновешенным мазком, воспроизводящим осеннюю пожухлую траву и обнажающиеся, теряющие листву стволы деревьев или спокойствие укутавшего землю снежного покрова с глубокими синими тенями, вторящими иссиня-лазурному небу.

«Начало осени» 1988 года передаёт ощущение мгновенного восприятия мира во всей его полноте. Зрителю представлена парковая зона, в которой на дорожке остановились два собеседника. Сюжет здесь не так важен, главное – это поток нахлынувших и воспроизведённых чувств: глубины вдоха от свежести осеннего воздуха, практически тактильного прикосновения ветра, шёпота падающей листвы, прелого аромата начинающей увядать растительности,

радующего глаз света, в котором преломляются и усиливаются цветовые комбинации, рождающие в человеке эстетику восприятия обыденного. Контуры в своей правильности, осознаваемые разумом, уходят на второй план, открывая мир чувствам, к которым апеллирует цвет.

В этюде «Начало весны» (1988) цвет приобретает ликующее значение. Живопись здесь более фактурна, а изображённый вид с тремя расцветшими деревьями и цветущим разноотраваем у их подножий кажется более материальным, в сравнении с наполненным светом и воздухом предшествующим этюдом. Автор лепит форму разрозненными пастозными мазками, не ставя перед собой задачу её конкретного воспроизведения, а вкладывая в неё содержащийся в изображённом предмете смысл. Пёстрая цветовая гамма создаёт настоящий праздник цвета, активизирующего чувственный мир человека, созерцающего пейзаж.

Самое большое доминирование цвета над формой содержится в этюде «С высоты птичьего полёта» (1988). Художник поставил перед собой непростую задачу: передать цветовое восприятие глубокой перспективы, с изображением леса на первом плане, расстилающимися за ним земельными угодьями и вырисовывающимися силуэтами городской застройки на горизонте. Как одну из версий, можно предположить, что подобный вид мог открыться художнику, находящемуся в самолёте, во время взлёта или посадки. Максимальное внимание автора в этюде приковано к осеннему лесу, но он вылеплен пастозными мазками так, что если убрать перспективный план в этюде, то будет сложно представить, что, собственно, подразумевается под вихрем разноцветных мазков. И всё же и в этом произведении В. Г. Игнатов не перешагнул через границу, за которой начинается абстрактное искусство – абстракционизм, и как стиль, и как мировоззрение был чужд художнику.

Таким образом, переданные летом 2022 года в Национальную галерею Республики Коми этюды В. Г. Игнатова представляют художника как талантливого живописца, обладающего способностью видеть, чувствовать и передавать цвет во всём разнообразии его оттенков. Произведения свидетельствуют, что В. Г. Игнатов прошёл хорошую школу советского искусства, приобретённые навыки стали основой его мастерства.

К пленэрной практике художник обращался на протяжении всей жизни, а настоящее вдохновение рождалось в тех работах, где он уходил от канонов традиционализма, экспериментируя с формой и цветом. Цвет и ритм являются главными инструментами создания этих пейзажей, все они – о вдохновении, которое даёт природа человеку, открывающему для себя её красоту.

Его интерес к наследию западноевропейских художников конца XIX – начала XX века, прежде всего Винсента Ван Гога, реализовывался в разработке собственного индивидуального стиля. И хотя авторская манера письма в наследии В. Г. Игнатова больше связана с произведениями на тему этно – языческими верованиями и эпическими сказаниями народа коми, вырабатывалась она в том числе и в натуральных этюдах художника. Можно предположить, что сила игнатовского стиля как раз заключается в том, что автор не изобрёл его путём логических построений, а увидел в самой жизни, прежде всего в природе.

Зима. Сыктывкар. 1948. К., м.

Деревня Лисинцево. 1955. К., м.

Крюково. 1958. К., м.

Подмосковье. Крюково. 1960. К., м.

Городская улочка. 1970. К., х., м.

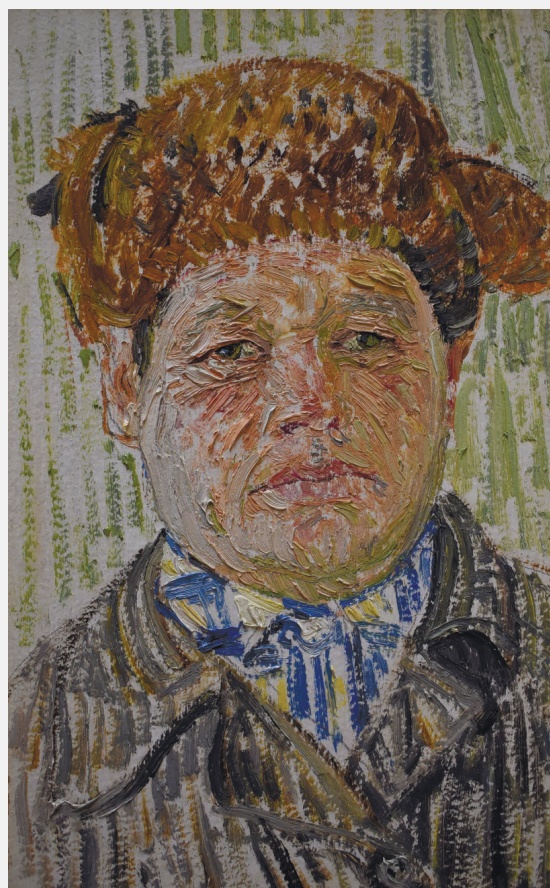
Уголок. Март. 1960. К., м.

Коми село. 1972. К., м.

Командор «Варяга» Д. С. Залидеев. 1958. К., м.

Автопортрет. 1964. К., м.

Горы на Кавказе. 1956. Б., акв.

Тёмные деревья. Крым. 1976. Б., акв.

Без названия. 1958. Б., акв.

Дождь в Крыму. 1975. Б., акв.

Деревья в Крыму. 1974. Б., акв.

Крымские сосны. 1975. Б., акв.

Деревья в Крыму-2. 1974. Б., акв.

Голубые горы Крыма. 1976. Б., акв.

Подмосковье. Крыши. 1981. Пластик, м.

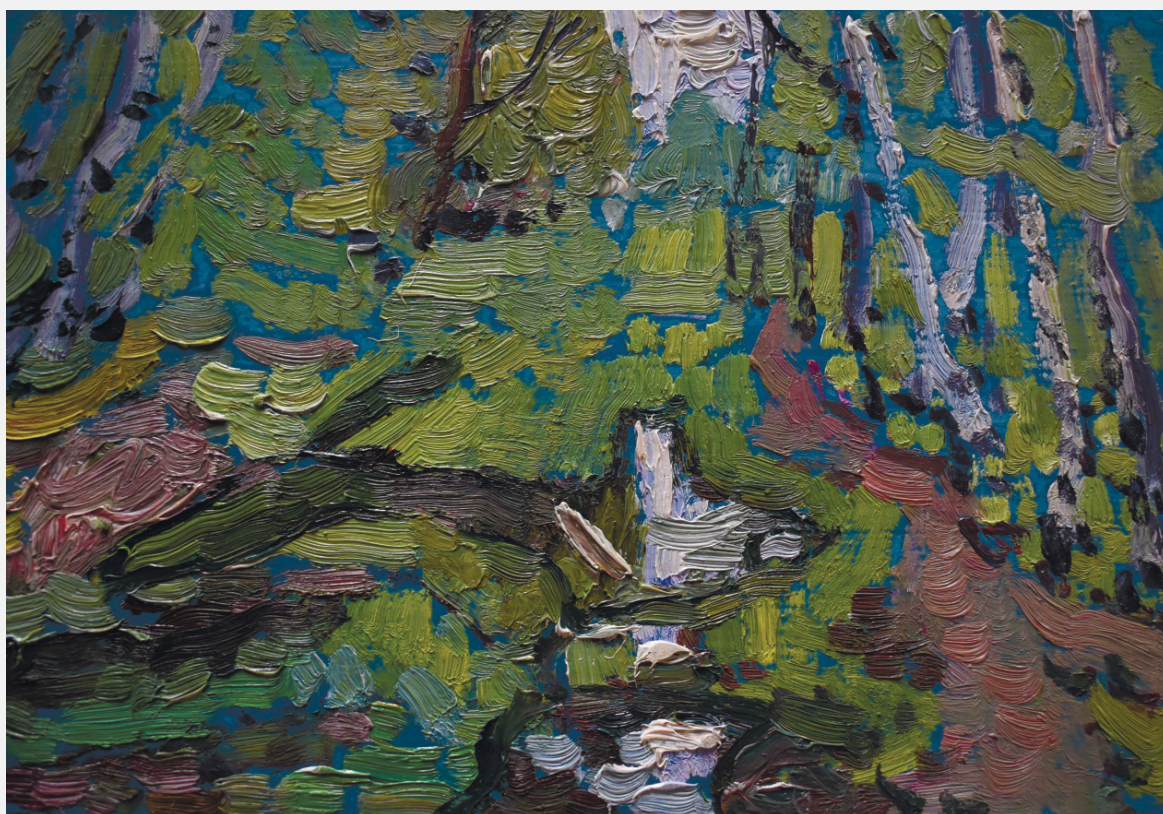
Окраина Москвы. 1985. К., м.

Весна. 1982. К., м.

Лето. 1982. К., м.

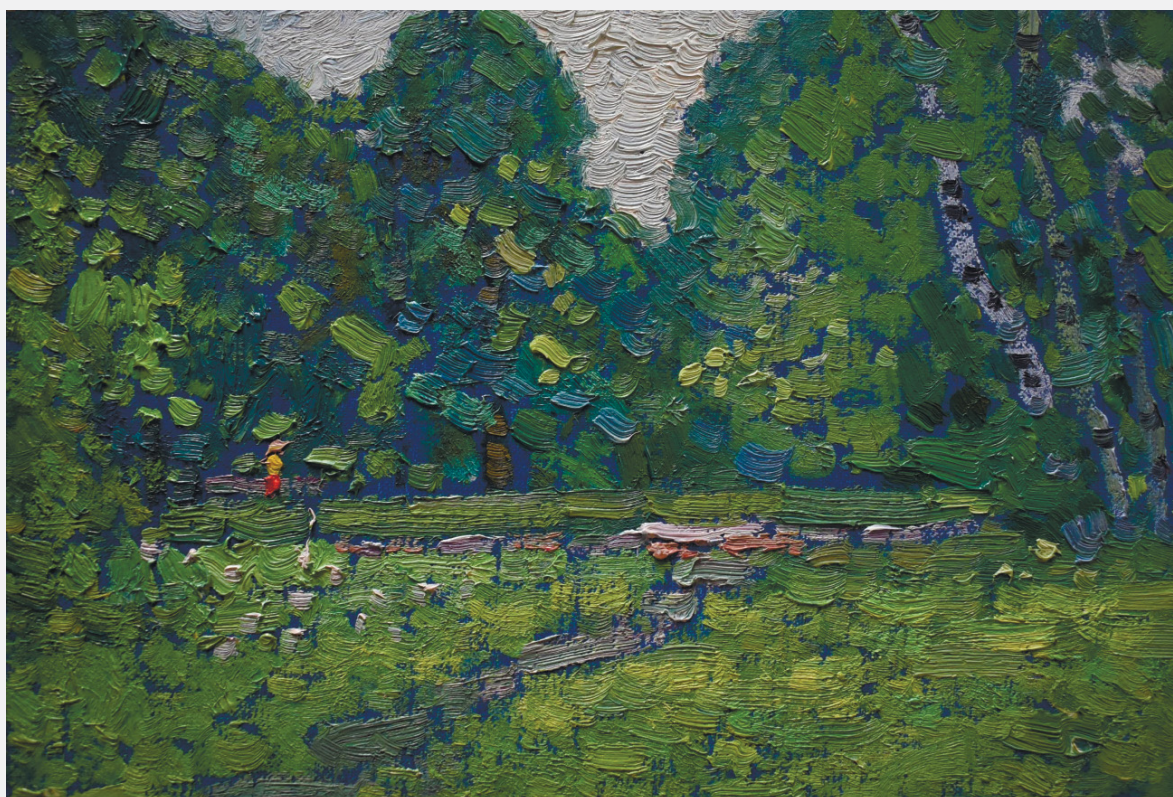
Дорожка в лесу. 1985. К., м.

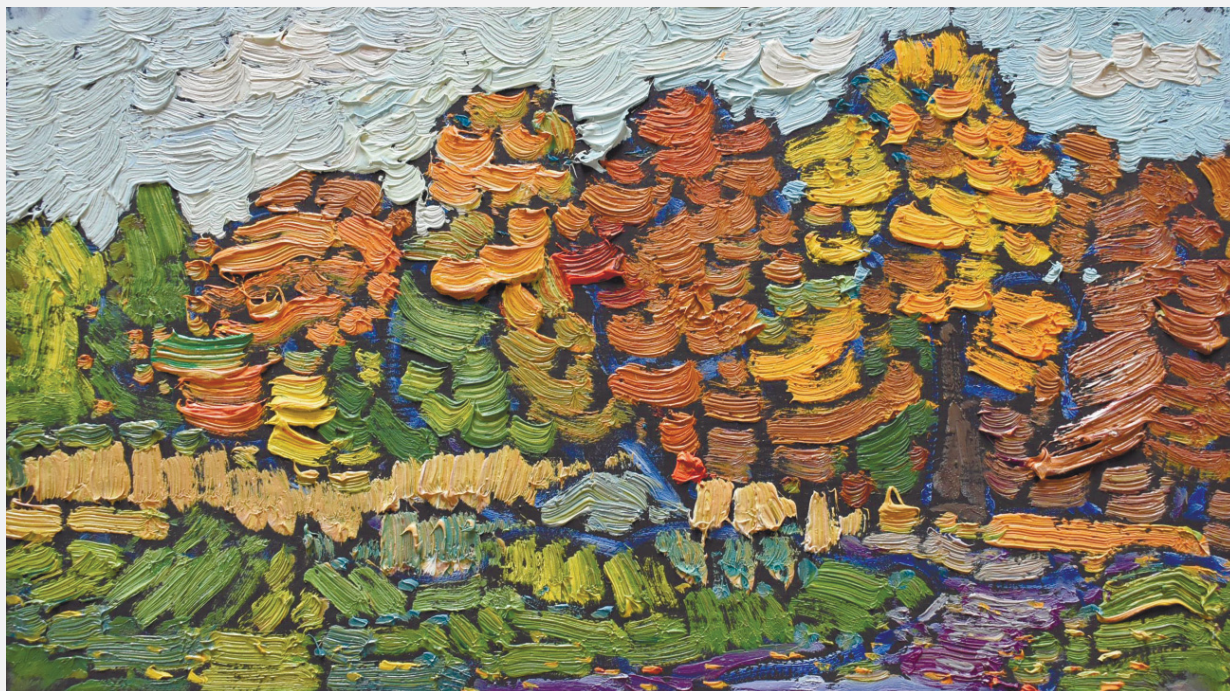
Москва. Чертаново. 1982. К., м.

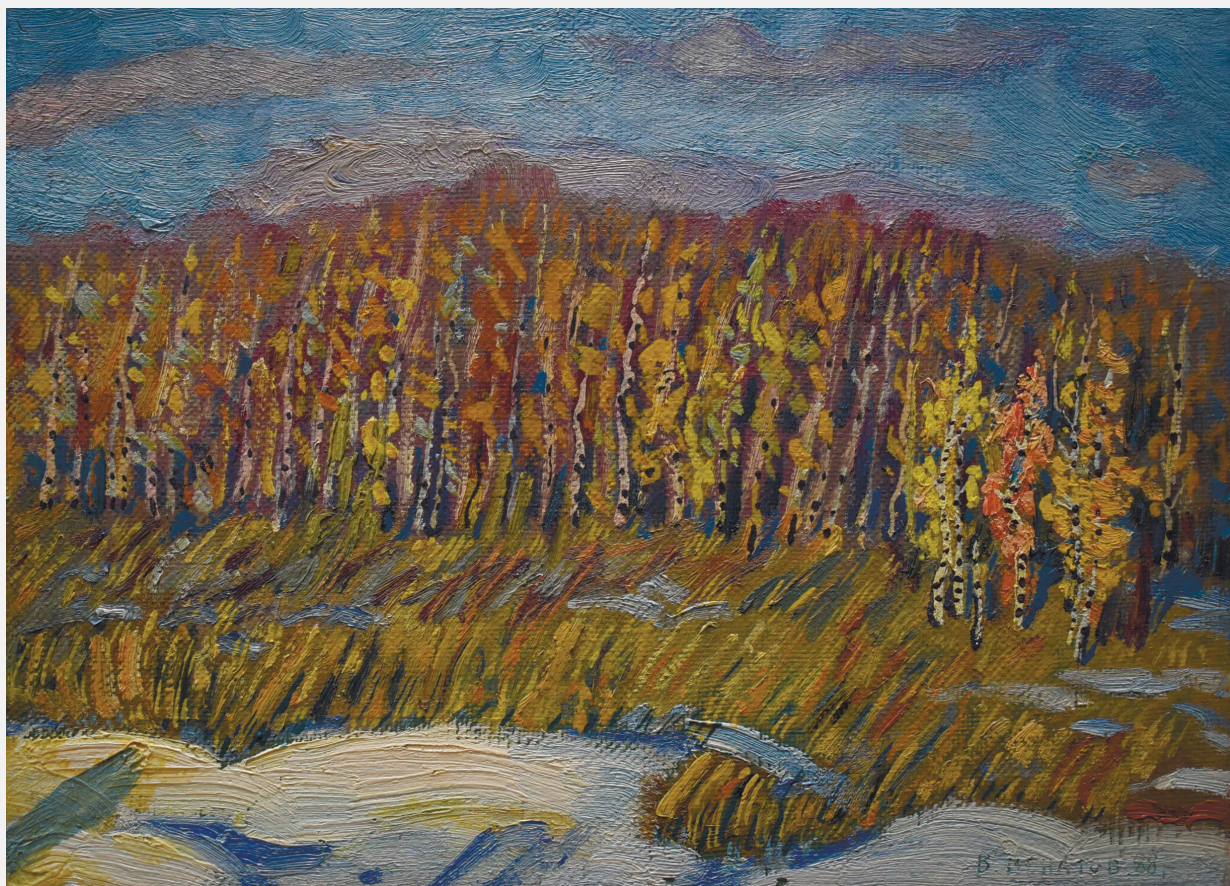
Осень. Этюд. 1982. К., м.

Без названия. 1989. К., м.

Осенний лес. 1982. К., м.

Ушедшая осень. 1988. Х., к., м.

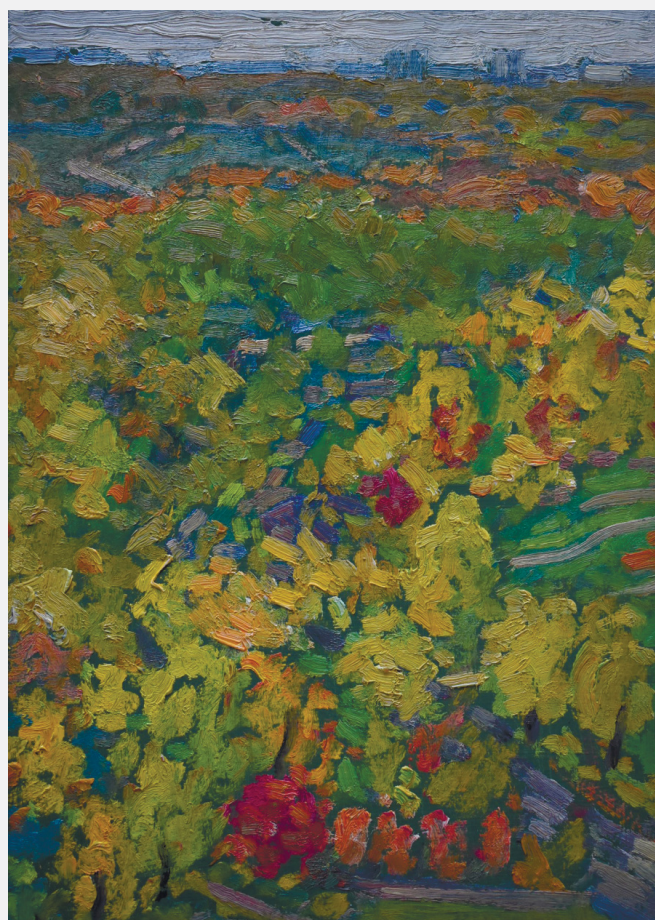
Первый снег. 1988. Х., к., м.

Начало осени. 1988. Б., м.

Начало весны. 1988. Х., к., м.

С высоты птичьего полёта. 1988. К., м.

Ракина Анастасия
(Луздор районаса Абъячой сикт)

Кольом кадтö бөр он бергöд

ВИСЬТ

Пöрысь йöз унаторйö мянöс, том войтырöс, вермасны велöдны. Пöльяс да пöчьяс – мывкыд йöз, сетöны колана сöветъяс, петкöдлöны бур пример. Та вöсна найöс пыр колö кывзыны.

Челядьдырйи ми тшöкыда ветлывлам радейтана пöль-пöч ордö. Аддзысигөн крепыда сывйыштчам. Найö век мыйкö казтывлöны олöмсьыныс, велöдöны выльторйö, а водигөн лыддöны мянлы мойдъяс. Таысь колö висьтавны мян пöль-пöчлы ыджыд-ыджыд аттьö.

Квайт арöса ичöt Öльöксан ёна радейтис асьыс пöльсö, кодöс грездын олысьяс шуисны Педөрөн. Бать-мамыс тшöкыда ыстывлисны зонкаöс сы дорö. Да и Öльöксан ачыс ёна радейтис овны грездын. Пöльыс босьтлывлис сийöс вөрö тшак-вотöсла, велöдис вöчны гортгөгöрса удж да сетис лöсьыд сöветъяс. А нöшта сийö тöдис уна кывйöз да шусьöг.

Со Öльöксан бара на локтис гөститны пöльыс ордö. Педөр петöма сылы воча кильчö вылас.

– Пöль, менам сэтшöма гажöй бырöма тэысь! – шыасис зонка.

– Менам бырöма жö, Öльöксан, – нюмдыштис Педөр.

Зонка пырысь-пыр сывйыштис пöльсö.

– Пöль, а ми вөрö мунам? – читкыртлис синсö Öльöксан.

– Дерт, мунам. Сöмын аски, – шуис Педөр да нуöдис внуксö керкаас.

Зонка пыртис сумкаяссö пыдi жыръяс да кутис кисö мыськыны. Педөр дасьтöма ужин: пызан вылын руалис пражитöм картупель да чери. Öльöксан пуксис пызан сайö, босьтчис панясьны. Пöльыс мудера видзöдлис сы вылö да юалис:

– Но, кызди нö карас овсьö?

– Кызди век, нинöм интереснöйыс абу. Танi гагаджык, – вочавидзис Öльöксан.

– Сашук, грездад бурджык и эм. Сöстöм сынöд, мича вөр-ва...

Педөр да Öльöксан дыр на сёрнитисны пызан сайын. Сэсса зонка мыськис дозмуксö, сы вöсна мый бать-мамыс öтырышъя тшöктöны сылы сөйöм бöрас пожийштны тасьтi-паньсö. Пöльыс вольсалöма нин вöли сылысь крöватьсö, и зонка пырысьтöм-пыр водис узьны. Кузь туй бöрад век окота шойччыштны.

Асывнас Öльöксан чеччис, а пöльыс абу нин гортас. Зонка чепöсйис ывлаö, видзöдасьыштис и казалис Педөрöс гид дорысь.

– Пöль, мый тэ вöчан? – горöдис сийö.

– Чипанъясöс верда, найö асьнысö оз сөдны.

– А ми ветлам вөрö? Тэ кöсийсин!

– Первой сөям рок, сэсса ветлам, – вочавидзис Педөр.

Час мысти кымын найö мөдöдчисны вөрö. Вöрыс абу и ылын, да регыд мысти воöдчисны нин. Со и медводдза гоб!

– А кутшöм тайö тшак? – юалис Öльöксан.

– Еджыд, – вочавидзис Педөр.

– Кутшöм ыджыд! – чуймис зонка.

– Таысь на ыджыдджык овло, – шуыштіс Педөр.

Зонка бергалыштіс места вылас, сэссия юалис:

– А мыйла эськө вöрсө тані сэтшöма кералöмаöсь?

– Мыйла? Со водзын вöрыс вöлі вөр кодь. Оз öд прöстö шуны: «Кöні ми абуöсь, сэні и лöсьыд да бур». Вöрыс эськө вöлі, эз кө овны тані йöзыс.

Кык час мысти налөн чуманъясыс тырисны, и вотчысьяс мöдісны гортас.

– Пöль, а тэ эн мудз? – юалис Öльöксан.

– Эг мудз. Пöрысь йöзыд джужöсь.

– А дыр на муннысö?

– Абу, регыд керка дорö нин петам.

И збыль, Öльöксан сэтшöма бавмуніс*, мый эз и казьявлы, кыдзи матыстчисны пöльыслөн керка дорас. Сійö сэтшöма тэрмасис, медым öдйöджык пыртны тшаксö керкаас, мый сконъя-сис вутшкө да нюжгысис öшиньводзса турун вылө. Эз и тöдлы, синва моль кутіс исковтны бан боктыс.

– Мыйла нö бөрдан? – копыртчис сы весьтö Педөр. – Кыткө доймис?

– Эз, – кыскыштіс нырнас Öльöксан. – Ме уськөді көрзинасö, да став тшакыс киссис.

– Немтор, – шуыштіс Педөр. – Тшкаыд – абу на дона сервис.

Кыліс дзирьялөн дзуртыштöм. И на дорö котөрөн матыстчис сусед керкаысь Вась – сизим арöса зонка. Сійö быд гожом волевліс гөститны пöчыс ордö.

– Саша, мунам гуляйтны? – юалис Вась.

– А позьö? – пöльланьыс бергөдчыліс Öльöксан.

– Позьö, дерт, ветлы, – лэдзис внуксö Педөр. – Сöмын эн дыр.

Зонкаяс пышйисны Педөр керкасянь неылын шылькнитчöм кушин вылө. Тані быдмисны зэв югыд дзоридзяс. Вась тшöкыда чукөртліс пöчыс букет.

– Виччысьлы, ме катшасинсö пöчлы нетшка, – дзоридз öктігмоз висьталіс Вась. – Сійö ёна найöс радейтö.

– А менам абу пöчöй, – ышловзис Öльöксан. – Сійö ёна висьмöма да кулöма.

– Зэв жаль, – тшöтш ышловзис Вась.

Найö вель дыр на ворсісны, а сэссия мөдöдчисны радейтана пöль да пöч орданыс. Кор найö пондісны мунны пашкыртчöм бадь дорті, Öльöксан сувтовкерис.

– Мый тэ? – юалис Вась.

– Кылан, кодкө никсö?

– Тэныд каститчис, – эз эскы Вась.

Öльöксан суныштіс куст пытшкө да петкөдіс сэтысь доймöм лапаа понпиöс.

– Кутшöм мича да ичөтик! – чуймис Вась. – Мый сыкөд лоöма?

– Ог тöд. Гашкө, мыйкө ёсь вылө сувтіс? – шуис Öльöксан.

– И мый кутам вöчны?

– Вай нуам сійöс пöль дорö, бинт корам, – вöзйис Öльöксан. – Сэссия вердам.

Вась довкнитіс юрнас, и найö тапиктісны Педөр керкалань. Öшинь улас воисны да, Öльöксан горөдіс:

– Пöль, отсав!

Педөр котөрөн петіс ывлаö, здук-мөд видзөдіс зонкаяс вылө, сэссия юалис:

– Öльöксан, мыйла сэтшöм дыр эн лок?

– Ми аддзим понпиöс, – лэдзис синсö Öльöксан. – Со тай, лапаяс мыйкө лоöма.

– Час ме локта.

Педөр пыраліс керкаас, вайис зелёнка, вата, бинт да ножич. Öльöксан пуксис понпиыскөд пос помö, а пöльыс видлаліс доймöм лапасö, мавтіс рана дорышсö зелёнкаалöм ватаөн да бинтуйтіс. Понпи никсіс, но эз курччась. Регыд мысти Öльöксан петкөдіс нин сылы йöв тасьті, а Вась петіс орчча керкаас – пöчыс дорö.

– Но, Öльöксан, ачыд кутан сёйны? – юалис пöльыс.

– Да, кута, – шыасис зонка. – Прöстит, мый ме сёрми.

*Бавмунны – нв. сёрниён ылавны.

– Бур вöчöмысь каета оз босьт, – шуыштіс Педöр. – Аски мöдам пес керавны.
– Пöль, а мыйла меным сэтчö тшöтш колö мунны?
– Грездад быдторйö колö велöдчыны, – вочавидзис Педöр.
– Ме öд ог грездын кут овны. Кор ме быдма, лоа юристön. И кута овны карын.
Педöрлön татчö серамыс петіс.

– Мый ме сэтшöм серамсö висьталі? – дöзмискодь Öльöксан. – Юрист – колана профессия.
– Аски ковмас уна уджавны. А мед уджавны, колö бура сёйны. Мун китö мыськы да пуксям пызан сайö...

Мöд луннас Педöр эз нуöд Öльöксанöс пес керавны, а дасьтіс ва дорö ветлан ноп.

– Öльöксан, талун тэныд торъя удж думышті. Ветлы Семен дядь дорö да кор сылысь вугыр шатин. Менам сöмын öти да.

– Пыр и ветла, – шыасис Öльöксан, көмасис да петіс йöрысь. Эз на ылöдз и мун, кодлönкö пес сарайсянь кыліс зонкаяслön горзöм. Эз-ö Вась дорö бара кодкö көвьясь? Татчöс зонкаяс оз ёна радейтны карсатö.

Öльöксан муніс пес сарай водзас и аддзис куим зонкаöс. Найö вöлі зульöдöны Васьöс.

– Эн вöрöдöй менсьым ёртöс! – горöдіс сійö.

– Тэнсьыд тшöтш пиньтö разям! – равöстіс кузь тушаа зонка.

– Видлöй!

Та бöрын Öльöксанлы буракодь и сюраліс. Вугыр шатинла сійö эз нин мун, а бöр локтіс пöльыс дорö Вась ёртыскöд. Кыкнанныслön син улыс лöзöдöма, көлуяныс турун öшйöма.

– Мый нö тiянкöд лоис? – чуймис Педöр.

Öльöксан дыр эз вермы вочавидзны. Васьыс чöv жö оліс.

– Вомад ва али мый кынмис?

– Ме Васьöс лёк детинкаясысь дорйи, – коркö кад шыасис Öльöксан.

– Но, ме сэсся муні, – бур-боркерис Вась да довгис пöчыслön керка дорö.

– Пöль, прöстит менö, – шуис Öльöксан. – Ме эг пыравлы Семен дядь дорö.

– Кольöм кадтö бөр он бергöд, – кайтыштіс Педöр. – Но бур, мый ёрттö дорйин.

Мöд луннас Педöр бара на көсйис нуöдны внуксö чери кыйны, но виччысьтöг воисны бать-мамыс да бөр нуисны Öльöксанöс карö. Колö пö экзаменъяс сдайтавны, мед пырны музыкальнöй школаö.

Лэбисны лунъяс, а Педöр виччысис и виччысис, чайтіс, удитас на внукуыс арöдзыс волыны. Сэсся öти лунö звöнитіс карö:

– Алё, кор нö Öльöксан волас? Гажöй бырис да.

– Оз на артмы, музыкальнöй школа кежлö дасьтысьö, – вочавидзис Öльöксанлön мамыс. – Тövся каникул дырйи волас.

Педöрлысь сьölöмсö сэтшöм гажтöм шымыртіс...

Öльöксан эз и тöдлы, кыдзи воис тövся каникул. Но сідз эз и вермы аддзысьлыны радейтана пöльыскöд. Кувсис пöльыс... Ёна бөрдіс зонка, сöмын тай нинöм нин он вöч...

Кызь во мысти Öльöксан лоис юристön, но пöльсö некор эз вунöдлы. Отпуск дырйи либö шойччан лунъясö сійö тшöкыда волывіс грездö, вöчис гортгöгöрса удж да пыр кутіс юрас пöльыслысь сöветъяссö.

СОГЛАСОВАНО

И.о. министра цифрового развития,
связи и массовых коммуникаций Республики Коми

Осипов В.В. (Ф.И.О.) _____
(подпись) _____
"30" марта 2023г.

УТВЕРЖДАЮ

Руководитель государственного учреждения

Логонова Т.И. (Ф.И.О.) _____
(подпись) _____
"30" марта 2023г.

Отчет

о результатах деятельности государственного (муниципального) учреждения и об использовании закрепленного за ним государственного (муниципального) имущества

на 1 января 20 23 г.

Учреждение	Автомное учреждение Республики Коми Редакция "журнала "Арт"	Дата	КОДЫ 01.01.2023
		по Сводному реестру	872D5337
Юридический адрес	167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229	ИНН	1101485466
		КПП	110101001
Орган, осуществляющий функции и полномочия учредителя	Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми	глава по БК	879
		по ОКТМО	87701000
Публично-правовое образование	г Сыктывкар		
Периодичность:	годовая		

Раздел 1. Результаты деятельности

1.1. Перечень видов деятельности, которые Учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами

Наименование вида деятельности 1	Краткая характеристика 2	Правовое обоснование 3
I. Основные:		
Деятельность издательская	Издание книг, брошюр, рекламных бюллетеней, словарей, энциклопедий, атласов, карт и таблиц, — издание газет, журналов и периодических изданий, каталогов и списков рассылки и прочих изданий, а также выпуск программного обеспечения.	Устав АУ РК "Редакция журнала "Арт" от 26.12.2017
2. Иные:		
Издание журналов и периодических изданий	Публикация периодического издания (журнала Арт" в печатной форме)	Устав АУ РК "Редакция журнала "Арт" от 26.12.2017
Деятельность рекламная	Подготовка и размещение рекламных (информационных, тематических) материалов в журнале "Арт", организация и проведение литературных встреч	Устав АУ РК "Редакция журнала "Арт" от 26.12.2017
Деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса, не включенная в другие группировки	Прочие услуги, не включенные в другие группы	Устав АУ РК "Редакция журнала "Арт" от 26.12.2017

1.2. Состав наблюдательного совета

Наименование должности, фамилия, имя, отчество	Решение о назначении	Срок полномочий
1	2	3
Главный редактор автономного учреждения Республики Коми "Редакция журнала "Арт", Лимеров Павел Федорович	Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми от 26.01.2021 №44	5 лет
Председатель попечительского совета автономного учреждения Республики Коми «Редакция журнала «Арт», член правления "Союза писателей Республики Коми"-регионального отделения Общероссийской общественной организации "Союз писателей России", член Союза журналистов Республики Коми, Бутырева Галина Васильевна	Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми от 26.01.2021 №44	5 лет
Председатель Координационного совета КРОО «Ассоциация детских общественных объединений РК», Андреев Василий Михайлович	Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми от 26.01.2021 №44	5 лет
Заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми, Белях Олег Валерьевич	Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми от 26.01.2021 №44	5 лет
Технический редактор автономного учреждения Республики Коми "Редакция журнала "Арт", Пашнин Роман Валерьевич	Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми от 01.08.2022г. №126	5 лет
Заведующий отделом правового обеспечения Комитета Республики Коми имущественных и земельных отношений, Горфина Светлана Валерьевна	Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Республики Коми от 14.09.2022г. №138	5 лет

1.3. Перечень услуг (работ), оказываемых потребителям за плату в случаях, предусмотренных нормативными правовыми (правовыми) актами

Наименование услуги (работы)	Потребитель (физические или юридические лица)	Нормативный правовой (правовой) акт
1	2	3
Изданье и распространение журнала «Арт»	Юридические и физические лица	Гражданский кодекс Российской Федерации; Федеральный закон РФ от 03.11.2006 № 174-ФЗ "Об автономных учреждениях"; Устав АУ РК "Редакция журнала "Арт" от 26.12.2017, Приказ АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 30.12.2016 № 14 «Об утверждении стоимости журнала «Арт»
Деятельность рекламная	Юридические и физические лица	Гражданский кодекс Российской Федерации; Федеральный закон РФ от 03.11.2006 № 174-ФЗ "Об автономных учреждениях"; Устав АУ РК "Редакция журнала "Арт" от 26.12.2017, Приказ АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 30.12.2016 № 14 «Об утверждении стоимости журнала «Арт»

1.4. Перечень разрешительных документов, на основании которых Учреждение осуществляет деятельность

Наименование документа	Реквизиты документа	Срок действия
1	2	3
Постановление Правительства Республики Коми "О создании автономного учреждения Республики Коми "Редакция журнала "Арт" путем изменения типа существующего государственного учреждения Республики Коми "Редакция журнала "Арт"Правительства Республики Коми	№128 от 23.05.2008	бессрочно
Свидетельство о государственной регистрации юридического лица	09.01.2003	бессрочно
Свидетельство о регистрации средства массовой информации	ПИ № ФС 77-35079 от 23.01.2009	бессрочно

1.5. Изменение цен (тарифов) на платные услуги (работы)

Наименование услуги (работы)	Изменение цены, руб.				
	с 01.01.2022 г.	с _____ 20__ г.	с _____ 20__ г.	с _____ 20__ г.	с _____ 20__ г.
1	2	3	4	5	6
Подписка на журнал "Арт"	50,00				
Размещение информационного материала в журнале	26 600,00				

1.6. Количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами), и сумма доходов, полученных от оказания платных услуг (выполнения работ)

Общее количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами)			Сумма доходов, полученных от оказания платных услуг (выполнения работ), руб.	
бесплатно	частично платно	полностью платно	частично платных	полностью платных
1	2	3	4	5
108		3269		95174
		1		13000
		1		50000

1.7. Количество жалоб потребителей

Наименование потребителя	Суть жалобы	Принятые меры
1	2	3

1.8. Сведения о численности сотрудников

Группы персонала (категория персонала)	Код строки	Штатная численность на начало года, шт.ед.				Средняя численность сотрудников за отчетный период, чел.					По договорам гражданско-правового характера <3>		Штатная численность на конец отчетного периода, шт.ед.			
		установлено штатным расписанием		в том числе:		всего <1>	в том числе:			в том числе:		установлено штатным расписанием		в том числе:		
		всего	из них по основным видам деятельности	замещено	вакантных должностей		по основному месту работы		по внутреннему совместительству (по совмещению должностей <2>)	по внешнему совместительству	сотрудники учреждений <4>	физически лица, не являющиеся сотрудниками учреждений <5>	всего	из них по основным видам деятельности	замещено	вакантных должностей
							всего	из них по основным видам деятельности								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Основной персонал, всего <6>	1000	7	7	5	2	3,9	3,4	3,4		0,5		5	7	7	4	3
Вспомогательный персонал, всего <7>	2000															
Административно-управленческий персонал, всего из них: <9>	3000	2	2	2	0	1,7	1,7	1,7					2	2	2	0
руководители	3100	1	1	1	0	0,7	0,7	0,7					1	1	1	0
иные	3200	1	1	1	0	1	1	1					1	1	1	0
Итого		9	9	7	2	5,6	5,1	5,1	0	0,5	0	5	9	9	6	3

1.9. Сведения об оплате труда

Группы персонала	Код строки	Фонд начисленной оплаты труда сотрудников за отчетный период, руб.										Начислено по договорам гражданско-правового характера, руб. <10>				Аналитическое распределение оплаты труда сотрудников по источникам финансового обеспечения, руб. <11>			
		в том числе:										в том числе:				в том числе:			
		по основному месту работы		по внутреннему совместительству (совмещению должностей)		по внешнему совместительству		сотрудники учреждений		физические лица, не являющиеся сотрудниками учреждения		по основному месту работы							
		всего	в том числе на условиях:	всего	полного рабочего времени	полного рабочего времени	ОМС	за счет средств от приносящей доход деятельности	за счет средств субсидии на выполнение государственного задания	за счет средств субсидии на иные цели	за счет средств гранта в форме субсидии	ОМС <12>	за счет средств от приносящей доход деятельности <13>						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16				
Основной персонал, всего <14>	1000	2099819,42	1661944,26	1661944,26			437875,16		125930,00	1628863,26					33081,00				
Вспомогательный персонал, всего <15>	2000																		
Административно-управленческий персонал, всего <16>	3000	1217265,32	1217265,32	1217265,32						1217265,32									
из них: <9>																			
руководители	3100	524802,47	524802,47	524802,47						524802,47									
иные	3200	692462,85	692462,85	692462,85						692462,85									
Итого		3317084,74	2879209,58	2879209,58	0	0	437875,16	0	125930,00	2846128,58	0	0	0	0	33081,00				

Группы персонала	Код строки	Аналитическое распределение оплаты труда сотрудников по источникам финансового обеспечения, руб. <11>												
		по внутреннему совместительству (совмещению должностей)					по внешнему совместительству							
		за счет средств субсидии на выполнение государственного задания	за счет средств субсидии на иные цели	за счет средств гранта в форме субсидии		ОМС	за счет средств от приносящей доход деятельности	за счет средств субсидии на выполнение государственного задания	за счет средств субсидии на иные цели	за счет средств гранта в форме субсидии		ОМС	за счет средств от приносящей доход деятельности	
				из федерального бюджета	из бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов					из федерального бюджета	из бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
Основной персонал, всего	1000							437875,16						
Вспомогательный персонал, всего	2000													
Административно-управленческий персонал, всего	3000													
из них: <9>														
руководители	3100													
иные	3200													
Итого		0	0	0	0	0	0	437875,16	0	0	0	0	0	0

Группы персонала	Код строки	Аналитическое распределение оплаты труда сотрудников по источникам финансового обеспечения, руб. <11>											
		по договорам гражданско-правового характера с сотрудниками учреждения											
		за счет средств субсидии на выполнение государственного задания	за счет средств субсидии на иные цели	за счет средств гранта в форме субсидии		ОМС	за счет средств от приносящей доход деятельности	за счет средств субсидии на выполнение государственного задания	за счет средств субсидии на иные цели	за счет средств гранта в форме субсидии		ОМС	за счет средств от приносящей доход деятельности
				из федерального бюджета	из бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов					из федерального бюджета	из бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Основной персонал, всего	1000							105241,00					20689,00
Вспомогательный персонал, всего	2000												
Административно-управленческий персонал, всего	3000												
из них: <9>													
Руководители	3100												
иные	3200												
Итого		0	0	0	0	0	0	105241,00	0	0	0	0	20689,00

<1> При расчете показателя не учитывается численность сотрудников Учреждения, работающих по внутреннему совместительству (по совмещению должностей).

<2> Указывается численность сотрудников Учреждения, работающих по внутреннему совместительству (по совмещению должностей). При расчете общей численности сотрудников Учреждения показатель не учитывается.

<3> Указывается численность физических лиц, привлекаемых к оказанию услуг, выполнению работ без заключения трудового договора (на основании договоров гражданско-правового характера). Детализация численности по группам персонала указывается в соответствии с предметом договора, в зависимости от характера работ, для выполнения которых привлекается сотрудник.

<4> Указывается численность физических лиц, привлекаемых к оказанию услуг, выполнению работ без заключения трудового договора (на основании договоров гражданско-правового характера), являющихся сотрудниками Учреждения.

<5> Указывается численность физических лиц, привлекаемых к оказанию услуг, выполнению работ без заключения трудового договора (на основании договоров гражданско-правового характера), не являющихся сотрудниками Учреждения.

<6> Указывается численность работников Учреждения, непосредственно оказывающих услуги (выполняющих работы), направленные на достижение определенных уставом Учреждения целей деятельности этого Учреждения.

<7> Указывается численность работников Учреждения, создающих условия для оказания услуг (выполнения работ), направленных на достижение определенных уставом Учреждения целей деятельности этого Учреждения, включая обслуживание зданий и оборудования.

<8> Указывается численность работников Учреждения, занятых управлением (организацией) оказания услуг (выполнения работ), а также работников Учреждения, выполняющих административные функции, необходимые для обеспечения деятельности Учреждения.

<9> Детализация показателей по группе (категории) персонала.

<10> Указывается сумма, начисленная по договорам гражданско-правового характера, заключенным с лицами, привлекаемыми для оказания услуг (выполнения работ). Детализация начисленного вознаграждения по группам персонала указывается в соответствии с предметом договора, в зависимости от характера работ, для выполнения которых привлекается сотрудник.

<11> Показатели аналитического распределения оплаты труда сотрудников по источникам финансового обеспечения заполняются для Бюджетных и Автономных учреждений.

<12> Указывается сумма начисленной оплаты труда работникам Учреждения, оказывающим услуги (выполняющим работы) в рамках программ обязательного медицинского страхования.

<13> Указывается сумма начисленной оплаты труда работникам Учреждения, оказывающим услуги (выполняющим работы) в рамках осуществления приносящей доход деятельности.

<14> Указывается сумма начисленной оплаты труда работникам Учреждения, непосредственно оказывающим услуги (выполняющим работы), направленные на достижение определенных уставом Учреждения целей деятельности этого Учреждения.

<15> Указывается сумма начисленной оплаты труда работникам Учреждения, создающим условия для оказания услуг (выполнения работ), направленных на достижение определенных уставом Учреждения целей деятельности этого Учреждения, включая обслуживание зданий и оборудования.

<16> Указывается сумма начисленной оплаты труда работникам Учреждения, занятым управлением (организацией) оказания услуг (выполнения работ), а также работникам Учреждения, выполняющим административные функции, необходимые для обеспечения деятельности Учреждения.

1.10. Сведения о дебиторской задолженности

Наименование показателя	Значение показателя		Изменение дебиторской задолженности (гр. 3 - гр. 2), руб.	% изменения	Принятие образования	Меры, принимаемые по погашению дебиторской задолженности
	на начало отчетного периода, руб.	на конец отчетного периода, руб.				
1	2	3	4	5	6	7
Сумма дебиторской задолженности	63408,69	150569,98	87161,29	137,46	В декабре 2022 года оказана услуга по размещению информационного материала в журнале, оплата будет произведена в 2023 году.	
в том числе: в разрезе видов поступлений						
средств от приносящей доход деятельности	63408,69	150569,98	87161,29	137,46		
Персональн к включению дебиторская задолженность	0	0	0	0		

1.11. Сведения о просроченной кредиторской задолженности

Наименование показателя	Код строки	Объем просроченной кредиторской задолженности на начало года, руб.		Объем просроченной кредиторской задолженности на конец отчетного периода, руб.		в том числе по срокам				Изменение просроченной задолженности < 17 >		Принятые образования	Меры, принимаемые по погашению просроченной кредиторской задолженности	
		всего	из них по исполнительным листам	всего	из них по исполнительным листам	менее 30 дней просрочки	от 30 до 90 дней просрочки	от 90 до 180 дней просрочки	более 180 дней просрочки	сумма, руб.	в процентах			
1	2	3	4	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
По выплате заработной платы	1000													
По выплате стипендий, пособий, пенсий	2000													
По перечислению в бюджет, всего	3000													
в том числе:	3100													
по перечислению удержанного налога на доходы физических лиц														
по оплате страховых взносов на обязательные социальные страховании	3200													
по оплате налогов, сборов, за исключением страховых взносов на обязательное социальное страхование	3300													
по возврату в бюджет средств субсидий (грантов в форме субсидий)	3400													
из них:	3410													
в связи с невыполнением государственного (муниципального) задания														
в связи с несоответствием результатов предоставления субсидий (грантов в форме субсидий)	3420													
в связи с невыполнением условий соглашений, в том числе по софинансированию расходов	3430													
По оплате товаров, работ, услуг, всего	4000													
из них:	4100													
по публикуемым договорам														
По оплате прочих расходов, всего	5000													
из них:	5100													
по возвратам, связанным с прекращением кредита гражданам														
Итого														

<17> Указывается общая сумма увеличения или уменьшения кредиторской задолженности.

1.12. Сведения о задолженности по ущербу, недостачам, хищениям денежных средств и материальных ценностей

Наименование показателя	Код строки	Остаток задолженности по возмещению ущерба на начало года, руб.		Выявлено недостач, хищений, нанесенный ущерб, руб.			Возмещено недостач, хищений, нанесенный ущерб, руб.			Списано, руб.		Остаток задолженности по возмещению ущерба на конец отчетного периода, руб.		
		всего	из него на взыскании в службе судебных приставов	всего	в том числе:		всего	из них взыскано с виновных лиц		страховыми и организациями	всего	из них в связи с прекращением взыскания по исполнению исполнительных листов	всего	из него на взыскании в службе судебных приставов
					нововыявленные	виновные лица не установленны		всего	из них по решению суда					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Недостача, хищение денежных средств, всего	1000													
в том числе:	1100													
в связи с хищением (кражами)														
из них:	1101						x	x	x					
возбуждено уголовное дело (находится в следственных органах)														
в связи с банкротством кредитной организации	1200													
Ущерб имуществу (за исключением денежных средств)	2000													
в том числе:	2100													
в связи с недостачами, включая хищения (кражи)														
из них:	2101													
возбуждено уголовное дело (находится в следственных органах)														
в связи с нарушением правил хранения	2200													
в связи с нанесением ущерба техническому состоянию объекта	2300													
В связи с нарушением условий договоров (контрактов)	3000													
в том числе:	3100													
в связи с нарушением сроков (начислено пени, штрафов, неустоек)														
в связи с невыполнением условий о возврате предоплаты (аванса)	3200													
Итого														

1.13. Сведения о счетах Учреждения, открытых в кредитных организациях

Номер счета в кредитной организации	Вид счета <18>	Реквизиты акта, в соответствии с которым открыт счет			Остаток средств на счете на начало года <19>, руб.	Остаток средств на счете на конец отчетного периода <19>, руб.
		вид акта	дата	номер		
1	2	3	4	5	6	7
Счета в кредитных организациях в валюте Российской Федерации	x	x	x	x	x	x
40603810328004000000	расчетный	договор	02.11.2011	28008321	202889,75	113320,60
Всего						
Счета в кредитных организациях в иностранной валюте	x	x	x	x	x	x
Всего						
Итого	x	x	x	x	202889,75	113320,60

<18> Указывается вид банковского счета, открытого в кредитной организации (например, номинальный счет, публичный депозитный счет).

<19> Показатели счетов в иностранной валюте указываются в рублевом эквиваленте.

1.14. Сведения о доходах Учреждения в виде прибыли, приходящей на доли в уставных (складочных) капиталах хозяйственных товариществ и обществ, или дивидендов по акциям, принадлежащим Учреждению

Организация (предприятие)					Сумма вложений в уставный капитал	Доля в уставном капитале, %	Вид вложений <20>	Задолженность перед Учреждением по перечислению части прибыли (дивидендов) на начало года	Доходы, подлежащие получению за отчетный период		Задолженность перед Учреждением по перечислению части прибыли (дивидендов) на конец отчетного периода
наименование	ИНН	код по ОКФС	дата создания	основной вид деятельности					начислено, руб.	поступило, руб.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						x	x				
					Итого						

<20> Указывается вид вложений "1" - денежные средства, "2" - имущество, "3" - право пользования нематериальными активами.

1.15. Показатели плана финансово-хозяйственной деятельности

№ п/п	Наименование показателя	Плывовой показатель, руб.	Фактическое исполнение, руб.	% исполнения	Комментарий
1	2	3	4	5	6
1	Остаток средств на начало года	250 175,80	X		X
2	Поступления, всего	6 061 580,62	5 987 776,06	98,78	
	в том числе:				
	за счет субсидий на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ)	5 328 900,88	5 328 900,88	100,00	
	безвозмездные денежные поступления (целевые субсидии)	498 700,00	498 700,00	100,00	
	поступления от иной приносящей доход деятельности	231 978,56	158 174,00	68,18	Источник покрытия кредиторской задолженности
	прочие поступления	2 001,18	2 001,18	100,00	
3	Выплаты, всего	6 196 095,62	6 122 291,06	98,81	
	в том числе:				
	за счет субсидий на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ)	5 328 900,88	5 328 900,88	100,00	
	за счет субсидий на иные цели	545 969,11	545 969,11	100,00	
	за счет поступлений от иной приносящей доход деятельности	321 225,63	247 421,07	77,02	Плановые показатели не исполнены в полном объеме, в связи с образованием кредиторской задолженности
	прочие выплаты	2 001,18	2 001,18	100,00	
4	Остаток средств на конец года	113 659,62	X		X
	Справочно:				
5	Объем публичных обязательств, всего	0,00	0,00	0,00	
	в том числе:	0,00	0,00	0,00	
	-----	0,00	0,00	0,00	

1.16. Показатели, характеризующие выполнение объема и качества государственного задания

Наименование государственной услуги (работы)	Наименование показателя	Единица измерения	Плывовые показатели объема государственной услуги (работы) на отчетный период		Фактические показатели объема оказанных государственных услуг (выполненных работ) за отчетный период		Причина отклонения от установленных плановых показателей объема государственной услуги (работы)	Источник информации о фактическом значении показателя
			в натуральных показателях	в денежном выражении	в натуральных показателях	в денежном выражении		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Осуществление издательской деятельности- Журналы - Печатная	количество печатных страниц	штука	190	5 328 900,88	190	5 328 900,88		Отчет о выполнении государственного задания №1 на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов

1.17. Сведения об оказываемых услугах, выполняемых сверх установленного государственного задания

Наименование оказываемых услуг	Код по ОКВЭД	Объем оказанных услуг			Доход от оказания услуг, руб.	Цена (тариф)	Справочно: реквизиты акта, которым установлена цена (тариф)		
		единица измерения	всего				кем издан (ОИВ, Учреждение)	дата	номер
			наименование	код по ОКЕИ					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Итого	x	x				x	x	x

1.18. Сведения о работах, выполняемых сверх установленного государственного задания

Наименование выполняемых работ	Код по ОКВЭД	Объем выполненных работ			Доход от выполнения работ, руб.	Цена (тариф)	Справочно: реквизиты акта, которым установлена цена (тариф)		
		единица измерения	всего				кем издан (ОИВ, Учреждение)	дата	номер
			наименование	код по ОКЕИ					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Итого	x	x				x	x	x

1.19. Общая сумма прибыли

Сумма прибыли до налогообложения, руб.		Налогообложение прибыли, руб.		Сумма прибыли после налог обложения, руб.	
20__ г.	20__ г.	20__ г.	20__ г.	20__ г.	20__ г.
1	2	3	4	5	6

1.20 Показатели бюджетной сметы

№ п/п	Наименование показателя <21>	Плановый показатель, руб.	Фактическое исполнение, руб.	% исполнения	Комментарий
1	2	3	4	5	6
1	Доходы				
в том числе:					
2	Расходы				
в том числе:					

<21> Заполняется по кодам бюджетом классификации Российской Федерации.

Раздел 2. Использование имущества, закрепленного за Учреждением

2.1. Сведения о недвижимом имуществе, за исключением земельных участков, закрепленном на праве оперативного управления

Наименование объекта	Адрес	Кадастровый номер	Код по ОКТМО	Год постройки	Единица измерения		Код строки	Используется Учреждением			Передано во временное пользование сторонним организациям (индивидуальным предпринимателям)				
					наименование	код по ОКЕИ		всего	в том числе:		всего	в том числе:			
									для осуществления основной деятельности	для иных целей		на основании договоров аренды	на основании договоров безвозмездного пользования	без оформления права пользования (с почасовой оплатой)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Площадные объекты <22>, всего	х	х	х	х	х	х	1000								
в том числе:							1100								
Линейные объекты <23>, всего	х	х	х	х	х	х	2000								
в том числе:							2100								
Иные объекты, всего	х	х	х	х	х	х	3000								
в том числе:							3100								
							Итого: 9000								

Наименование объекта	Код строки	Не используется				Фактически расходы на содержание объекта недвижимого имущества (руб. в год)										
		всего	из них:			всего	из них:									
			проводится капитальный ремонт или реконструкция	в связи с аварийным состоянием требуется ремонт	иные сведения		коммунальные услуги			услуги по содержанию имущества			налог на имущество			
							возмещается пользователем имущества	полностью возмещается между имуществом	по неиспользуемому имуществу	всего	возмещается пользователем имущества	полностью возмещается имуществу	всего	возмещается пользователем и имущества	по неиспользуемому имуществу	
3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16			
Площадные объекты <22>, всего	1000															
в том числе:	1100															
Линейные объекты <23>, всего	2000															
в том числе:	2100															
Иные объекты, всего	3000															
в том числе:	3100															
	3101															
Итого																

<22> Указываются здания, строения, сооружения и иные аналогичные объекты

<23> Указываются линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения.

2.2. Сведения об остаточной стоимости имущества, за исключением земельных участков, закрепленном на праве оперативного управления

Наименование показателя	Ед. изм.	Недвижимое имущество		Движимое имущество		Всего	
		на начало отчетного	на конец отчетного	на начало отчетного	на конец отчетного	на начало отчетного	на конец отчетного периода
1	2	3	4	5	6	7	8
Остаточная стоимость имущества по данным бухгалтерского баланса, в т.ч.:	руб.						
- переданного в аренду	руб.						
- переданного в безвозмездное пользование	руб.						
приобретенного учреждением за счет средств бюджета	руб.						
- приобретенного учреждением за счет доходов от приносящей доход деятельности	руб.						
- особо ценного движимого имущества	руб.	х	х				

2.3. Сведения о земельных участках, предоставляемых по праву безвозмездного (бесплатного) пользования

Наименование объекта	Адрес	Единица измерения	Кадастровый номер	Единица измерения		Всего	Используется Учреждением		Справочно: используется ли по согласованию с собственником	Не используется учреждением						Фактически расходы на содержание земельного участка (руб. в год)			
				наименование	код по ОКЕИ		всего	в том числе для государственных нужд деятельности		в том числе для государственных нужд	в том числе по прямому пользованию	по иным причинам	всего	в том числе:		в том числе:			
														на основании договора аренды	на основании договора безвозмездного пользования		иная информация	исполнительные расходы	иные
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	21
						Итого													

2.4. Сведения о недвижимом имуществе, используемом по договору аренды

2.4.1. Сведения о недвижимом имуществе, используемом на праве аренды с повышенной оплатой

Наименование объекта	Адрес	Единица измерения		Количество арендуемого имущества	Арендодатель (сододатель)			Срок пользования		Арендная плата		Фактически расходы на содержание арендуемого имущества (руб./год)	Направление использования арендуемого имущества		Обоснование заключения договора аренды
		наименование	код по ОКЕИ		наименование	ИНН	код по КЭСЗ	начала	окончания	за единицу меры (руб./мес.)	за объект (руб./год)		для осуществления основной деятельности <24>	для осуществления иной деятельности <25>	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Процедурные объекты <22>, всего в том числе:	x	x	x												
Дипломные объекты <23>, всего в том числе:	x	x	x												
Иные объекты, всего в том числе:	x	x	x												
				Итого											

2.4.2. Сведения о недвижимом имуществе, используемом на праве аренды с гашечковой оплатой

Наименование объекта	Адрес	Единица измерения		Количество арендуемого имущества	Арендодатель (сододатель)			Длительность использования (час)	Арендная плата			Фактически расходы на содержание объекта недвижимого имущества (руб./год)	Направление использования объекта недвижимого имущества		Обоснование заключения договора аренды
		наименование	код по ОКЕИ		наименование	ИНН	код по КЭСЗ		за единицу меры (руб./час)	за объект (руб./час)	всего за год (руб.)		для осуществления основной деятельности <24>	для осуществления иной деятельности <25>	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Процедурные объекты <22>, всего в том числе:	x	x	x												
Дипломные объекты <23>, всего в том числе:	x	x	x												
Иные объекты, всего в том числе:	x	x	x												
				Итого											

<24> Указывается направление использования объекта недвижимого имущества "1" - для осуществления основной деятельности в рамках государственного задания, "2" - для осуществления основной деятельности за счет средств государственного задания.

<25> Указывается направление использования объекта недвижимого имущества "1" - проведение конкурсно-организационных мероприятий и иных конкурсно-выставочных мероприятий, "4" - проведение спортивных мероприятий, "5" - проведение конференций, семинаров, выставок, мероприятий, встреч, совещаний, съездов, конгрессов, "6" - для иных мероприятий.

2.5. Сведения о недвижимом имуществе, используемом по договору безвозмездного пользования (договору ссуда)

Наименование объекта	Адрес	Единица измерения		Количество имущества	Ссудодатель			Срок пользования		Фактически расходы на содержание объекта недвижимого имущества (руб./год)	Направление использования объекта недвижимого имущества		Обоснование заключения договора ссуды
		наименование	код по ОКЕИ		наименование	ИНН	код по КЭСЗ	начала	окончания		для осуществления основной деятельности <24>	для осуществления иной деятельности <25>	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Процедурные объекты <22>, всего в том числе:										71728,49			
Нежилые помещения №№ 1, 36 на первом этаже литер А2А.3) административного здания "Дом Печати" -	г. Сызрань, ул. Карла Маркса, д.229	кв. квадратный метр	055	35,3	Министерство Республики Коми	1101481535		27.10.2016	бесплатно	71728,49	1		Договор безвозмездного пользования государственными жилыми помещениями Республики Коми №Б-1721-10/2016 от 27.10.2016г.
Дипломные объекты <23>, всего в том числе:													
Иные объекты, всего в том числе:													
				Всего						71728,49	1		

2.6. Сведения об объектах недвижимого имущества (за исключением транспортных средств)

Наименование показателя (группа основных средств)	Код строки	Наличия денежного имущества на конец отчетного периода								
		всего	используется Учреждением	в том числе:				не используется		
				всего	передано в пользование		требует ремонта	физически и морально изношено, ожидает списания, списания		
					в аренду	безвозмездно			всего	из них требует замены
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Нежилые помещения, здания и сооружения, не относящиеся к недвижимому имуществу	1000									
в том числе:	1100									
для основной деятельности										
из них:	1110									
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания										
для иной деятельности	1200									
Машины и оборудование	2000	186 983,00	98 497,00					88 486,00		
в том числе:	2100	186 983,00	98 497,00					88 486,00		
для основной деятельности										
из них:	2110	186 983,00	98 497,00					88 486,00		
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания										
для иной деятельности	2200									
Хозяйственный и производственный инвентарь, всего	3000									
в том числе:	3100									
для основной деятельности										
из них:	3110									
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания										
для иной деятельности	3200									
Прочие основные средства, всего	4000									
в том числе:	4100									
для основной деятельности										
из них:	4110									
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания										
для иной деятельности	4200									
Итого		186 983,00	98 497,00					88 486,00		

Наименование показателя (группа основных средств)	Код строки	Физический срок использования «26»												
		от 121 месяца и более		от 85 до 120 месяцев		от 61 до 84 месяцев		от 37 до 60 месяцев		от 13 до 36 месяцев		менее 12 месяцев		
		количество, ед.	балансовая стоимость, руб.	количество, ед.	балансовая стоимость, руб.	количество, ед.	балансовая стоимость, руб.	количество, ед.	балансовая стоимость, руб.	количество, ед.	балансовая стоимость, руб.	количество, ед.	балансовая стоимость, руб.	
1	2	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	
Нежилые помещения, здания и сооружения, не относящиеся к недвижимому имуществу	1000													
в том числе:	1100													
для основной деятельности														
из них:	1110													
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания														
для иной деятельности	1200													
Машины и оборудование	2000	5	88 486,00									3	98 497,00	
в том числе:	2100	5	88 486,00									3	98 497,00	
для основной деятельности														
из них:	2110	5	88 486,00									3	98 497,00	
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания														
для иной деятельности	2200													
Хозяйственный и производственный инвентарь, всего	3000													
в том числе:	3100													
для основной деятельности														
из них:	3110													
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания														
для иной деятельности	3200													
Прочие основные средства, всего	4000													
в том числе:	4100													
для основной деятельности														
из них:	4110													
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания														
для иной деятельности	4200													
Итого	9000	5	88 486,00									3	98 497,00	

Наименование показателя (группа основных средств)	Код строки	Остаточная стоимость объектов особо ценного движимого имущества, в том числе с оставшимся сроком полезного использования, руб.										
		менее 12 месяцев	от 12 до 24 месяцев	от 25 до 36 месяцев	от 37 до 48 месяцев	от 49 до 60 месяцев	от 61 до 72 месяцев	от 73 до 84 месяцев	от 85 до 96 месяцев	от 97 до 108 месяцев	от 109 до 120 месяцев	от 121 месяца и более
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Недвижимые помещения, здания и сооружения, не относящиеся к недвижимому имуществу	1000											
в том числе:	1100											
для основной деятельности												
из них:	1110											
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания												
для иной деятельности	1200											0,00
Машины и оборудование	2000	0,00										0,00
в том числе:	2100	0,00										0,00
для основной деятельности												
из них:	2110	0,00										
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания												
для иной деятельности	2200											
Хозяйственный и производственный инвентарь	3000											
в том числе:	3100											
для основной деятельности												
из них:	3110											
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания												
для иной деятельности	3200											
Прочие основные средства	4000											
в том числе:	4100											
для основной деятельности												
из них:	4110											
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного (муниципального) задания												
для иной деятельности	4200											
Итого		0,00										0,00

<26> Срок использования имущества считается начиная с 1-го числа месяца, следующего за месяцем принятия его к бухгалтерскому учету.

2.6.1. Сведения о расходах на содержание особо ценного движимого имущества

Наименование показателя	Код строки	Всего за отчетный период	Расходы на содержание особо ценного движимого имущества, руб.								
			в том числе:								
			на текущее обслуживание		на оплату налогов		на заработную плату обслуживающего персонала		иные расходы		
расходы на периодическое техническое (профилактическое) обслуживание	расходы на текущий ремонт, включая приобретение запасных частей	расходы на обязательное страхование	расходы на добровольное страхование	капитальный ремонт, включая приобретение запасных частей	на оплату налогов	заработная плата обслуживающего персонала	иные расходы				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Недвижимые помещения, здания и сооружения, не относящиеся к недвижимому имуществу	1000										
в том числе:	1100										
для основной деятельности											
из них:	1110										
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного задания											
для иной деятельности	1200										
Машины и оборудование	2000										
в том числе:	2100										
для основной деятельности											
из них:	2110										
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного задания											
для иной деятельности	2200										
Хозяйственный и производственный инвентарь	3000										
в том числе:	3100										
для основной деятельности											
из них:	3110										
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного задания											
для иной деятельности	3200										
Прочие основные средства	4000										
в том числе:	4100										
для основной деятельности											
из них:	4110										
для оказания услуг (выполнения работ) в рамках утвержденного государственного задания											
для иной деятельности	4200										
Итого											

2.7. Сведения о транспортных средствах

2.7.1. Сведения об используемых транспортных средствах

Наименование показателя	Код строки	Транспортные средства, ед.							
		всего		в том числе:					
		на отчетную дату	в среднем за год	в оперативном управлении учреждения		по договорам аренды		по договорам безвозмездного пользования	
на отчетную дату	в среднем за год			на отчетную дату	в среднем за год	на отчетную дату	в среднем за год		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Автомобили легковые, всего	1000								
в том числе:	1100								
средней стоимостью менее 3 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло не более 3 лет									
средней стоимостью менее 3 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1200								
средней стоимостью от 3 миллионов до 5 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1300								
средней стоимостью от 3 миллионов до 5 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1400								
средней стоимостью от 5 миллионов до 10 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1500								
средней стоимостью от 5 миллионов до 10 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1600								
средней стоимостью от 10 миллионов рублей	1700								
Автомобили грузовые, за исключением специальных	2000								
Специальные грузовые автомобили (специальные машины для технического обслуживания и пр.)	3000								
Автобусы	4000								
Прочие машины и механизмы	5000								
Итого									

2.7.2. Сведения о неиспользуемых транспортных средствах, находящихся в оперативном управлении Учреждения

Наименование показателя	Код строки	Передано во временное пользование сторонним организациям (индивидуальным предпринимателям)				Не используется				
		всего	в том числе:			всего	в том числе:			
			на основании договоров аренды	на основании договоров безвозмездного пользования	без оформления права пользования		проводится капитальный ремонт и/или реконструкция	в связи с аварийным состоянием (требуется ремонт)	в связи с аварийным состоянием (подлежит списанию) <27>	излишнее имущество (подлежит передаче в казну РФ)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Автомобили легковые, всего	1000									
в том числе: средней стоимостью менее 3 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1100									
средней стоимостью менее 3 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1200									
средней стоимостью от 3 миллионов до 5 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1300									
средней стоимостью от 3 миллионов до 5 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1400									
средней стоимостью от 5 миллионов до 10 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1500									
средней стоимостью от 5 миллионов до 10 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1600									
средней стоимостью от 10 миллионов рублей	1700									
Автомобили грузовые, за исключением специальных	2000									
Специальные грузовые автомобили (специальные машины для технического обслуживания и пр.)	3000									
Автобусы	4000									
Прочие машины и механизмы	5000									
Итого										

2.7.3. Выявление неиспользуемых транспортных средств

Наименование показателя	Код строки	Транспортные средства, в распоряжении которых в конце отчетного года, находились в работе										Транспортные средства, неиспользуемые в конце отчетного года													
		всего		в том числе:								всего		в том числе:											
		на отчетную дату	в среднем за год	в оперативном управлении Учреждения, ед.	по договорам аренды, ед.	по договорам безвозмездного пользования, ед.	в оперативном управлении Учреждения, ед.	по договорам аренды, ед.	по договорам безвозмездного пользования, ед.	на отчетную дату	в среднем за год	в оперативном управлении Учреждения, ед.	по договорам аренды, ед.	по договорам безвозмездного пользования, ед.	на отчетную дату	в среднем за год	в оперативном управлении Учреждения, ед.	по договорам аренды, ед.	по договорам безвозмездного пользования, ед.						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
Автомобили легковые (за исключением автомобилей такси) всего	1000																								
в том числе: средней стоимостью менее 3 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1100																								
средней стоимостью менее 3 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1200																								
средней стоимостью от 3 миллионов до 5 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1300																								
средней стоимостью от 3 миллионов до 5 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1400																								
средней стоимостью от 5 миллионов до 10 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1500																								
средней стоимостью от 5 миллионов до 10 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1600																								
средней стоимостью от 10 миллионов рублей	1700																								
Автомобили грузовые, за исключением специальных	2000																								
Специальные грузовые автомобили (специальные машины для технического обслуживания и пр.)	3000																								
Автобусы	4000																								
Прочие машины и механизмы	5000																								
Итого																									

2.7.4. Сведения о расходах на содержание транспортных средств

Наименование показателя	Код строки	Расходы на содержание транспортных средств, руб.													
		всего за отчетный период	на обслуживание транспортных средств							содержание гаражей		заработная плата обслуживающего персонала		уплата транспортного налога	
			расходы на горюче-смазочные материалы	приобретение (замена) колес, шин, дисков	расходы на ОСАГО	расходы на добровольное страхование	ремонт, включая приобретение запчастей	техническое обслуживание и ремонтные работы	организационные расходы	аренда гаражей, парковочных мест	содержание гаражей	водители	обслуживающий персонал гаражей		административного персонала гаражей
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Автомобили легковые, всего	1000														
в том числе: средней стоимостью менее 3 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1100														
средней стоимостью менее 3 миллионов рублей, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1200														
средней стоимостью от 3 миллионов до 5 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 3 лет;	1300														
средней стоимостью от 3 миллионов до 5 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1400														
средней стоимостью от 5 миллионов до 10 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло не более 3 лет	1500														
средней стоимостью от 5 миллионов до 10 миллионов рублей включительно, с года выпуска которых прошло более 3 лет	1600														
средней стоимостью от 10 миллионов рублей	1700														
Автомобили грузовые, за исключением специальных	2000														
Специальные грузовые автомобили (специальные машины для технического обслуживания)	3000														
Автобусы	4000														
Прочие машины и механизмы	5000														
Итого	9000														

<27> Указываются транспортные средства, в отношении которых принято решение о списании, ввозится по лицензии органов, осуществляющим функции и полномочия учредителя.

<28> Указываются транспортные средства, используемые в целях уборки территории, вывоза мусора, перевозки имущества (грузов), а также в целях перевозки людей.

Раздел 3. Эффективность деятельности

3.1. Сведения о видах деятельности, в отношении которых установлен показатель эффективности, правовых актах, устанавливающих показатели эффективности деятельности Учреждения в отношении реализуемого Учреждением вида деятельности, о достижении показателей эффективности деятельности Учреждения

Наименование вида деятельности	Наименование показателя эффективности деятельности Учреждения	Наименование правового акта, устанавливающего показатель эффективности деятельности Учреждения	Единица измерения показателя эффективности деятельности Учреждения	Плановое значение на отчетный период, установленный в правовом акте	Фактическое значение, достигнутое за отчетный период	Величина отклонения от установленных плановых значений	Причина отклонения от установленных плановых значений
1							
Основные:							
1.							
2.							
...							
Иные:							
1.							
2.							
...							

АРТ
ЛАДwww.artlad.ru
2023

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал
Республики Коми

Издаётся с 1997 года
на двух языках: коми и русском
Здесь вы найдёте всё о науке, культуре,
литературе, истории и общественной
жизни Республики Коми

Присоединяйтесь к увлекательному чтению!

**ЭЛЕКТРОННАЯ
ПОДПИСКА**

**Оплатить стоимость
электронной подписки
можно одним из следующих способов:**

1. в кассе редакции журнала «Арт»:
г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, д. 229, каб. 136, Дом печати
2. посредством онлайн переводов: необходимые данные (наши банковские реквизиты) ниже.

При оформлении электронной подписки необходимо указать следующую информацию: количество комплектов, электронный адрес, на который оформляется подписка, Ф.И.О. подписчика и контактный номер телефона (для связи).

Выслать на электронный адрес: artkomi@mail.ru сообщение примерно следующего содержания: ЭП «Арт»-2023, primer@mail.ru и приложить копию квитанции об оплате.

Реквизиты:

ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042 отделение Сбербанка
России № 8617 БИК 048702640 к/с 30101810400000000640

**Стоимость годовой подписки
на журнал «Арт» – 400 рублей.**

По вопросам и предложениям
звоните по номеру:
8 (8212) 20-14-99

